

ПРОГРЕССИЯ НАГРУЗОК

Яромир Яров

Прогрессия нагрузок

<https://litres.ru/74394093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пока другие рода соревнуются в роскоши, мы создаём её с нуля. Запускаем товары, о которых столичная знать ещё вчера даже не мечтала, открываем элитные лавки и превращаем фамилию Лисовых в новый символ качества и достатка. Но главная загадка находится совсем не здесь.

Слишком многое в прошлом моего отца не сходится.

Зачем он годами вкладывал деньги в шахты, которые считались неприбыльными? Почему лучшие исследователи рода занимались именно ими? И что такого пытались найти в глубине земли? Столица только начинает свою игру.

А я собираюсь изменить правила.

Содержание

Пролог. Нагрузка	4
Глава 1. Следующее ограничение	26
Глава 2. Две карты	63
Глава 3. Коллекция	72
Глава 4. Достояние	115
Глава 5. Свой зал	175
Глава 6. Допуск	252
Глава 7. Дом	319
Конец ознакомительного фрагмента.	361

Яромир Яров

Прогрессия нагрузок

Пролог. Нагрузка

— Ещё десять минут.

— Нет.

— Пять.

— Нет.

Молодой Каменский раздражённо выдохнул и откинулся спиной на деревянную крепь.

— Гавриил.

— Что?

— Я чувствую себя прекрасно.

Гавриил Лисов даже не поднял головы от записей.

— Именно это меня и беспокоит.

В шахте было тихо.

Не совсем.

Где-то далеко капала вода.

Потрескивала лампа.

Порода иногда отзывалась коротким сухим звуком, будто гора сама устраивалась удобнее.

Но людей вокруг не было.

Рабочих Гавриил отпустил почти час назад.

Официально они проверяли новый измерительный артефакт.

Неофициально прибор интересовал его значительно меньше человека, сидевшего напротив.

На столике между ними лежали:

часы;

две колбы с водой;

небольшой измерительный артефакт;

несколько листов;

и таблица, на которой уже начинало не хватать свободного места.

Гавриил посмотрел на часы.

— Вставай.

— Я только сел.

— Ты сидишь двадцать семь минут.

— И?

— Сегодня предел двадцать семь.

— В прошлый раз было двадцать пять.

— Именно.

Каменский уставился на него.

— Две минуты?

— Да.

— Ты издеваешься.

— Нет.

— Мой Источник даже не устал.

Гавриил наконец поднял голову.

— Мы не пытаемся его утомить.

— Тогда что мы делаем?

Гавриил посмотрел на серую стену.

Тонкие серебристые прожилки аурита пересекали породу почти на уровне груди.

— Пока выясняем.

Каменский поднялся.

Нехотя.

Очень нехотя.

Это Гавриил тоже записал.

**После воздействия субъективное нежелание поки-
дать участок сохраняется.**

— Ты серьёзно это записал?

— Да.

— «Не хотел уходить»?

— Именно.

— Почему?

Гавриил убрал перо.

— Потому что в первый раз ты тоже не хотел.

— Потому что здесь хорошо.

— Во второй раз сказал то же самое.

— И сейчас скажу.

Каменский сделал глубокий вдох.

Лицо расслабилось.

— Здесь действительно дышится легче.

Гавриил несколько секунд смотрел на него.

Потом записал и это.

Уже в третий раз.

— Мне кажется, ты слишком много внимания уделяешь словам.

— Иногда человек замечает изменение раньше прибора.

— Ты сейчас о себе?

— В том числе.

Каменский усмехнулся.

— Опять твой камень в сапоге?

Гавриил посмотрел.

— Именно.

Первый раз они спорили об этом несколько лет назад.

Каменский до сих пор не понимал, как Гавриил это делал.

Он мог войти в мастерскую.

Посмотреть на работающий артефакт.

Иногда даже не смотреть.

Постоять рядом.

И сказать:

здесь плохо.

На вопрос «что плохо?» отвечал ещё раздражительнее:
не знаю.

Потом начинались измерения.

Проверка соединений.

Материала.

Нагрева.

Потерь.

И слишком часто выяснялось, что где-то действительно было плохо.

Современные приборы постепенно научились находить часть того, что Гавриил раньше чувствовал без них.

Каменский всё равно считал это несправедливостью.

— Покажи ещё раз, — попросил он.

— Что?

— Где сильнее.

Гавриил вздохнул.

Подошёл к стене.

Не касаясь.

Медленно прошёл вдоль неё.

Остановился.

Вернулся на два шага.

Снова вперёд.

Поморщился.

— Здесь.

— Почему?

— Не знаю.

— Очень полезно.

— Ты просил показать.

— Что чувствуешь?

Гавриил задумался.

Это всегда было самым неприятным.

Превращать ощущение в слова.

— Плотнее.

— Что плотнее?

— Всё.

— Гавриил.

— Я не знаю, как назвать.

Он протянул ладонь к стене.

Не касаясь.

— Как будто поток рядом идёт иначе.

— Как?

— Иначе.

Каменский закрыл лицо рукой.

— Ты величайший исследователь своего поколения.

— Спасибо.

— И худший человек на свете, когда надо что-нибудь объяснить.

— Тоже спасибо.

Прибор поставили именно там, где указал Гавриил.

Каменский активировал его.

Кристалл вспыхнул.

Стрелка медленно пошла вправо.

Остановилась.

Каменский посмотрел.

Потом на старое значение.

Ещё раз.

— Выше.

— Насколько?

Тот назвал число.

Гавриил записал.

Без улыбки.

Каменский улыбался за двоих.

— Опять.

— Один результат.

— Мы уже делали три.

— В разных условиях.

— И все три...

— Разные условия.

— Ненавижу тебя.

— Запиши.

Они вышли из активного участка и остановились в небольшой боковой выработке, где аурита почти не было.

Через несколько минут Каменский нахмурился.

— Уже хуже.

Гавриил сразу поднял перо.

— Что именно?

— Не знаю.

— Насколько?

— Ты это специально.

— Насколько?

Каменский прислушался.

— Дышать так же.

— Значит, не дыхание.

— Я знаю.

Он положил ладонь на грудь.

— Источник будто... тяжелее.

— Боль?

— Нет.

— Усталость?

— Нет.

— Наполненность?

— Кажется, такая же.

— Тогда?

— Гавриил, если бы я умел нормально описывать ощущения, ты был бы мне не нужен.

Гавриил посмотрел.

— Справедливо.

Записал:

После выхода: субъективное ощущение возврата прежней «тяжести» Источника. Боли и слабости нет.

На поверхности их ждал второй прибор.

Более точный.

Каменский сел.

Гавриил проверил настройку дважды.

Потом третий раз.

— Я готов.

— Знаю.

Измерение заняло несколько минут.

Гавриил посмотрел на показатель.

Ничего не сказал.

Повторил.

Каменский уже начал улыбаться.

— Больше?

— Подожди.

Третье измерение.

Гавриил записал.

Только после этого ответил:

— Да.

— Насколько?

Назвал.

Совсем немного.

Каменский засмеялся.

— Значит, работает.

— Нет.

— Что «нет»?

— Измеряемая граница твоего Источника изменилась.

— В большую сторону.

— Да.

— После аурита.

— После нескольких воздействий в ауритовой шахте.

— Гавриил.

— Что?

— Это называется «работает».

Гавриил посмотрел на него.

— Нет.

Каменский поднял руки.

— Хорошо. Что ещё нужно?

— Понять причину.

— Аурит.

— Возможно.

— Ты сам выбрал именно эту шахту.

— Потому что здесь аурит.

— Вот.

— Это не доказательство механизма.

Каменский простонал.

— Когда-нибудь я тебя ударю.

— Сначала закончи измерение.

Но улыбка Гавриила исчезла быстро.

Он перевернул страницу.

Там были другие имена.

Не только Каменского.

Не только его самого.

Несколько людей, согласившихся участвовать в ранних
опытах.

Разного возраста.

Разные Источники.

Разная длительность.

У двух, ёмкость после серии воздействий выросла.

Немного.

Но повторяемо.

У третьего почти не изменилась.

У четвёртого...

Гавриил провёл пальцем по строке.

Каменский заметил.

— Опять он?

— Да.

— Что сейчас?

— Нестабильность сохранялась два дня.

— Но прошла.

— Да.

— Значит...

— Нет.

Каменский замолчал.

Гавриил редко повышал голос.

Поэтому одного короткого «нет» хватало.

— Он чувствовал себя хорошо внутри, — сказал Гавриил.

— Как мы.

— Именно.

— А потом?

— Сначала тоже хорошо.

Гавриил перевернул ещё лист.

— На следующее утро появились перебои потока при про-

стой нагрузке.

— Боль?

— Нет.

— Истощение?

— Нет.

— Что тогда?

— Источник реагировал неровно.

Пауза.

— Ещё через сутки восстановился.

Каменский посмотрел на вход в шахту.

Улыбка исчезла.

— Сколько он был внутри?

Гавриил назвал время.

Дольше.

Значительно.

— И ты думаешь, это из-за длительности?

— Не знаю.

— Возраста?

— Не знаю.

— Размер Источника?

— Не знаю.

— Количества аурита?

— Не знаю.

Каменский тяжело выдохнул.

— Очень вдохновляет работать с тобой.

— Именно поэтому мы продолжаем.

Гавриил достал отдельную таблицу.

Время воздействия.

Расстояние до богатого пласта.

Размер Источника.

Наполненность до входа.

Состояние после.

Через час.

На следующее утро.

Через сутки.

Каменский смотрел.

— Ты записываешь уже даже сон?

— Да.

— Зачем?

— Не знаю.

— Тогда зачем записывать?

Гавриил поднял голову.

— Потому что потом может оказаться, что надо было.

Каменский замолчал.

Потом кивнул.

С этим спорить было труднее.

— Все хотят один ответ, — сказал Гавриил.

— Какой?

— Сколько нужно сидеть здесь, чтобы стать сильнее.

Каменский улыбнулся.

— Разумный вопрос.

— Нет.

— Почему?

Гавриил закрыл таблицу.

— Потому что это не самый важный вопрос.

— А какой?

Он посмотрел в сторону входа.

Туда, где под землёй оставались сотни и тысячи тонн серой породы.

— Когда нужно встать и уйти.

Каменский перестал улыбаться.

Некоторое время они молчали.

Потом Каменский сказал:

— Тогда нужна своя шахта.

Гавриил повернулся.

— Что?

— Своя.

— Зачем?

— Потому что мы уже третий месяц ездим сюда.

— Это шахта Лисовых.

— Именно.

— И?

— Рабочие задают вопросы.

— Я сказал, что проверяю ауритовые сплавы.

— Рабочие не идиоты.

— Не все.

Каменский усмехнулся.

— Очень уважительно к собственным людям.

— Это комплимент.

Он задумался.

— Каменские могут купить шахту.

Гавриил пожал плечами.

— Покупайте.

Каменский даже сбился.

— И всё?

— А что ещё?

— Я ожидал, что ты будешь против.

— Почему?

— Это ваше месторождение. Ваши исследования.

Гавриил нахмурился.

— Исследования наши.

Сказано было так просто, что Каменский замолчал.

— Ты работаешь со мной, — продолжил Гавриил. — Твои мастера работают со мной. Половина приборов здесь ваша.

— Да.

— Тогда что именно я должен от тебя скрывать?

Каменский медленно улыбнулся.

— Иногда я забываю, что ты совершенно не умеешь быть политиком.

— Спасибо богам.

— Возьмём хорошую шахту, — сказал Каменский.

— Нет.

— Почему?

— Дорого.

— Мы можем себе позволить.

— Именно поэтому нет.

Каменский смотрел.

Гавриил пояснил:

— Хорошая ауритовая шахта сейчас всё ещё стоит денег.

— И?

— Если Каменские внезапно начнут покупать дорогие ауритовые месторождения, люди решат, что аурит снова стал нужен.

Каменский перестал улыбаться.

— А если купить плохую?

— Никто не удивится.

— Но там меньше руды.

— Нам не нужна добыча.

Пауза.

Теперь Каменский смотрел совсем иначе.

— Нам нужно место, где она лежит.

Гавриил кивнул.

— Именно.

Через неделю Каменский принёс три варианта.

Гавриил посмотрел только на цены.

Первую отложил.

Слишком хорошая.

Вторую тоже.

Слишком близко к крупной дороге.

Третья:

плохая дорога;

старые крепи;

небольшая прибыль;

владелец хотел избавиться.

Гавриил ткнул пальцем.

— Эту.

— Даже не спросишь объём добычи?

— Нет.

— Качество руды?

— Потом.

— Прибыль?

— Неинтересно.

Каменский рассмеялся.

— Если бы мой отец сейчас это услышал...

— Не говори ему.

— Придётся. Он платит.

— Тогда скажи, что я попросил.

— Это сделает только хуже.

Каменский уже собирал бумаги, когда заметил отдельную страницу.

Не таблицу.

Несколько коротких строк.

— Это что?

Гавриил сразу накрыл лист рукой.

— Пока ничего.

— Тогда почему прячешь?

— Потому что ты начнёшь спрашивать.

— Уже.

Гавриил вздохнул.

Убрал руку.

На листе было написано:

После прекращения воздействий изменение не всегда останавливается сразу.

Ниже:

В двух случаях наблюдалось продолжение изменения границы Источника без повторного посещения шахты.

И последняя строка:

В одном случае поздняя нестабильность появилась после периода полного внешнего благополучия.

Каменский прочитал.

Ещё раз.

— Что это значит?

— Пока не знаю.

— Источник продолжает расти после выхода?

— Иногда.

— Это хорошо.

— Возможно.

— А нестабильность?

— Поэтому и возможно.

Каменский нахмурился.

— Ты думаешь, эффект продолжается после прекращения воздействия?

— Думаю, что мы слишком много смотрим на то, что происходит внутри шахты.

Гавриил взял лист.

— А надо смотреть после.

— Сколько?

— Дни.

— Недели?

— Возможно.

— Месяцы?

Гавриил помолчал.

— Именно это мне не нравится.

Каменский сел обратно.

— Тогда следующий опыт...

— Не будет следующего воздействия тебе минимум неделю.

— Неделю?

— Да.

— Но мы уже...

— Именно.

— Я чувствую себя прекрасно.

Гавриил посмотрел.

— Это ты уже говорил.

— И что?

— Человек с поздней нестабильностью тоже говорил.

Тишина.

Каменский наконец кивнул.

Неохотно.

— Неделя.

— И ежедневное измерение.

— Каждый день?

— Да.

— Я работаю.

— Значит, приходи раньше.

— Ты невозможный человек.

— Знаю.

Перед отъездом Каменский ещё раз посмотрел на вход в шахту.

— Всё равно жалко.

— Что?

— Не заходить неделю.

Гавриил остановился.

— Почему?

— Там спокойно.

Пауза.

— И дышится легче.

Гавриил долго смотрел на него.

Потом на шахту.

— Вот поэтому и не зайдёшь.

Каменский уже садился в карету, когда обернулся.

— Гавриил.

— Что?

— Если всё подтвердится...

Он помолчал.

— Это изменит очень многое.

Гавриил держал под мышкой записи.

— Только если мы сначала не покалечим половину магов,
пытаясь стать сильнее.

— Ты всегда умеешь испортить красивый момент.

— Работа такая.

Каменский улыбнулся.

Карета тронулась.

Гавриил остался один.

Несколько секунд смотрел вслед.

Потом открыл журнал.

Записал:

**Следующее воздействие — не ранее чем через семь
суток.**

Ниже:

Наблюдать состояние после прекращения контакта.

И ещё ниже, уже мельче:

Рост — не результат сам по себе. Важна устойчивость после роста.

Он закрыл журнал.

До покупки первой ауритовой шахты Каменских оставалось несколько месяцев.

До первых опытов в ней — ещё больше.

Гавриил Лисов их уже не увидит.

Но Каменские запомнят другое.

Не цену руды.

Не объём добычи.

Не старую дорогу.

А простой принцип, который Гавриил повторял им снова и снова:

важно не то, сколько нагрузки способен выдержать человек.

Важно вовремя понять, когда её достаточно.

Глава 1. Следующее ограничение

Савва дал Ярославу в дорогу один лист.

Не деньги.

Не список расходов.

Не поручение.

Инструкцию.

Ярослав прочитал.

На месте ничего не покупать.

Ничего не строить.

Не обещать деньги.

Не произносить фразу «это всего несколько десятков золотых».

Он поднял глаза.

— Вы мне совсем не доверяете.

Савва Никитич спокойно поправил лежавшую перед ним книгу.

— Наоборот.

— Это очень странное проявление доверия.

— Я доверяю вам увидеть проблему.

Пауза.

— И совершенно не доверяю спокойно пройти мимо неё.

Ратмир усмехнулся.

Ярослав посмотрел на него.

— Вы со мной?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вы сами попросили меня не ехать.
Это было правдой.

Идея появилась ещё на Совете.

Проехать по главным активам рода.

Посмотреть, что изменилось после первых реформ.

Не искать очередную катастрофу.

Найти новое ограничение.

Ратмир прекрасно знал каждое принятое решение.

И именно поэтому Ярослав решил оставить его дома.

— Если вы будете рядом, — объяснил он, — то начнёте рассказывать, почему всё устроено именно так, ещё до того, как я успею спросить, почему оно устроено именно так.

Ратмир тогда подумал.

И согласился.

Поэтому с Ярославом ехал только Елисей.

С бумагами.

Чернилами.

Чистой тетрадью.

И подозрительно довольным выражением лица.

— Что? — спросил Ярослав.

— Ничего.

— У вас лицо Саввы.

— Я взял вторую копию его инструкции.

— Предатели.

Первым был лес.

Когда-то именно здесь Ярослав впервые понял, насколько глупо род распоряжался собственным богатством.

Хороший лес.

Нормальный спрос.

И годами его продавали почти как сырьё.

Срубили.

Погрузили.

Отправили.

Чужие люди распилили.

Высушили.

Обработали.

И забрали себе большую часть добавленной стоимости.

Теперь всё выглядело иначе.

Пилорама работала.

Доски сортировали.

Отдельно лежал материал лучшего качества.

Отдельно обычный строительный.

Были заказы.

Были размеры.

Были люди, отвечающие не просто за пиление, а уже за отдельные части процесса.

Лука встретил Ярослава без прежней настороженности.

— Молодой господин.

— Как дела?

— Хорошо.

Ярослав остановился.

— Всё?

Лука улыбнулся.

— А что надо сказать?

— Что-нибудь плохое.

— Зачем?

— Я приехал искать, куда ещё потратить деньги.

Елисей кашлянул.

Ярослав повернулся.

— Я не это имел в виду.

— Савва Никитич просил записывать дословно.

— Ненавижу вас обоих.

Первые полчаса Ярослав действительно ничего крупного не нашёл.

Люди работали.

Пила не простаивала.

Сортировка была понятной.

Готовый материал уходил.

Лука сам вёл переговоры в рамках установленных цен.

На одном из штабелей даже появились метки по покупателям.

Ярослав почти начал разочаровываться.

Потом заметил двор.

Точнее — количество дерева на нём.

Распиленного было много.

Слишком много.

— Почему это здесь?

Лука посмотрел.

— Ждёт.

— Чего?

— Сушки.

Вот.

Ярослав сразу пошёл ближе.

Под навесами уже лежали штабеля.

Сушильные места были заполнены почти полностью.

— И давно?

— Последние две партии особенно.

— Пилить можете больше?

— Можем.

— Продать можете больше?

— Думаю, да.

— А высушить?

Лука покачал головой.

— Вот это уже хуже.

Часть досок приходилось дольше держать под временными навесами.

Перекладывать.

Следить за дождём.

Иногда хороший материал занимал место, потому что его нельзя было выпускать раньше срока.

А если распилил увеличить ещё...

ничего принципиально не изменится.

Готовое дерево просто скопится здесь.

Ярослав улыбнулся.

Лука посмотрел с подозрением.

— Что хорошего?

— Нашёл.

— Что?

— Следующее ограничение.

Елисей уже писал.

Лес.

Первое ограничение устранено: переработка.

Новое: сушка и хранение.

— Строим? — спросил Лука.

Ярослав машинально открыл рот.

Вспомнил лист Саввы.

Закрыл.

— Нет.

Елисей улыбнулся.

— Что?

— Ничего.

— Лука, вместе с Данилой сделайте три варианта.

— Каких?

— Дешёвый. Средний. Дорогой.

— Чего?

— Расширения сушки и хранения. Цена. Сколько допол-

нительного материала пройдёт за год. Сколько заработаем сверху. За сколько окупится.

Лука подумал.

— Сделаем.

— И только потом строим.

Елисей подчеркнул последнюю фразу.

Ярослав решил его сегодня не любить.

Лука показал ещё несколько заказов.

Здесь обнаружилась другая возможность.

Столичные мастера начали просить не просто доски.

Одинаковая длина.

Одинаковая толщина.

Отбор по рисунку.

Некоторые хотели поверхность уже строганную.

— Можем? — спросил Ярослав.

Лука пожал плечами.

— Сделать можем.

— Много?

— Вот тут сложнее.

Потребуется приспособления.

Хороший мастер.

Дополнительное время.

Ярослав кивнул.

— Сколько заказов сейчас?

Лука показал.

Пока недостаточно.

— Тогда ничего не покупаем.

— Совсем?

— Сначала спрос.

Он повернулся к Елисею.

— Запиши: собрать заявки на обработанную стандартизированную заготовку. Без вложений, пока не увидим объём.

Елисей записал.

Ярослав сам себе едва заметно кивнул.

Савва мог бы гордиться.

Но говорить ему об этом не стоило.

На основной мельнице было хуже.

Потому что там Ярослав вообще почти ничего не нашёл.

Еремей встретил их.

Провёл.

Механизм работал.

Зазор регулировался.

Сито работало.

Подъём зерна тоже.

Никаких новых чудес.

Никаких людей, таскающих вручную то, что уже давно можно было не таскать.

— И что у вас плохо? — спросил Ярослав.

Еремей задумался.

Очень долго.

— Иногда зерна мало.

— В смысле?

— Молоть можем больше.

Вот она.

Старая проблема.

Только теперь звучала иначе.

Раньше мельница не справлялась с тем, что ей привозили.

Теперь она **могла больше, чем ей привозили.**

Ярослав прошёлся по помещению.

— На сколько больше?

Елисей поднял записи.

Средняя фактическая загрузка всё ещё не доходила до
возможной.

Особенно вне пиковых недель.

— Значит, нам нужны новые поставщики.

— Можно, — сказал Еремей.

Ярослав уже собирался записать.

И остановился.

Посмотрел в сторону полей.

— А почему поставщики должны быть чужими?

Елисей не понял.

— Что?

— У нас есть пашни.

— Есть.

— Мы выращиваем зерно.

— Да.

— Почему не выращивать больше пшеницы самим?
Тишина.

Еремей медленно сказал:

— Можно.

— Потом молоть здесь.

— Можно.

— И продавать уже муку.

— Можно.

Ярослав улыбнулся.

Елисей сразу поднял палец.

— Савва Никитич...

— Я ничего не покупаю.

— Пока.

— Просто считаем.

Они сели прямо в мельничной конторе.

Подняли хозяйственные записи.

Сколько земли можно безопасно перевести под дополнительную пшеницу, не разрушив остальной севооборот.

Сколько потребуется семян.

Людей.

Уборки.

Перевозки.

Но главный вопрос Ярослав поставил раньше расчётов.

— Кому продавать?

Еремей пожал плечами.

— Муку покупают.

— Это не рынок.

Елисей понял.

— Нужен объём.

— Именно.

Они подняли данные по существующим покупателям.

Постоялые дворы.

Городские торговцы.

Небольшие пекарни.

Соседние земли.

Плюс контакты, которые Михаил мог использовать в столице и дальних городах.

После грубой оценки получилось:

ближайший рынок без заметного снижения цены способен принять примерно **1 800–2 000 дополнительных мешков муки в год.**

Ещё **2 000–2 500** можно было бы увести дальше.

Но там уже возрастала стоимость перевозки.

— Значит, не надо сразу выращивать на пять тысяч, — сказал Ярослав.

Елисей посмотрел.

— Хотели?

— Уже нет.

Пилот.

Объём собственных посевов, достаточный примерно для производства **двух тысяч мешков товарной муки.**

Предварительные затраты:

семена, обработка земли, дополнительные работники и уборка:

1 180 золотых.

Доставка зерна на мельницу:

170.

Помол:

310.

Доставка готовой муки, торговые расходы и продажи:

360.

Всего:

2 020 золотых.

Ожидаемая выручка от муки и отрубей при текущих ценах:

от **3 450 до 3 600 золотых.**

Чистый результат:

примерно **1 430–1 580 золотых** за сезон.

Елисей перечитал.

— Хорошо.

— Если продадим.

— Да.

Ярослав подчеркнул это слово.

Если.

— Сначала Михаил и наши торговцы подтверждают рынок хотя бы на полторы тысячи мешков. Остальное — только после этого.

Еремей спросил:

— А если спрос будет больше?

— Тогда в следующем сезоне увеличим.

Очень хотелось сделать всё сразу.

Именно поэтому не надо.

Дорога встретила их колеями.

Не вся.

Главный проблемный участок.

Трафик вырос.

Это было хорошо.

Тяжёлые телеги с лесом.

Зерно.

Руда.

Торговцы.

Это было ещё лучше.

И всё это хорошее очень успешно уничтожало старое покрытие.

Карп встретил их у пропускного пункта.

Евсей как раз оформлял телегу.

Ярослав заметил, что постоянного перевозчика пропустили значительно быстрее остальных.

— Что сделали?

Карп сразу напрягся.

— Господин?

— С телегой.

— А.

Он замялся.

— Они часто ездят.

— Вижу.

— Мы уже знаем людей. Знаем телеги. Бумаги одинаковые.

— И?

— Сделали отдельную отметку.

— Кто разрешил?

Карп посмотрел на Евсея.

Евсей на Карпа.

— Никто.

Ярослав кивнул.

— Хорошо.

Оба явно не ожидали.

— Хорошо?

— Если время сократилось.

— Сократилось.

— Ошибок больше?

— Нет.

— Пошлина теряется?

— Нет.

— Тогда оформите правило нормально.

Елисей уже записал.

Карп расслабился.

Ярослав смотрел и чувствовал почти физическое удоволь-

ствие.

Люди сами увидели потерю времени.

Сами исправили.

Не идеально.

Но правильно по принципу.

Вот это стоило денег.

Потом дошли до дороги.

Ратмир заранее подготовил две сметы.

Первый вариант выглядел разумнее.

Ремонтировать только разбитые части.

Менять покрытие по мере износа.

Базовая сумма:

1 030 золотых.

Второй:

полностью заменить покрытие на всём проблемном отрезке.

1 520 золотых.

Разница:

почти пятьсот.

Ярослав уже хотел выбрать первый.

Потом увидел дополнительные строки.

— Что это?

Елисей прочитал.

Если делать частями сейчас, часть камня понадобится срочно до ухудшения погоды.

Обычных перевозчиков уже не хватало.

Доплата за срочную доставку:

174 золотых.

Дополнительные рабочие:

86.

Перераспределение телег:

50.

Итого срочность:

310 золотых.

Общий частичный вариант:

1 340 золотых.

Ярослав посмотрел на второй.

1 520.

Разница:

180 золотых.

— И через сколько к первому варианту снова вернёмся?

Карп ответил:

— Думаю, на следующий год точно.

— Потому что соседние старые участки начнут уходить?

— Да.

Ярослав ещё раз посмотрел.

Тысяча триста сорок.

Потом снова ремонт.

Или тысяча пятьсот двадцать сейчас.

— Полностью.

Елисей поднял голову.

— Всё покрытие проблемного участка?

— Да.

— Это дороже.

— На сто восемьдесят сейчас.

Он показал на лист.

— Но дешевле, чем снова организовывать ремонт через год.

Карп спросил:

— Значит, менять всё?

— Всё.

Вот здесь Савва будет недоволен.

Но не слишком.

Из фонда быстрых хозяйственных улучшений уже было выделено **1 500 золотых**.

Недостающие двадцать — из рабочего запаса.

Ярослав даже улыбнулся.

— Елисей.

— Да?

— Запишите отдельно.

— Что?

— Я выбрал более дорогой вариант.

Елисей посмотрел.

— Для Саввы?

— Именно.

— Хотите его расстроить?

— Хочу показать, что у меня была причина.

— Это расстроит сильнее.

Постоялый двор Ярослав узнал не сразу.

Тот же дом.

Тот же двор.

Те же конюшни.

И при этом...

другой.

У входа стояли большие горшки с цветами.

Окна были чистыми.

Занавески новые.

Столбы во дворе переставили.

Даже дрова лежали аккуратнее.

Ярослав остановился.

— Мы туда приехали?

Елисей посмотрел на вывеску.

— Похоже.

Из двери вышел Трофим.

И сразу улыбнулся.

— Молодой господин!

Ярослав прищурился.

— Что случилось?

Трофим остановился.

— В смысле?

— Здесь.

Он показал рукой.

— У вас женщина появилась.

Трофим покраснел.

Елисей рассмеялся.

— Вот так сразу?

— Я не слепой.

Из дома вышла женщина лет сорока.

Крепкая.

Добродушное лицо.

Фартук.

Руки в муке.

— Трофим?

— Агафья, это господин Ярослав.

Она сразу вытерла руки.

— Молодой господин.

— Значит, Агафья.

Трофим совсем смутился.

— Мы... поженились.

— И сообщить?

— Вы в столице были.

— Это очень плохое оправдание.

— Я думал...

— Ничего не думали.

Ярослав улыбнулся.

— Поздравляю.

Совершенно искренне.

Он помнил Трофима вдовцом.

Нормальным хозяином.

Работающим.

Но каким-то вечно усталым.

Сейчас лицо было другим.

Спокойнее.

Живее.

И двор тоже.

Подарок лежал в отдельной телеге.

Ярослав специально попросил Данилу сделать его ещё до поездки.

Хороший большой сундук.

Не дворцовый.

Но из отличного высушенного дерева.

Резной край.

Крепкие петли.

Внутри отделения для белья, ткани и домашних вещей.

Когда его внесли, Агафья буквально замолчала.

— Это нам?

— Нет. Тихону.

Она не поняла.

Трофим засмеялся.

— Он шутит.

— Свадебный подарок, — сказал Ярослав. — От дома.

Агафья провела ладонью по крышке.

— Господин...

— Даже не начинайте.

Трофим выглядел так, будто сейчас либо обнимет Ярослава, либо заплачет.

Оба варианта были опасными.

— Лучше кормите, — сказал Ярослав.

Агафья сразу оживилась.

— Так проходите!

Вот теперь стало действительно хорошо.

Еда изменилась ещё сильнее двора.

Раньше Трофим кормил нормально.

Сытно.

Горячо.

Просто.

Теперь суп всё ещё был сытным.

Но вкуснее.

Мясо — мягче.

Соус появился там, где раньше его не было.

Хлеб горячий.

К крупе добавили жареный лук и что-то ещё.

Ярослав доел первую тарелку.

Посмотрел на Трофима.

— Это она?

Трофим гордо кивнул.

— Теперь понимаете, почему я женился?

Из кухни донеслось:

— Я всё слышу!

Трофим закашлялся.

Ярослав смеялся так, что пришлось отложить ложку.

— Хорошая причина.

— Я тоже так думаю.

— Трофим!

— Молчу!

Но хорошая еда и порядок принесли новую проблему.

Мест стало не хватать.

— Насколько часто? — спросил Ярослав.

Трофим принёс свои записи.

Не идеальные.

Но уже записи.

Последние **60 ночей**.

Полностью заняты все комнаты:

19 ночей.

В **11 ночей** пришлось отправлять часть людей дальше.

По отметкам Трофима и Агафьи за два месяца потеряли примерно:

73 возможные ночёвки.

— Средний доход с человека?

Комната.

Еда.

Иногда конюшня.

Горячая вода.

Примерно **0,9** золотого.

Получалось около:

66 золотых недополученной выручки за два месяца.

Если поток сохранялся:

примерно **400 золотых выручки в год** терялось только

потому, что некуда положить людей.

— Строить второй корпус? — спросил Трофим.

Ярослав посмотрел на Саввин лист в голове.

— Сколько?

Елисей уже поднял предварительную оценку местного мастера.

Корпус на восемь комнат:

примерно **1 150 золотых.**

Дополнительное ежегодное обслуживание, бельё, отопление и труд:

около **150 золотых.**

При сегодняшнем потоке чистый дополнительный результат:

примерно **250 золотых в год.**

Окупаемость:

четыре с половиной года.

Ярослав поморщился.

— Долго.

Трофим расстроился.

— Значит, нет?

— Новый корпус — пока нет.

Агафья неожиданно сказала:

— А флигель?

Все посмотрели.

— Какой?

— Хозяйственный.

За домом стоял старый флигель.

Сейчас там часть запасов и всякий хлам.

Агафья уже думала.

Конечно.

— Если вещи перенести в сарай и сделать там четыре комнаты...

Трофим посмотрел на жену.

— Я говорил!

— Ты говорил про две.

— Потом подумал про четыре.

— После того как я сказала.

Ярослав поднял руку.

— Сколько?

Местный мастер прикинул.

Переделка:

примерно **380 золотых**.

Четыре простых комнаты.

Без роскоши.

Нормальные кровати.

Тепло.

Чисто.

Это перекрывало бы большую часть нынешнего пикового дефицита.

Дополнительная чистая прибыль:
примерно **175–185 золотых в год.**

Окупаемость:

чуть больше двух лет.

Ярослав кивнул.

— Вот это уже интереснее.

— Делать? — спросил Трофим.

Ярослав вспомнил Савву.

— Сначала окончательная смета.

Трофим вздохнул.

Агафья сказала:

— Правильно.

Трофим посмотрел на жену.

— Ты на чьей стороне?

— Денег.

Ярослав понял:

постоялый двор попал в хорошие руки.

В деревне следующая проблема стоила восемнадцать золотых.

Буквально.

Староста начал длинное объяснение.

Весной не успевают.

Хороший срок короткий.

Старый плуг один.

Второй почти развалился.

Несколько хозяйств ждут очередь.

Ярослав спросил:

— Сколько новый?

— Хороший?

— Хороший.

— Около восемнадцати золотых.

— Купить.

Староста замолчал.

Елисей поднял голову.

— Без расчётов?

— Восемнадцать золотых.

— Савва...

— Это и есть расчёт.

Ярослав посмотрел на старосту.

— Один общий. Очередь использования записывать. Если к концу сезона реально уменьшит задержки и будет нужен постоянно — подумаем о втором.

— Спасибо, молодой господин.

— Не спасибо. Берегите.

Потом посмотрел на Елисея.

— Иногда проблему за восемнадцать золотых не надо изучать три месяца.

— Записал.

— Вы всё сегодня записываете против меня?

— Для истории.
Опасный человек.

А вот сады оказались другой историей.

Часть плодов каждый год портилась.

Особенно когда хороший урожай совпадал с плохой дорогой или слабым спросом.

Староста предложил построить большой сушильный сарай.

Ярослав не согласился.

— Сколько портится?

Тишина.

— Не знаю.

— Сколько можно высушить сейчас?

— Не знаю.

— Сколько платят за сушёные плоды?

— По-разному.

— Тогда ничего не строим.

Контраст с плугом был почти смешным.

Восемнадцать золотых — потратили мгновенно.

Здесь потенциально можно было заработать намного больше.

Именно поэтому сначала нужны были цифры.

Ярослав поручил:

посчитать реальный объём потерь;

узнать существующие способы хранения;

поговорить с теми, кто уже сушит и варит;
проверить цены.
Потом пилот.
Не раньше.

На Чернавскую мельницу приехали ближе к вечеру следующего дня.

Она работала.

Это уже перестало удивлять.

Чернавский подробно начал рассказывать про механизм.

Ярослав остановил.

— Что у вас сейчас мешает больше всего?

Тот задумался.

— Дальние деревни.

— Почему?

— Хотят возить.

— И?

— Дорого.

Чем дальше находилась деревня, тем больше доля перевозки съедала выгоду.

Сам помол оставался привлекательным.

Но доставка зерна туда и муки обратно делала систему бессмысленной для части людей.

Опять.

Не мельница.

Не производительность.

Перевозка.

Ярослав посмотрел на Елисея.

Тот уже улыбался.

— Что?

— Я знаю, что сейчас скажете.

— Что?

— Следующее ограничение.

— Тогда записывайте.

Вечером они остановились на хорошем независимом постоялом дворе.

Том самом, который Ярослав когда-то впервые увидел по дороге к далёкой шахте.

Здесь по-прежнему почти нечего было исправлять.

Лошадей забрали сразу.

Ужин горячий.

Комната чистая.

Крючки на месте.

Вода тоже.

Ярослав сел за стол.

Елисей разложил тетрадь.

— Подводим?

— Давайте.

Список получился длинным.

Лес — сушка и хранение.

Мельница — недостаток зернового потока.

Собственные пашни — пилот товарной пшеницы после подтверждения спроса.

Дорога — износ покрытия. Решение: полная замена проблемного участка, 1 520 золотых.

Постоялый двор — нехватка мест в пики. Проверить переделку флигеля, около 380 золотых.

Деревня — плуг, 18 золотых. Купить.

Сады — потери урожая. Сначала измерить.

Чернавская — дальние деревни ограничены стоимостью перевозки.

Ярослав перечитал.

— Видите?

— Да.

— Что?

Елисей подвинул лист.

— Мы научились производить больше.

— И?

— Теперь не успеваем хранить и возить.

Вот.

Ярослав медленно кивнул.

Лес упирался в хранение.

Зерно — в подвоз.

Мельницы — в поток.

Дорога — в нагрузку.

Постоялый двор — в места.

Фрукты — в сохранность.

Чернавская — в расстояние.

Одна и та же проблема в разных формах.

Переместить.

Сохранить.

Распределить.

— Логистика, — сказал Ярослав.

Елисей посмотрел.

— Что?

— Неважно.

Слово он пока решил не внедрять.

Слишком чужое.

— Нам нужна не следующая мельница.

— А что?

— Система движения между ними.

Телеги.

Маршруты.

Склады.

Сборные пункты.

Обратные грузы.

Содержание дорог.

Не сегодня.

Но направление уже было видно.

Елисей спросил:

— И что будем делать первым?

Когда-то Ярослав выбрал бы то, что выглядело интерес-

нее.

Теперь посмотрел на суммы.

— Считать цену каждого ограничения.

— Всех?

— Да.

Он взял перо.

Написал:

Не исправлять проблему только потому, что она существует.

Ниже:

Исправлять, если цена проблемы выше цены исправления.

Елисей перечитал.

— А плуг?

— Восемнадцать золотых.

— Понятно.

— Вот.

Ярослав улыбнулся.

Не каждая проблема заслуживала комитет.

Не каждая — немедленных денег.

Надо было отличать одну от другой.

Новая шахта была последней точкой маршрута.

Восемь часов от дома.

После старой дороги почти подарок.

Они добрались ещё до темноты.

Шахта выглядела именно так, как обещали бумаги.

Маленькая.

Не слишком прибыльная.

Никакой внушительности.

Несколько зданий.

Погрузочная площадка.

Рабочие.

Старые телеги.

Обычная руда.

Обычные люди.

Управляющий встретил нового владельца нервно.

Ярослав сразу сказал:

— Сегодня никаких увольнений.

Мужчина расслабился совсем немного.

— Показывайте как есть.

Сначала Ярослав действительно смотрел как хозяин
обычного актива.

Телеги.

Погрузка.

Склад.

Дорога.

Смены.

Расходы.

Где теряют время.

Что ломается.

Что рабочие ненавидят сильнее всего.

Первые ответы были скучными.

И это хорошо.

Одну телегу надо заменить.

Навес маловат.

Кузница далеко от места, где чаще ломается инструмент.

Ничего страшного.

Никакой революции.

А потом они подошли к входу.

Ярослав остановился.

Сначала решил, что устал.

Моргнул.

Посмотрел снова.

Дымка.

Очень слабая.

Но она была.

У самого входа.

Не глубоко под землёй.

Не рядом с открытым богатым пластом.

Здесь.

Среди обычного серого камня.

И заметнее, чем в исследовательской комнате дома.

Ярослав ничего не сказал сразу.

Елисей прошёл ещё два шага.

Обернулся.

— Что?

Ярослав смотрел внутрь.

Серебряные прожилки в стене.

Тонкие.

Ничего особенного для обычного глаза.

А вокруг — знакомая почти прозрачная пелена.

— Запиши.

Елисей достал отдельную маленькую тетрадь.

Закрытый журнал.

— Что?

— Эффект виден уже у входа.

Перо замерло.

— Сильнее дома?

— Да.

— Насколько?

Ярослав присмотрелся.

— Пока не знаю.

Честно.

Он сделал шаг.

Источник едва заметно отозвался.

Совсем слабо.

Но отозвался.

Ярослав остановился.

Не пошёл дальше.

Елисей заметил.

— Не спускаемся?

— Нет.

— Почему?

Ярослав посмотрел в тёмный проход.

Когда-то он бы уже пошёл.

Прямо сейчас.

Чтобы узнать.

Посмотреть.

Проверить.

Теперь просто сказал:

— Потому что мы приехали сюда смотреть хозяйство.

— А шахта?

— Завтра.

— С Савелием?

— С протоколом.

Елисей закрыл журнал.

Ярослав ещё раз посмотрел на дымку.

Они купили эту шахту потому, что она была близко.

Удобно.

Дёшево.

Восемь часов вместо трёх дней.

Но теперь возникал другой вопрос.

Если воздействие здесь ощущалось уже у входа...

возможно, за девятьсот восемьдесят золотых Лисовы купили не просто удобную шахту.

Они купили совсем другой уровень эксперимента.

И впервые за весь объезд Ярославу пришлось напомнить себе собственное правило.

Не исправлять.

Не проверять.

Не лезть.

Сначала измерить .

Глава 2. Две карты

Савелий приехал на следующий день.

Всеволод — вместе с ним.

— Надеюсь, эта шахта хотя бы стоит дороги, — сказал дед, слезая с лошади.

— Восемь часов.

— Я заметил.

— Старая была почти в три раза дальше.

— Не надо делать вид, что восемь часов теперь прогулка.

Ярослав улыбнулся.

— Зато успеем вернуться быстрее.

Савелий посмотрел на вход в шахту.

— Сначала проверка.

— Конечно.

— Это прозвучало подозрительно легко.

— Я взрослою.

Всеволод фыркнул.

До спуска они подняли старые планы.

Управляющий показал основные выработки.

Где сейчас добывали.

Где аурита было больше.

Где меньше.

Какие участки давно бросили как нерентабельные.

Ярослав ткнул в одну боковую ветку.

— Здесь?

— Почти ничего, молодой господин.

— Насколько почти?

— Жила тонкая. Работать невыгодно. Уже несколько лет

туда практически не ходим.

Ярослав посмотрел на Елисея.

— Отметь.

— Почему?

— Потому что невыгодно.

Управляющий явно ничего не понял.

И хорошо.

Протокол сделали простой.

Перед каждым заходом Савелий проверял Ярослава и Всеволода.

Внутри никаких заклинаний.

На каждой точке — несколько минут.

Ярослав отмечал, насколько хорошо видит дымку.

Всеволод — что чувствует.

Елисей наносил всё на копию плана.

Начали от входа.

— Слабая, — сказал Ярослав.

Елисей поставил отметку.

Прошли глубже.

— Сильнее.

Всеволод пока ничего особенного не чувствовал.

Ещё дальше.

— Теперь есть, — сказал дед.

— Что?

— Легче.

Ярослав кивнул.

Предсказуемо.

Чем больше вокруг аурита, тем сильнее эффект.

По крайней мере так казалось.

В основном рабочем штреке серебряных прожилок было много.

Хорошая промышленная руда.

Ярослав видел дымку уверенно.

Всеволод тоже почти сразу почувствовал знакомое состояние.

— Хорошо.

— Насколько?

— Как в той шахте, может чуть слабее.

Елисей отметил.

Ярослав посмотрел на карту.

Всё складывалось просто.

Больше аурита.

Больше воздействия.

Слишком просто.

Потом пошли в старую выработку.
Ту самую, где почти нечего было добывать.
Управляющий даже удивился, зачем она понадобилась.
— Там смотреть не на что.
— Поэтому и посмотрим.
Проход был уже.
Порода темнее.
Аурит попадался редко.
Несколько тонких прожилок.
Ярослав сделал несколько шагов.
И остановился.
— Что? — спросил Всеволод.
Ярослав смотрел вперёд.
Дымка была заметна сразу.
Не слабее.
Наоборот.
— Здесь сильнее.
Дед нахмурился.
— Здесь?
— Да.
— Но аурита почти нет.
— Вижу.
Савелий сказал:
— Не дальше.
Они остались на месте.
Через пару минут Всеволод глубоко вдохнул.

Потом ещё раз.

— Да.

— Что?

— Здесь лучше.

Пауза.

— Значительно.

Елисей медленно опустил перо.

Вернулись наружу.

Ярослав положил рядом две отметки.

Основной богатый штрек.

Старая почти бесполезная выработка.

По добыче первая была намного ценнее.

По воздействию — наоборот.

— Значит, количество видимого аурита не объясняет всё,

— сказал Ярослав.

Савелий сразу поправил:

— Не объясняет напрямую.

— Да.

Вариантов было много.

Большая масса могла лежать глубже.

Разные залежи могли отличаться.

Важна могла быть порода вокруг.

Возраст залежи.

Что-нибудь ещё.

Они не знали.

Но один вывод уже был безопасным.

Ярослав написал:

Интенсивность воздействия не совпадает с промышленной ценностью участка.

Всеволод перечитал.

И вдруг сказал:

— Каменские.

Все посмотрели.

— Что?

Дед ткнул пальцем в старую выработку.

— Поэтому им могли быть нужны плохие шахты.

Ярослав замер.

Конечно.

Они всё время смотрели на покупки Каменских как хозяйственники.

Прибыль.

Цена.

Добыча.

Рынок аурита.

Но если Каменские оценивали шахту совсем по другому показателю...

— Им могло быть всё равно, сколько здесь можно продать руды, — сказал Ярослав.

— Если внутри есть хорошее место, — закончил Всеволод.

Тишина.

Старого рабочего нашли после смены.

Он помнил заброшенный участок.

— Почему бросили?

— А что там брать? Камня много, а хорошей жилы почти

нет.

— Работать было тяжело?

Мужчина задумался.

— Нет.

— Почему?

— Не знаю.

Он пожал плечами.

— Нормальное место. Сухое. Тихое.

Потом неожиданно добавил:

— Смена там легче шла.

Ярослав посмотрел на деда.

— В каком смысле?

— Да обычном. Меньше уставали вроде.

— Все?

— Не знаю. Мы тогда шутили, что шахта ленивая.

Он рассмеялся.

Для него ничего важного.

Для Ярослава — ещё одна запись.

Не доказательство.

Наблюдение.

Вечером на столе лежали две карты.

Первая — обычная.

Богатые участки.

Бедные.

Рабочие.

Заброшенные.

Вторая — закрытая.

Ярославовы отметки.

Слабое воздействие.

Среднее.

Сильное.

Всеволодовы ощущения рядом.

Карты не совпадали.

Самая сильная точка находилась там, где нормальный хозяин шахты не стал бы тратить ни одного лишнего золотого.

Елисей посмотрел.

— Что теперь?

— Эту выработку закрываем.

— Официально почему?

— Проверка крепей.

— И дальше?

Ярослав посмотрел на Савелия.

Тот сразу сказал:

— Ничего сегодня.

— Я даже не...

— Уже подумали.

Всеволод рассмеялся.

Ярослав взял перо.

Над второй картой написал:

Магическая ценность шахты не равна стоимости добываемой руды.

Потом вспомнил дешёвые покупки Каменских.

Их терпение.

Шахты, которые почти не стоили внимания.

— Михаилу нужна новая задача.

— Какая? — спросил дед.

— Не выяснять, сколько Каменские добывают.

Ярослав провёл пальцем по заброшенному штреку.

— Выяснить, какие участки своих шахт они закрывали.

Куда не пускают рабочих. И кто из семьи туда ездит.

Всеволод медленно кивнул.

Теперь вопрос выглядел совсем иначе.

Дешёвая шахта могла быть плохим рудником.

И прекрасным местом для выращивания магов.

Глава 3. Коллекция

Елизавета встретила Ярослава в «Лисьей камее».

Это уже стало традицией.

Он приезжал в столицу.

Заезжал к ней.

Она клала перед ним бумаги.

После чего выяснялось, что какая-нибудь идея, которую Ярослав считал небольшим дополнением к существующему делу, за время его отсутствия успела:

вырасти;

обрасти людьми;

породить несколько новых товаров;

и начать приносить сумму, от которой Савва Никитич сначала подозрительно щурился, а потом требовал отдельную строку в книге.

Сегодня Елизавета даже не поздоровалась.

— Ты опоздал.

Ярослав посмотрел на часы.

— На две минуты.

— Значит, опоздал.

— И я тоже рад вас видеть.

— Садись.

На столе уже лежала папка.

Ярослав снял перчатки.

Сел.

Посмотрел на бумаги.

Потом на Елизавету.

— Иногда мне кажется, что вы приглашаете меня в столицу исключительно ради отчётов.

— Нет.

— Хорошо.

— Иногда ещё ради денег.

— Значительно теплее.

Она пододвинула папку.

— Сначала «Камея».

Ярослав уже по дороге через торговый зал заметил изменения.

Магазин не стал больше.

Это они как раз сознательно запретили.

Свободного пространства оставалось много.

Иногда на отдельном столе стояла вообще одна композиция.

Раньше Ярославу казалось почти преступлением платить за помещение, чтобы половину площади держать пустой.

Теперь он понимал.

Пустота здесь тоже продавалась.

Но товар изменился.

Он стал выглядеть собраннее.

Не отдельные букеты.

Не отдельные коробки.

Коллекции.

Большая композиция глубокого синего цвета.

Рядом коробка шоколадных «камней» в нескольких слоях дорогой ткани тех же оттенков.

Чуть дальше тканевый букет с такими же лентами.

Даже маленькая металлическая камея повторяла форму центрального элемента.

— Это всё одна серия? — спросил Ярослав.

— Да.

— Название?

— «Полночь».

Он посмотрел.

— Хорошо.

— Знаю.

— Вы когда-нибудь начнёте принимать комплименты нормально?

— Зачем?

Действительно.

Елизавета прошла между столами.

— Мы изменили упаковку для дальних заказов.

Показала большой короб.

Внутри композиция фиксировалась в нескольких точках.

Не мялась.

Не двигалась.

— Первая версия была слишком тяжёлой, — сказала Елизавета. — Теперь стенки тоньше. Углы усилили отдельно.

— Сами?

— Мебельщик предложил после третьей жалобы возчиков.

— Что ещё?

— Шоколад теперь тоже сериями.

Сезонные сочетания плодов.

Отдельные формы.

Несколько новых тканей.

Самые дорогие композиции получили собственные названия.

А часть тканевых букетов теперь выпускалась вообще в **единственном экземпляре**.

Ярослав посмотрел.

— Совсем?

— Совсем.

— Даже если попросят повторить?

— Особенно если попросят.

Вот это уже была Елизавета.

— Цифры, — сказала она.

Конечно.

Основная линия магазина за последний полный месяц:
живые цветы;

корзины;

фрукты;

традиционные подарки.

Выручка — 2 780 золотых.

После цветов, работников, доставки, аренды, упаковки и прочих прямых расходов:

1 190 золотых чистой прибыли.

— Стабильно, — сказал Ярослав.

— Почти.

Шоколадные «драгоценности»:

2 240 золотых выручки.

1 280 чистыми.

Тканевые букеты и интерьерные композиции:

1 860 выручки.

720 чистыми.

Ярослав кивнул.

А потом Елизавета перевернула лист.

— Эксклюзивные серии для мероприятий.

3 460 золотых выручки.

Ярослав поднял глаза.

— Уже?

— Уже.

Прямые расходы на материалы, работу, срочность отдельных заказов, упаковку и доставку:

1 950.

Чистая прибыль:

1 510 золотых.

— За маленькие подарки?

Елизавета посмотрела оскорблённо.

— За услугу.

— Простите.

— Хорошо.

Отдельно появились небольшие семейные события.

Не большие приёмы.

Помолвки.

Дни рождения.

Закрытые ужины.

Крестины.

Рождение наследника.

Там серии меньше.

Но дороже в расчёте на один предмет.

Выручка:

780 золотых.

Чистая прибыль:

320.

Елизавета свела итог.

Общая выручка «Лисьей камен» за месяц — 11 120

золотых.

Все расходы — 6 100.

Чистая прибыль — 5 020 золотых.

Ярослав несколько секунд молчал.

— Пять тысяч.

— Двадцать.

— Я вижу.

— Тогда не округляй мои деньги.

Он посмотрел на неё.

— Вы сейчас говорите как Савва.

Елизавета поморщилась.

— Не оскорбляй.

Ещё важнее были будущие заказы.

На следующие два месяца уже подтверждено:

6 880 золотых заказов на эксклюзивные серии для меро-

приятий.

Авансами получено:

2 064 золотых.

Ярослав отметил:

— Значит, можно считать...

— Нет.

Он остановился.

Елизавета посмотрела.

— Аванс не прибыль.

Ярослав улыбнулся.

— Савва вами всё-таки гордился бы.

— Если ещё раз сравнишь меня с казначеем, останешься без своих процентов.

— Молчу.

— Правильно.

Но ему нравилось.

В начале она действительно считала деньги хорошо.
Теперь — профессионально.
Заказ ещё не выполнен?
Значит, аванс лежит отдельно.
Расходы ещё не известны полностью?
Значит, прибыль не рисуют красивой заранее.
Система росла.
И вместе с ней росли люди внутри неё.

— Теперь смешное, — сказала Елизавета.

— Наконец.

Она достала отдельный лист.

На нём было изображение шкафа.

Красивого.

Дорогого.

Со стеклянными дверцами.

Внутри — небольшие полки.

Крючки.

Выдвижные ящики.

Ярослав рассмотрел.

— Что это?

— Мебель.

— Я вижу.

— Для подарков.

— Каких?

Елизавета молчала.

Ярослав посмотрел на неё.

Потом снова на рисунок.

Медленно понял.

— Нет.

— Да.

— Специальный шкаф?

— Да.

— Для маленьких цветов с приёмов?

— Не только.

Она указала.

Здесь крепились тканевые цветы.

Здесь — ленты.

Маленькие отдельные ячейки для мужских булавок.

Полочки для коробочек.

Ниже маленькие таблички, куда можно было вписать:
дом;

дата;

повод.

На рекламе мебельщика было написано:

«Шкаф для памятных знаков светского сезона».

Ярослав закрыл лицо рукой.

— Вы смеётесь?

— Нет.

— Они сделали мебель для хранения бесплатных подарков?

— Они не бесплатные для хозяина приёма.

— Для гостя бесплатные.

— Это неважно.

— Один мебельщик?

— Трое.

Ярослав опустил руку.

— Уже трое?

— Один делает шкафы. Второй — настенные витрины.

Третий придумал небольшие столики со стеклом сверху.

— Чтобы смотреть на цветочки во время ужина?

— Не думаю, что их ставят к обеденному столу.

— Жаль.

Елизавета едва заметно улыбнулась.

Но шкафы были только следствием.

Настоящее безумие началось с приглашений.

— Они собирают коллекции, — сказала Елизавета.

— Я уже понял.

— Нет.

Она подалась вперёд.

— Ты не понял.

Одна женщина имела **пять памятных знаков** с пяти значимых мероприятий сезона.

Её ближайшая знакомая — четыре.

На шестой большой вечер вторую пригласили.

Первую — нет.

— И?

— За два дня она вспомнила, что хозяйка приходится троюродной племянницей сестре её покойной тётки.

Ярослав моргнул.

— Даже я потерялся.

— Неважно.

Женщина приехала в дом родственницы.

«Случайно».

Привезла подарок.

Осталась на чай.

Очень удачно вспомнила несколько общих семейных историй.

Через сутки получила приглашение.

Ярослав рассмеялся.

— Из-за цветка?

— Из-за пятого цветка у подруги и отсутствия шестого у себя.

— Это уже болезнь.

— Это столица.

Другая женщина увидела у знакомой шкаф.

В нём:

семь памятных предметов.

Вернулась домой.

Позвала мужа.

И потребовала объяснить:

— Почему наша семья перестала существовать для обще-

ства?

Ярослав уже смеялся заранее.

— А муж?

— Сначала не понял.

— Потом?

— Тоже увидел шкаф.

— И?

— Через два дня пришёл к Михаилу узнать, какие дома будут давать следующие большие приёмы.

Ярослав замолчал.

— К Михаилу?

— Да.

— Зачем ему?

— Видимо, решил подходить к вопросу системно.

— Уважаю.

Елизавета рассказывала всё это совсем не так, как раньше.

Раньше она старалась сохранять каменное лицо даже в самых смешных историях.

Теперь иногда улыбалась ещё до конца.

Иногда сама не выдерживала.

Особенно когда дошла до мужчины, который попытался добыть для жены недостающий памятный цветок через троюродного брата дворецкого хозяйки.

— Получилось?

— Нет.

— Почему?

— Дворецкий забрал деньги и сказал, что ничего не обещал.

— Прекрасный человек.

— Жена потом всё равно узнала.

— Про деньги?

— Про цветок.

— И?

Елизавета сделала паузу.

— Теперь у неё новый дворецкий.

Ярослав рассмеялся настолько громко, что продавщица у двери обернулась.

— Но лучшая история другая.

Елизавета достала маленького медведя.

Того самого размера, который впервые сделали для Вяземских.

Около десяти сантиметров.

Только этот был обычным образцом.

Без специальной ленты события.

— После приёма осталось несколько запасных.

— Помню.

— Мы их не продавали.

— Правильно.

— Одной сотруднице предложили пятнадцать золотых.

— За такого?

— За вяземского.

— И?

— Отказалась.

Следующей — тридцать.

За медведя, которого следовало провести как повреждённого.

Тоже отказ.

Ярослав кивнул.

— Хорошо.

— Потом предложили сто.

Он не сразу понял.

— Сколько?

— Сто золотых.

— За игрушку десять сантиметров?

— Нет.

Елизавета посмотрела очень серьёзно.

— За возможность доказать, что человек был на приёме, куда его не приглашали.

Вот.

Совсем другая цена.

— Сотрудница отказалась?

— Да.

— Сразу?

— Да.

— Кто?

Елизавета назвала одну из старших девушек лавки.

— Премиируйте.

— Уже.

— Сколько?

— Двадцать золотых.

Ярослав кивнул.

— Правильно.

— Я знаю.

— Почему двадцать?

Елизавета посмотрела.

— Чтобы следующая, которой предложат пятьдесят, вспомнила, что я тоже плачу за правильное поведение.

Вот поэтому она и управляла.

Но история не закончилась.

Кто-то рассказал.

Кому-то ещё.

И через неделю половина высшего света знала:

даже за сто золотых нельзя купить подарок закрытой серии «Лисьей камеи».

Ярослав медленно улыбнулся.

— Это лучше любой рекламы.

— Поэтому я никого не наказывала за утечку.

— Вы знаете, кто?

— Конечно.

— И?

— Разговор произошёл именно там, где его должны были

услышать.

Ярослав посмотрел.

— Иногда я вас боюсь.

— Это полезно.

Теперь эксклюзивное оформление мероприятий окончательно стало самостоятельным направлением.

Не «подарочки».

Услуга.

Большой приём.

Свадьба.

Помолвка.

Рождение наследника.

Юбилей главы рода.

Редкий семейный ужин, который хочет выглядеть не хуже большого бала.

Под каждый случай:

собственная серия.

Цвет.

Материал.

Знак.

Никаких повторов.

Никакой продажи после.

— Мы больше не продаём хозяину маленький цветок, — сказала Елизавета.

— А что?

Она посмотрела на торговый зал.

— Возможность оставить у каждого гостя доказательство, что он был приглашён.

Ярослав помолчал.

— Хорошо.

— Разумеется.

— Это уже не моя идея.

— Именно.

— Поэтому процентов не получу.

— Начинаешь учиться.

Его личная доля за месяц всё равно выросла.

По их старому соглашению в неё входили направления, прямо родившиеся из его первоначальных предложений:

шоколадные «драгоценности»:

1 280 золотых чистой прибыли.

Тканевые композиции:

720.

Всего:

2 000.

Десять процентов Ярослава:

200 золотых.

Елизавета положила на стол небольшой мешочек.

Ярослав взял.

— Вы сегодня подозрительно легко отдаёте деньги.

— Потому что сейчас покажу, сколько заработал второй

магазин.

Он поднял глаза.

— А.

— Идём.

«Лисья колыбель» находилась в нескольких кварталах.

Вывеска уже была открыта.

Ярослав увидел её ещё из кареты.

Сдержанная.

Никакого изображения улыбающегося ребёнка.

Тонкая серебристая надпись.

Небольшая лиса.

И колыбель, обозначенная буквально несколькими линиями.

— Хорошо, — сказал он.

— Ещё не вошёл.

— Вывеска хорошая.

— Я знаю.

— Это превращается в привычку.

— Не мешай ей.

Внутри было совсем иначе, чем в «Камее».

Там — взрослая роскошь.

Холодноватая.

Собранная.

Здесь — тепло.

Но не пестрота.
Тёплое дерево.
Мягкий свет.
Ткань.
Небольшие ковры.
Отдельные ниши.
Игрушки не стояли сотнями.
Каждой оставляли место.
Ярослав вошёл.
И остановился.
— Ну? — спросила Елизавета.
Он осмотрелся.
Медведи.
Куклы.
Лошадки.
Небольшие книжки.
Игрушечная сабля в отдельной витрине.
На полках — странные знакомые силуэты.
— Очень хорошо.
Елизавета посмотрела внимательнее.
Это «очень» её устроило.
— Пошли.

Первым был Чебрик.
Ярослав увидел ящик.
Настоящий деревянный.

Открытый сверху.

Внутри лежали мягкие ярко-оранжевые плоды.

Местные южные фрукты назывались солнечниками и очень напоминали апельсины.

Среди них сидел зверёк.

Большие круглые уши.

Коричневая мягкая шерсть.

Круглая морда.

Очень открытые глаза.

Не тот персонаж из прежнего мира.

Но память вспыхнула мгновенно.

Ярослав улыбнулся.

По-настоящему.

— Получилось.

Елизавета наблюдала.

— Ты именно так представлял?

— Почти.

Рядом лежала маленькая книжка.

«**Чебрик и ящик солнечников**».

Ярослав взял.

Историю он надиктовывал сам.

Потом нанятый автор переписывал её нормальным детским языком.

Зверёк приезжает из далёкой южной страны.

Случайно.

В ящике фруктов.

Не знает, где его дом.

Не понимает, кто он.

И начинает искать друзей.

Ярослав перелистнул.

И вдруг стало странно.

Потому что историю он выбирал как смешную.

Детскую.

Узнаваемую по ощущению.

А сейчас понял, почему именно она первой пришла в голову.

Приехать из другого мира.

Не знать никого.

Не понимать правил.

И постепенно найти дом.

Он закрыл книжку.

Елизавета смотрела.

— Что?

— Ничего.

— Врёшь.

— Просто хороший персонаж.

Она не стала спрашивать.

Рядом стоял длинноухий заяц.

Белая рубашка.

Маленький сюртук.

Удивительно серьёзное выражение морды.

— Это кто?

— Господин Прыгг.

Ярослав взял карточку.

Господин Прыгг всегда приходит вовремя.

Всегда чистит обувь.

Всегда здоровается.

Всегда старается поступать правильно.

И почему-то постоянно оказывается в неприятностях.

— Очень правильный.

— Поэтому дети его любят.

— Почему?

— Он каждый раз нарушает собственные правила случай-
но.

Ярослав рассмеялся.

— Хорошо.

— У него будет друг.

— Какой?

— Пока не скажу.

Конечно.

Дальше Ярослав увидел взрослого мужчину.

Игрушечного.

Плотного.

В коротком жилете.

С банкой варенья под мышкой.

За спиной — небольшой пропеллер.

Ярослав остановился.

Посмотрел.

Потом на Елизавету.

— Нет.

— Что?

— Как его зовут?

— Мастер Верт.

Ярослав закрыл глаза.

— Конечно.

— Что не так?

— Ничего.

Он взял книжку.

«Мастер Верт и исчезнувшее варенье».

Живёт где-то под крышей.

Считает себя великим изобретателем.

Летает на собственном пропеллере.

Появляется без приглашения.

Обожает сладкое.

И совершенно уверен, что самые хорошие идеи приходят только после третьей ложки варенья.

— Дети?

— В восторге.

— Родители?

— Некоторым не нравится, что он плохо влияет.

— Значит, действительно хороший персонаж.

Елизавета не поняла шутку.

— Главное вот что, — сказала она.

Подошёл продавец с маленькой девочкой лет пяти.

— Где Чебрик? — требовала та.

Не:

где ушастая игрушка.

Не:

хочу зверька.

Чебрик .

Сотрудница показала.

Девочка бросилась.

Ярослав смотрел.

Елизавета тихо сказала:

— Ты был прав.

— В чём?

— История важнее формы.

Другая семья спрашивала:

— Есть новый рассказ о господине Прыгге?

Игрушка уже была у них дома.

Они пришли **за книгой**.

Ярослав почувствовал знакомое возбуждение.

Вот это уже становилось большим.

Персонаж жил отдельно от товара.

Можно было выпускать новые истории.

Одежду.

Другие размеры.

Друзей.

Мир.

Если не испортить...

оно могло существовать очень долго.

— Не торопитесь с новыми персонажами, — сказал он.

— Я знаю.

— Лучше один хороший, чем пять...

— Ярослав.

— Молчу.

Потом он увидел стену кукол.

И остановился снова.

Это было красиво.

Не по-детски красиво.

Просто красиво.

Десять ниш.

Не больше.

Некоторые пустовали.

В каждой — большой короб.

Деревянная основа.

Снаружи обит дорогой тканью.

Внутри — тоже.

Но внутри короб выглядел уже не коробом.

Комнатой.

У одной куклы за спиной была тканевая стена нежного зелёного оттенка.

Маленький ковёр.

Кровать.

Тонкая занавеска.

У другой — кресло.

Столик.

Крошечная книга.

Третья сидела возле миниатюрного шкафа.

— Это было в плане? — спросил Ярослав.

— Нет.

— Чьё?

— Моё.

Конечно.

— Сначала они просто лежали в коробках, — сказала

Елизавета. — Это выглядело неправильно.

— Потому что мы не продаём кукол.

— Да.

— Мы отдаём дочерей домой.

Елизавета едва заметно кивнула.

Ярослав почувствовал, что всё ещё задевает.

Но уже иначе.

Не болью, от которой хочется отвернуться.

Скорее чем-то очень личным, что стало частью её жизни.

Кукол действительно было не больше десяти.

Каждая — своя.

Имя.

Характер.

Дата рождения.

Любимый цвет.

Небольшая книжка.

На отдельном столике лежали документы для «принятия
домой».

Ярослав взял одну карточку.

Аделина.

Любит голубой цвет.

Боится грозы.

Не любит манную кашу.

Очень любит слушать музыку.

— Вы уже добавили нелюбимую еду?

— Дети спрашивали.

— Разумеется.

Возле стены стоял небольшой стеллаж.

Ярослав подошёл.

Платья.

Маленькие пальто.

Крошечные сапоги.

Украшения.

Расчёски.

Небольшие книги.

Дальше — мебель.

Кровать.

Шкаф.

Стул.

Дорожный сундук.

Чайный набор.

— Это всё продаётся отдельно?

— Да.

— Хорошо продаётся?

Елизавета посмотрела.

— Очень.

Одна семья после покупки куклы за две недели уже приобрела:

второе платье;

зимнее пальто;

кровать;

сундук;

ещё одно украшение.

— Стоимость?

Елизавета назвала.

Ярослав медленно улыбнулся.

— Они покупают ребёнку второго ребёнка.

— Иногда взрослому.

Он повернулся.

— Что?

Из первых кукол почти половина ушла **не детям**.

Ярослав сначала решил, что неправильно услышал.

— Взрослым женщинам?

— Да.

— Себе?

— Да.

Одна незамужняя женщина чуть старше тридцати пришла купить подарок племяннице.

Долго ходила вдоль стены.

Потом села возле одной куклы.

Провела там почти двадцать минут.

Племяннице в итоге купила медведя.

Куклу забрала себе.

На следующий день вернулась.

— Почему?

— Второе платье.

— Уже?

— Она сказала: «У моей дочери не может быть только одно приличное платье».

Ярослав закрыл лицо рукой.

— И вы продали?

— Разумеется.

— Очень трогательно.

— И прибыльно.

Вот она.

Другая взрослая женщина купила куклу.

Через неделю вернулась за дорожным сундуком.

Причина:

— Она не может ездить со мной в загородный дом в обычной коробке.

Ярослав уже не смеялся.

Слишком искренне это звучало.

Он посмотрел на стену.

Вспомнил первую сцену с Елизаветой.

«У меня никогда не было дочери».

И вдруг понял.

Наверное, таких женщин было больше, чем казалось.

Не обязательно бездетных.

Не обязательно одиноких.

Просто взрослых людей, которым хотелось иметь что-то красивое.

Личное.

Не требующее объяснений.

— Ваша где? — спросил он.

Елизавета сделала вид, что не поняла.

— Что?

— Кукла.

— Какая кукла?

— Зелёные глаза. Тёмно-каштановые волосы. Никакого розового.

Пауза.

— Дома.

— Конечно.

Елизавета посмотрела на одну из витрин.

И очень тихо добавила:

— У неё уже три платья.

Ярослав не улыбнулся.

Только кивнул.

— Хорошо.

Она посмотрела на него.

И впервые за весь день в глазах появилось то самое почти неуловимое тепло.

— Да.

Огромных медведей уже тоже продавали.

Но редко.

И только под заказ.

— Первый ушёл неделю назад, — сказала Елизавета.

— Кому?

— Деду.

— Медведь?

— Дед заказал.

Шестилетняя внучка увидела среднего медведя у другой девочки.

Потом пришла домой и сказала:

— Хочу такого же. Только большого.

Дед приехал в лавку лично.

Ему показали большой вариант.

Он спросил:

— Самый большой?

Ему ответили:

— Почти.

— Мне самый большой.

Сделали.

Почти ростом со взрослого человека.

Индивидуальная одежда.

Вышивка.

Лента в цветах семьи.

Итоговая цена:

168 золотых.

— Я трижды переспросила, — сказала Елизавета.

— Зачем?

— Думала, передумает.

— И?

— Каждый раз говорил: «Ещё больше».

Медведя везли отдельной каретой.

На следующий день из дома пришло сообщение:

девочка отказывается ужинать, если медведь не сидит рядом.

Пришлось поставить ему отдельное кресло.

Ярослав посмотрел.

— Мирослава.

— Я тоже подумала.

Следующим крупным заказом была лошадка-качалка.

Ребёнку четырёх лет.

Наследнику военного рода.

Хорошее дерево.

Настоящее маленькое кожаное седло.

Серебряные элементы.

Цвета семьи.

Цена:

142 золотых.

Через неделю отец вернулся.

— Жалоба? — спросил Ярослав.

— Нет.

— Тогда зачем?

— Штандарт.

— Что?

Ребёнок заявил, что:

«Нельзя ездить в бой без знамени».

Пришлось заказывать маленький деревянный штандарт полка отца.

Ярослав рассмеялся.

— Сделали?

— За отдельные деньги.

— Разумеется.

Игрушечная сабля ушла сыну генерала.

Восемь лет.

Хорошее дерево.

Кожаная рукоять.

Серебряная гарда.

Один небольшой камень.

Цена:

82 золотых.

На следующий день пришло письмо от матери.

— Что сломалось?

— Ничего.

— Тогда?

Елизавета впервые начала смеяться ещё до конца.

— Ребёнок вызвал своего учителя на поединок.

— Из-за чего?

— Учитель отказался отменить арифметику.

Ярослав засмеялся.

— Кто победил?

Елизавета выдержала паузу.

— Учитель.

— Хороший учитель.

— Я тоже так думаю.

Самый странный заказ был на Чебрика.

Ребёнок долго болел.

Почти не выходил из дома.

Семья заказала огромную версию.

Не просто игрушку.

Целую сцену.

Большой деревянный ящик.

Мягкие солнечники.

Большой Чебрик.

Книга.

Маленький сундук.

И письмо.

— Какое письмо?

— От Чебрика.

Ярослав посмотрел.

— Кто написал?

— Наш автор.

— Что там?

Елизавета дала копию.

Чебрик писал мальчику, что тоже однажды оказался далеко от дома.

Что сначала было страшно.

Что потом появились друзья.

И что иногда путешествие начинается не тогда, когда ты сам куда-то идёшь, а когда кто-то приходит к тебе.

Ярослав прочитал.

Молча.

— Хорошо.

— Ребёнок ответил.

Он поднял глаза.

— Куда?

— Чебрику.

— И?

— Письмо принесли сюда.

— Что сделали?

Елизавета посмотрела как на идиота.

— Ответили.

Конечно.

Теперь в «Лисьей колыбели» появилась отдельная коробка.

Письма персонажам.

Пока небольшая.

Но уже настоящая.

Дети писали Чебрику.

Господину Прыггу.

Даже мастеру Верту.

Один ребёнок попросил мастера Верта прислать рецепт варенья, которое помогает летать.

Ответ пришлось формулировать осторожно.

Ярослав держал письмо.

И почти физически чувствовал, как линия становится больше товара.

Игрушка.

История.

Книга.

Письмо.

Продолжение.

Мир.

Он улыбнулся.

— Это можно развивать.

Елизавета посмотрела.

— Я знала, что ты это скажешь.

— Но медленно.

— Конечно.

— Не двадцать персонажей сразу.

— Я знаю.

— И автору платить больше.

— Уже.

— Хорошо.

— Ярослав.

— Молчу.

Теперь цифры.

Первый полный месяц «Лисьей колыбели».

Мягкие игрушки и книжки:

2 980 золотых выручки.

Куклы, одежда и мебель:

2 160.

Лошадки, сабли и большие индивидуальные игрушки:

1 740.

Подарки для младенцев и небольшие аксессуары:

1 120.

Общая выручка:

8 000 золотых.

Расходы были значительно выше, чем в «Камее».

Дорогая ткань.

Ручная работа.

Дерево.

Ювелиры.

Книги.

Упаковка.

Доставка.

Аренда и содержание помещения.

Работники.

Общая сумма:

4 610 золотых.

Чистая прибыль:

3 390 золотых.

Ярослав перечитал.

— Первый месяц?

— Первый полный.

— Мы на запуск считали около полутора тысяч.

— Да.

— Сколько вышло?

— Тысяча семьсот двадцать.

— Почему?

— Кукольные короба.

— Столько?

— И переделка зала.

Ярослав посмотрел вокруг.

— Не жалею.

— Я тоже.

Получалось, магазин уже не просто окупил первоначальный запуск.

Он сделал это в первый полный месяц.

И ещё заработал сверху.

— Это ненормально, — сказал Ярослав.

— Что?

— Такая окупаемость.

— Не жалуйся.

— Я не жалуюсь. Боюсь привыкнуть.

— Правильно.

Трёхлетний договор.

Десять процентов чистой прибыли.

339 золотых.

Плюс:

200 золотых по старым новым направлениям «Лисьей камеи».

Елизавета положила второй мешочек.

Всего:

539 золотых личного дохода Ярослава.

Он посмотрел.

Потом взял оба.

— Я начинаю любить приезжать в столицу ещё сильнее.

Елизавета даже не подняла глаза.

— Ты уже говорил.

— Тогда платили меньше.

— Деньги портят тебя.

— Пусть продолжают.

Они снова прошли вдоль стены кукол.

Теперь Ярослав заметил:

одна ниша пустая.

Тканевая комната осталась.

Ковёр.

Стул.

Маленькая занавеска.

Но куклы не было.

— Сегодня забрали?

Елизавета остановилась.

— Да.

— Ребёнку?

Она немного помолчала.

— Нет.

Женщина около сорока.

Детей нет.

Пришла за подарком для родственницы.

Увидела куклу.

Села рядом.

Полчаса почти не двигалась.

Продавщица сначала решила, что ей плохо.

Потом женщина позвала её.

И сказала:

— Я, кажется, нашла ту, которую хочу забрать домой.

Ярослав посмотрел на пустую комнату.

Почему-то именно эта история задела сильнее всех смешных.

Сильнее медведя на отдельном кресле.

Сильнее поединка из-за арифметики.

Сильнее ста золотых за маленькую игрушку.

Елизавета подошла ближе к пустой нише.

Поправила занавеску.

Она и так висела ровно.

— Я попросила завтра поставить новую, — сказала она.

— Куклу?

— Да.

— Так быстро?

— Стена не должна выглядеть пустой.

Ярослав посмотрел на неё.

На пустой короб.

На руку Елизаветы, которая почему-то снова поправила крошечную тканевую складку.

Он прекрасно понимал.

Дело было совсем не в стене.

Но говорить об этом не стал.

— Хорошо.

Елизавета кивнула.

Из соседней части магазина вдруг донёсся детский крик:
— Мама! Я нашёл Чебрика!

Почти сразу второй:

— А я хочу мастера Верта!

Елизавета закрыла глаза.

Медленно вдохнула.

Ярослав улыбнулся.

— Что?

— Они очень громкие.

— Дети?

Она открыла глаза.

Посмотрела на него.

— Твои персонажи.

Ярослав рассмеялся.

Рядом продавщица уже несла ребёнку книжку.

Другой ребёнок обнимал господина Прыгга.

У стены стояли десять маленьких комнат.

В одной сегодня стало пусто.

Завтра там поселится новая девочка.

Несколько месяцев назад Ярослав предложил Елизавете
не продавать игрушки.

Продавать истории.

Теперь истории начали жить без него.

Дети знали персонажей по именам.

Писали им письма.

Взрослые женщины забирали кукол домой.

Деды покупали медведей размером с человека.

Мебельщики строили шкафы для бесплатных подарков.

А светская столица устраивала почти войны за приглашения на вечера, после которых можно было получить очередной маленький цветок.

Ярослав посмотрел на Елизавету.

Она всё ещё стояла возле пустой кукольной комнаты.

И подумал:

иногда хорошая идея начиналась с товара.

А потом люди добавляли к ней столько собственного чувства, желания и смысла, что товар становился почти неважен.

Оставалась история.

А история, судя по всему, продавалась значительно дороже.

Глава 4. Достояние

От «Лисьей колыбели» Ярослав уехал не один.

Формально — один.

Если не считать кучера, Елисея, который решил остаться разбирать какие-то бумаги у Елизаветы, и двух коробок, занимавших почти всё сиденье напротив.

Одна была длинная.

Узкая.

Из хорошего дерева.

Вторая — квадратная, перевязанная зелёной лентой.

Ярослав несколько раз посмотрел на них по дороге.

Потом на ещё один предмет, лежавший рядом с ним под плотным дорожным чехлом.

Вот этот стоил значительно дороже обеих игрушек.

И нервировал почему-то сильнее.

Карета повернула.

Столичная улица сменилась более спокойной.

Дом Михаила находился в хорошем районе, но не там, где люди соревновались фасадами.

Большой.

Каменный.

Дорогой.

Но не кричащий об этом.

Очень похоже на самого хозяина.

Ярослав усмехнулся.

Слуга открыл ворота ещё до остановки кареты.

Значит, ждали.

Михаил сам вышел на крыльцо.

— Опоздал.

Ярослав остановился на ступени.

— Вы с Елизаветой сговорились?

— Нет.

— Она сказала то же самое утром.

— Значит, мы оба умеем пользоваться часами.

— На четыре минуты.

— На пять.

— Кучер свидетель.

— Он работает на тебя.

— Тогда на четыре.

Михаил улыбнулся.

— Проходи. Обед уже подали.

Ярослав показал на карету.

— Там вещи.

— Какие?

— Не для вас.

— Тогда неинтересно.

— Одна для вас.

Михаил посмотрел.

Ярослав пожалел, что сказал.

— Что?

— Потом.

— Теперь уже интересно.

— Поэтому и потом.

Михаил прищурился.

— В столице ты стал значительно хуже.

— Это Елизавета.

— Я так и думал.

Обедали не в парадной столовой.

Это Ярослав заметил сразу.

Его провели в небольшую семейную.

Стол на шесть человек.

Окна в сад.

На подоконнике книги.

На одном из стульев лежала деревянная лошадь без одной ноги.

Слуга поспешил убрать.

— Не надо, — сказала женщина у окна. — Никита всё равно через час будет её искать.

Она повернулась.

Ярослав видел супругу Михаила несколько раз, но близко почти не общался.

Ирина Алексеевна Лисина.

Чуть младше мужа.

Спокойная.

Тёмные волосы с несколькими серебряными прядями у

ВИСКОВ.

Красивое лицо без попытки выглядеть моложе.

В Михаиле постоянно ощущалось внутреннее движение.

Он слушал одного человека, замечал второго, думал о третьем.

Ирина Алексеевна производила противоположное впечатление.

Будто вокруг неё всё само становилось немного тише.

— Ярослав Всеволодович.

— Ирина Алексеевна.

Она улыбнулась.

— Если вы продолжите называть меня так за семейным столом, я решу, что Михаил опять привёл домой чиновника.

— Он почти чиновник.

— Вот именно поэтому мне одного хватает.

Михаил снял перстень и положил возле тарелки.

— Я всё слышу.

— Это и было рассчитано.

Ярослав улыбнулся.

Хороший дом.

Он понял это почти сразу.

Сыновья Михаила тоже были здесь.

Старшему, Фёдору, было одиннадцать.

Ярослав помнил его активным ещё по прошлым встречам.

Он и сейчас сидел ровно только потому, что рядом была

мать.

Глаза постоянно уходили к двери.

Видимо, игрушка без ноги была не единственной важной задачей дня.

Младшему, Никите, недавно исполнилось восемь.

Совсем другой.

Тихий.

Худой.

С большими внимательными глазами.

Он поздоровался правильно.

Потом сел.

И почти сразу снова уткнулся в книгу, лежавшую рядом с тарелкой.

Михаил посмотрел.

— За едой нет.

Никита без спора закрыл.

Положил рядом.

Ярослав заметил закладку.

Почти в конце.

— Что читаете?

Мальчик поднял глаза.

— Истории про северные экспедиции.

— Интересно?

— Да.

— Тогда после обеда расскажете, чем закончится.

Никита задумался.

— Я ещё не дочитал.

— Значит, не расскажете.

— Да.

Совершенно серьёзно.

Фёдор закатил глаза.

— Он всегда такой.

Ирина Алексеевна:

— Фёдор.

— Я ничего.

— Именно.

Ярослав снова улыбнулся.

Теперь он понимал, кому предназначалась квадратная коробка.

Подарки всё-таки пришлось вручить до еды.

Потому что Фёдор заметил коробки, которые внесли слуги.

И следующие две минуты всеми силами демонстрировал, что вообще ими не интересуется.

Очень плохо демонстрировал.

Ярослав сжалился.

— Ладно.

Фёдор сразу поднял голову.

— Что?

— Ничего.

— Вы на коробку посмотрели.

— Бывает.

— Там что-то...

Ирина Алексеевна посмотрела.

Фёдор замолчал.

Ярослав вздохнул.

— Можно?

Она улыбнулась.

— Теперь уже придётся.

Первой была сабля.

Не настоящая.

Но и не дешёвая деревяшка.

Хорошо высушенное дерево.

Правильная форма.

Кожаная обмотка рукояти.

Небольшая серебристая гарда.

Без острых краёв.

На ножнах маленькая лиса.

Не драгоценная версия за восемьдесят золотых.

Ярослав специально выбрал более спокойную.

Но сделана она была всё равно настолько хорошо, что Фёдор замолчал.

Впервые за всё время.

Ярослав протянул.

— Только учителя на поединок не вызывать.

Фёдор взял двумя руками.

— Почему?

— Уже был один случай.

Михаил поднял бровь.

— Что за случай?

— Мальчик получил саблю и на следующий день вызвал учителя из-за арифметики.

Фёдор посмотрел на оружие.

Потом на отца.

— А если причина уважительная?

— Нет, — одновременно сказали Михаил и Ирина.

Ярослав рассмеялся.

— Видите? Я предупреждал.

Фёдор осторожно вытащил саблю.

Посмотрел.

Провёл пальцами по кожаной рукояти.

И вдруг совершенно серьёзно сказал:

— Спасибо.

Не дежурно.

Ярослав кивнул.

— Пользуйтесь.

— Можно после обеда во двор?

Ирина Алексеевна:

— Если сначала поешь.

— Всё.

— Ещё не начал.

— Я заранее.

Никита смотрел.

Ни слова.

Не спрашивал:

а мне?

Не тянулся.

Только один раз посмотрел на вторую коробку.

Ярослав подвинул её.

— А это вам.

Мальчик удивился.

— Мне?

— Нет. Вашему брату второй подарок.

Фёдор немедленно:

— Я не против.

— Я знаю.

Никита улыбнулся.

Совсем чуть-чуть.

Развязал ленту.

Открыл крышку.

И замер.

Внутри сидел Чебрик.

Небольшой.

Не самый маленький магазинный.

С мягкими круглыми ушами.

Вокруг него лежали три плюшевых солнечника.

И маленькая книжка.

Никита не схватил игрушку сразу.

Сначала смотрел.

Потом осторожно достал один мягкий плод.

Потом самого Чебрика.

— Кто это?

Ярослав неожиданно почувствовал, как внутри становится тепло.

— Чебрик.

— Он зверь?

— Наверное.

— Какой?

— Он сам не знает.

Никита посмотрел.

— Почему?

— Потому что приехал издалека в ящике с фруктами. Никого не знает. И теперь пытается понять, где его дом.

Мальчик поднял глаза.

— Нашёл?

Ярослав помолчал.

— Нашёл друзей.

Никита задумался.

Потом прижал Чебрика к груди.

Не сильно.

Очень бережно.

— Тогда хорошо.

У Ярослава вдруг сжало горло.

Ерунда.

Мягкая игрушка.

Восемь лет.

История, которую он когда-то придумал почти шутя из воспоминания совершенно другого мира.

Но Никита сидел с этим странным ушастым зверьком, и Ярослав вдруг снова понял, почему истории иногда продавались дороже ткани.

Михаил смотрел на сына.

Потом на Ярослава.

Ничего не сказал.

Но выражение лица изменилось.

Совсем немного.

Ярослав заметил.

И отвёл взгляд первым.

За столом Чебрик тоже сидел.

Но не на отдельном стуле.

Никита положил его рядом с собой.

Михаил посмотрел.

Потом на Ярослава.

— Это заразно?

— Что?

— Медведи. Чебрики. Скоро все дети Лисовых начнут сажать игрушки за стол.

— Тихон уже сидит.

— Кто такой Тихон?

— Не спрашивай, — сказала Ирина Алексеевна.

— Теперь особенно хочу.

Ярослав объяснил.

Огромный медведь.

Мирослава.

Отдельный стул.

Тарелка.

Михаил слушал.

Потом посмотрел на Чебрика.

— Хорошо. Пока он маленький.

Никита тихо сказал:

— Он может вырасти?

Ярослав поперхнулся водой.

Ирина Алексеевна рассмеялась.

Даже Михаил.

— Если Елизавета услышит, — сказал Ярослав, — обязательно.

Обед неожиданно растянулся.

Не из-за политики.

Вообще без неё.

Фёдор рассказывал, что в следующий месяц хочет начать серьёзнее заниматься мечом.

Ярослав спросил:

— Почему?

— Хочу быть сильнее.

— Зачем?

Фёдор задумался.

Видимо, никто не ожидал второго вопроса.

— Потому что мужчина должен быть сильным.

Михаил слегка нахмурился.

Ярослав сказал:

— Полезно.

Пауза.

— Но лучше понимать, для чего.

Фёдор посмотрел на отца.

Михаил не помог.

— Чтобы защищать семью.

— Уже лучше.

— И себя.

— Хорошо.

— И...

Он посмотрел на саблю, прислонённую к стене.

— Потому что нравится.

Ярослав улыбнулся.

— Вот это вообще отличный ответ.

Никита говорил меньше.

Зато когда Ярослав спросил про северную экспедицию, неожиданно выдал длинный рассказ.

Про лёд.

Про магические бури.

Про группу, которая три месяца не могла вернуться.

Про человека, который первым описал животных далеко на севере.

Фёдор через пять минут заскучал.

Михаил — нет.

Он слушал сына внимательно.

Не делая вид.

Иногда задавал короткий вопрос.

И Ярослав вдруг увидел ещё одну сторону Михаила.

Совсем не ту, что сидела на Советах.

Не человека, который знает цену мельницы и фамилию чиновника в горном ведомстве.

Просто отца.

Уставшего.

Очень занятого.

Но понимающего, что если сын наконец начал говорить длиннее трёх фраз подряд, перебивать нельзя.

Ирина Алексеевна поймала взгляд Ярослава.

Улыбнулась.

Будто тоже поняла, что он заметил.

После обеда Фёдор буквально вылетел во двор.

С саблей.

Никита остался.

Взял книжку о Чебрике.

Но не открыл.

Сначала спросил:

— А он ещё будет?

— Кто?

— Чебрик.

— В других историях?

Кивок.

— Будет.

— Хорошо.

Потом всё-таки открыл.

И уже через минуту перестал замечать взрослых.

Ирина Алексеевна подошла к Ярославу перед тем, как они с Михаилом ушли.

— Спасибо.

— Не за что.

Она посмотрела на Никиту.

— За Чебрика — особенно.

— Ему понравился.

— Поэтому.

Пауза.

— Он не очень легко привязывается к новым вещам.

Ярослав снова посмотрел на мальчика.

Тот читал.

Чебрик лежал на коленях.

— Хороший выбор получился случайно.

— Не думаю.

Ирина Алексеевна улыбнулась.

— Вы уже начинаете видеть людей почти как Михаил.

— Надеюсь, не настолько.

— Я тоже.

Из коридора:

— Всё слышу.

— Хорошо, — ответила она.

Ярослав рассмеялся.

В кабинет Михаила они пошли не сразу.

Ярослав остановился в холле.

— Подождите.

— Что?

— Теперь ваш.

Слуга уже принёс большой плоский предмет в дорожном чехле.

Михаил посмотрел.

Потом на Ярослава.

— Ты всё-таки что-то заказал.

— Давно.

— Что?

— Откройте.

— Здесь?

— Здесь.

Михаил снял чехол.

И перестал говорить.

Дорожный футляр получился почти таким, каким Ярослав хотел.

Почти.

Потому что добиться окончательного варианта оказалось значительно сложнее, чем придумать.

Данила сначала сделал корпус слишком тяжёлым.

Ярослав отправил назад.

Вторая версия была легче.

Но выдвижная поверхность слегка играла под рукой.

Назад.

Третья.

Крепление чернильницы оказалось неудобным.

Назад.

Данила после этого написал Елисею письмо с просьбой:

«Передайте молодому господину, что если он хочет сделать футляр сам, мастерская открыта».

Ярослав приехал.

Показал.

Обсудили.

Переделали ещё раз.

И только пятый вариант Ярослав согласился принять.

Лучшее дерево из собственных запасов рода.

Тонкое.

Прочное.

Тёмное.

На углах — латунь.

Неброская.

Кожаные ремни.

Внутри мягкая отделка.

Два отделения под документы.

Одно — под сложенные договоры.

Отдельно письма.

Чернильница фиксировалась так, чтобы не биться в дороге.

Перья.

Песочница.

Два места для печатей.

Маленькое отделение под кольцо.

Сбоку — несколько узких карманов.

И главное:

выдвижная письменная поверхность.

Достаточно прочная, чтобы писать в карете.

На внешней стороне только одна маленькая серебряная лиса.

Никакой надписи.

Дед был прав.

Надпись всё испортила бы.

Михаил медленно открыл.

Посмотрел внутрь.

Провёл пальцем по креплению.

Выдвинул доску.

Надавил.

Она не прогнулась.

— Кто делал?

— Данила.

— Хорошая работа.

— С пятого раза.

Михаил поднял глаза.

— Что?

— Первый был тяжёлым.

Ярослав загибал пальцы.

— Второй гнулся. В третьем чернильница стояла неудобно. Четвёртый был почти нормальным, но защёлка открывалась слишком легко.

— Ты заставил его делать пять?

— Четыре раза переделывать.

Михаил смотрел.

— Зачем?

— Потому что вы будете этим пользоваться.

Очень простой ответ.

И именно после него что-то изменилось.

Михаил опустил взгляд на футляр.

Провёл ладонью по поверхности.

Долго молчал.

— У меня есть дорожный футляр.

Ярослав улыбнулся.

— Дед говорил, что именно это вы скажете.

— Разумеется.

— И сказал, что потом будете пользоваться моим.

Михаил тихо рассмеялся.

— Всеволод слишком хорошо меня знает.

Потом снова посмотрел на подарок.

— Сколько он стоил?

— Неважно.

— Ярослав.

— Восемьдесят семь золотых.

Михаил поднял брови.

— Ты сошёл с ума.

— Возможно.

— За коробку.

— За пять коробок, видимо.

— Не смешно.

Но голос уже был другим.

Ярослав заметил.

Михаил закрыл футляр.

Потом неожиданно сказал:

— Спасибо.

Без шутки.

Без обычной сухости.

Ярослав пожал плечами.

— Вы слишком много сделали для рода.

— Мне платят.

— Не за всё.

— Я родственник.

— Именно.

Михаил посмотрел.

— Поэтому ты подарил мне вещь за восемьдесят семь золотых?

— Нет.

Ярослав немного помолчал.

— Потому что вы постоянно работаете в карете. Я видел. Бумаги лежат где придётся. Чернильницу слуга держит отдельно. Печать вы однажды искали пять минут.

Михаил усмехнулся.

— Три.

— Пять.

— Три.

— Я засекал.

— Разумеется.

— Вот.

Пауза.

— Поэтому.

Михаил посмотрел на футляр ещё раз.

И Ярослав вдруг понял:

дело действительно было не в цене.

Михаил мог купить себе такую вещь.

Десять.

Сто.

Ему не нужны были чужие восемьдесят семь золотых.
Но кто-то несколько месяцев смотрел.

Запомнил.

Потом заказал вещь именно под него.

И четыре раза отказался от почти хорошего результата.
Вот это значило больше.

— Мне очень нравится, — наконец сказал Михаил.

— Хорошо.

— Очень.

— Ещё лучше.

Михаил улыбнулся.

— И теперь мне придётся признать перед Всеволодом, что он был прав.

— Это дополнительная ценность подарка.

— Ужасный человек.

В кабинет вошли уже иначе.

Ярослав бы не смог сказать почему.

Просто что-то в отношениях ещё немного сдвинулось.

Раньше Михаил был родственником Совета.

Человеком деда.

Очень полезным.

Очень умным.

Потом стал человеком, к которому Ярослав сам ехал с вопросами.

Теперь...

Теперь Ярослав спокойно сел напротив, сам налил себе воды и спросил:

— Ну?

Михаил положил новый футляр на край стола.

Не убрал.

— Что «ну»?

— Вы знаете.

— У меня очень много вещей, которые ты можешь иметь в виду.

— Каменные.

— Разумеется.

Михаил достал папку.

Уже из старого футляра.

Ярослав посмотрел.

— Предатель.

— Что?

— Пользуетесь старым.

— Новый только что подарили.

— Это не оправдание.

— Я начинаю жалеть, что поблагодарил.

Но бумаги всё-таки положил рядом с новым футляром.

— Сначала Арсений, — сказал Михаил.

Ярослав сразу стал внимательнее.

За последние недели они с Арсением Каменским действительно сблизились.

Быстрее, чем Ярослав ожидал.

Тренировочные дневники.

Письма.

Гавриил.

Несколько встреч в мастерской.

Споры.

Арсений уже перестал обращаться к нему с отчеством, когда они оставались вдвоём.

Ярослав тоже.

Недавно он даже познакомил Арсения с Михаилом.

Официально — потому что Михаил хотел посмотреть несколько старых артефактных документов.

На самом деле...

— Проверили? — спросил Ярослав.

— Да.

— Всё?

— Нет.

— Почему?

— Потому что если я скажу, что проверил человека полностью, либо я лгу, либо человек уже мёртв.

Ярослав поморщился.

— У вас удивительно приятная работа.

— Иногда.

— И?

Михаил подвинул папку.

— Арсений Сергеевич Каменский именно такой, каким выглядит.

Ярослав расслабился совсем немного.

— То есть?

— Очень хороший артефактор. Очень плохой светский игрок. Искренне любит науку. Искренне хочет понравиться Софье.

Ярослав улыбнулся.

— Это вы тоже проверяли?

— Это даже проверять не пришлось.

— Бедный Арсений.

— Он не бедный.

— В этом вопросе — очень.

Михаил продолжил:

— Политических поручений от семьи не выполняет.

— Уверены?

— Настолько, насколько возможно.

— Следят за ним?

— Иногда.

— Кто?

— Семья. Обычная осторожность. Он из основной ветви и имеет доступ к мастерским.

Ярослав кивнул.

Логично.

— Он сообщает отцу о наших разговорах?

— Не нашёл признаков.

— Это хорошо.

— Это интересно.

Ярослав посмотрел.

— Почему?

— Потому что разговоров у вас много.

Михаил листал.

Арсений действительно был близок к семье.

Любил отца.

Уважал дядю.

Не конфликтовал с главой рода.

Никакого тайного бунтаря.

И именно поэтому вопрос был сложнее.

— Я думаю, ему можно доверять, — сказал Михаил.

Ярослав замер.

— Аурит?

— Под клятву.

Вот.

— Полностью?

— Нет.

— Почему?

— Потому что «доверять человеку» и «вывалить на него всё, что знаем» — разные вещи.

Справедливо.

— Что сказать?

— Наши наблюдения.

— Шахты?

— Да.

— Рост Источника?

— Да.

— Каменские?

Михаил помолчал.

— Вот здесь осторожнее.

— Он Каменский.

— Именно.

Ярослав посмотрел.

— Но если его семья уже знает...

— Тогда мы выясним, сколько знает он.

— А если не знает?

— Тогда ты поставишь его в очень плохое положение.

Между дружбой и родом.

Ярославу это не понравилось.

Совсем.

— Поэтому клятва, — сказал Михаил.

— Магическая.

— Да.

— Даже семье?

— Особенно семье.

Он посмотрел прямо.

— Формулировка должна запрещать передачу сведений кому угодно без вашего разрешения. Включая отца. Главу

рода. Каменских. Всех.

Ярослав медленно кивнул.

— Он согласится.

— Думаю, да.

— Почему?

— Потому что ты скажешь: либо клятва, либо ничего.

— И он выберет знание.

— Именно.

Михаил усмехнулся.

— Я тоже уже немного его знаю.

Ярослав некоторое время молчал.

Потом сказал:

— Вы ему доверяете?

Михаил посмотрел.

— Я сказал.

— Нет.

— Что?

— Это был профессиональный ответ.

Михаил чуть улыбнулся.

Ярослав продолжил:

— Я спрашиваю вас.

Пауза.

— Лично.

Михаил посмотрел в окно.

Несколько секунд.

— Да.

Вот и всё.

Ярослав почувствовал облегчение сильнее, чем ожидал.

— Хорошо.

— Но не становись идиотом.

— Всё испортили.

— Работа такая.

Потом Михаил убрал папку.

Ярослав заметил.

— А Каменские?

— Теперь можно.

— Почему после Арсения?

— Потому что ты должен помнить: род и человек — не одно и то же.

Очень вовремя.

Ярослав кивнул.

— Новая задача выполнена частично.

Те самые закрытые участки шахт.

Посещения.

Кто ездит.

По двум объектам Каменских нашлись странности.

На одной шахте старая выработка официально закрыта из-за «нестабильных крепей».

Уже больше двадцати лет.

При этом раз в несколько месяцев туда приезжают пред-

ставители основной ветви.

— Кто?

— За последние годы подтверждены Сергей Валерьевич, его брат, дважды Арсений...

Ярослав резко поднял голову.

— Арсений?

— Да.

— Когда?

Михаил назвал даты.

До их знакомства.

— Он знает?

— Не обязательно.

— Он спускался?

— Это пока неизвестно.

— Зачем тогда приезжал?

— Официально осматривал старый измерительный контур мастерских.

Ярослав задумался.

Арсений мог вообще считать это обычной работой.

Или нет.

Нельзя решать заранее.

— Вторая шахта?

— Похожая история. Экономически почти мёртвый участок. Закрыт. Рабочих туда не пускают. Но дорогу к нему поддерживают.

Ярослав выдохнул.

— Значит, мы правы.

— Скорее всего.

— Они знают.

— Да.

Теперь Михаил говорил это уже без оговорок.

Ярослав некоторое время смотрел на бумаги.

Потом спросил:

— Михаил.

— Что?

— Чем вы вообще занимаетесь?

Тот поднял бровь.

— Очень поздний вопрос.

— Я знаю.

— Ты несколько месяцев используешь мои возможности и только сейчас решил спросить, откуда они?

— Я думал, вы просто очень подозрительный родственник.

— Это тоже.

— Серьёзно.

Михаил откинулся.

— Официально?

— Да.

— Особый отдел Императорской канцелярии.

Ярослав замолчал.

Вот.

Наконец.

— Что именно?

— Аналитика. Проверка сведений. Некоторые внешние вопросы. Некоторые внутренние.

— Разведка.

— Иногда.

— Контрразведка.

— Иногда.

— Шпионы.

Михаил закрыл глаза.

— Я знал, что не надо рассказывать.

Ярослав рассмеялся.

— Вы сами виноваты.

— Официально я старший советник Особого отдела.

— А неофициально?

Михаил уже не улыбался.

— Иногда государю нужно услышать мнение человека, который не обязан говорить ему приятное.

Ярослав почувствовал холодок.

— Вы лично знаете императора.

— Да.

— Насколько лично?

— Достаточно, чтобы он несколько раз бросал в меня бумагами.

Ярослав моргнул.

— Что?

— Один раз чернильницей.

— Попал?

— Нет.

— Сильный бросок?

— Посредственный.

Ярослав начал смеяться.

Михаил тоже.

Но ответ был дан.

Очень лично.

— Вы вхожи к нему без записи?

— Иногда.

— Часто?

— Бывают недели, когда вижу его четыре раза.

— А бывают?

— Когда ни разу.

— Он знает про дела Лисовых?

Михаил посмотрел.

— Государь знает, что древний род, который медленно слабел, неожиданно перестал слабеть.

Ярослав поморщился.

— Насколько подробно?

— Лес.

Мельницы.

Дорога.

Некоторые покупки.

Твоя инициация.

Что ты изменился.

— Дружина?

— Общими словами.

— Клуб?

— Думаю, скоро узнает. Столица уже знает.

— Аурит?

— Нет.

Ответ был мгновенным.

Ярослав помолчал.

— Расскажите мне о нём.

Михаил удивился.

— О государе?

— Да.

— Зачем?

— Я слишком много читаю фамилии и должности.

Ярослав пожал плечами.

— Хочу понять человека.

Михаил смотрел дольше обычного.

Потом медленно улыбнулся.

— Вот теперь ты действительно начал заниматься политикой.

Императора звали **Владислав Андреевич**.

В официальных документах:

Владислав Третий.

Пятьдесят один год.

Восемнадцать лет на престоле.

Для портретов стоял прекрасно.

В жизни терпеть не мог стоять на месте.

— Он ходит, — сказал Михаил.

— Что?

— Когда думает.

— Просто ходит?

— По кабинету. Иногда час.

— Это проблема?

— Для людей, которые докладывают, — да. Через полчаса

начинают ходить за ним.

Ярослав улыбнулся.

— Вы?

— Сижу.

— Почему?

— Он всё равно вернётся.

Государь не любил сладкое.

Официально.

По крайней мере всем так говорил.

Но в личном кабинете постоянно стояла небольшая тарелка с засахаренными орехами.

— Кто ест? — спросил Ярослав.

— Он.

— Тогда зачем говорит?

— Потому что не считает орехи сладким.

— Разумно.

— Нет.

Михаил усмехнулся.

— Если поставишь перед ним пирог — не прикоснётся.

Орехов может съесть половину тарелки за доклад.

— Запомню.

— Не надо кормить императора.

— Жаль.

Ещё он терпеть не мог длинные доклады.

Не потому что не любил детали.

Наоборот.

— Если документ длиннее четырёх страниц, — сказал Михаил, — он спрашивает, почему автор не понимает, что важно.

— Мне уже нравится.

— Не спеши.

Государь читал короткое резюме.

Потом мог ткнуть в одну строку и потребовать:

— Теперь всё по этому пункту.

И вот тогда приходилось знать **всё**.

Не красивую формулировку.

Не общую картину.

Цифры.

Имена.

Причины.

— Если не знаешь?

— Говоришь «не знаю».

— И?

— Нормально.

— Правда?

— Если действительно не знаешь.

Михаил посмотрел серьёзно.

— Если начинаешь придумывать, это запоминается.

Ярослав снова подумал о Гаврииле.

Похожий принцип.

Интересно.

Владислав Андреевич плохо спал.

Годами.

Иногда поднимался ещё до рассвета.

В такие дни документы Особого отдела могли получить ответ раньше, чем служащие приходили на работу.

— Его лекарь ругается.

— Помогает?

— Нет.

— Хороший пациент.

— Ужасный.

Зато раз в неделю, если позволяли дела, император уходил в маленькую дворцовую конюшню.

Не на парадную.

Туда, где держали несколько старых лошадей.

— Ездит?

— Иногда.

— Почему старых?

— Они ничего от него не хотят.

Ярослав посмотрел.

— Это он сказал?

— Да.

Вот это уже было очень человеческим.

Он помнил имена слуг.

Не всех.

Многих.

Если у караульного рождался ребёнок и информация попадала ему в уши, через месяц мог спросить:

— Как дочь?

Человек потом рассказывал об этом десять лет.

— Делает специально? — спросил Ярослав.

— Иногда.

— А иногда?

— Просто помнит.

— Опасное качество.

— Очень.

— Грешки? — спросил Ярослав.

Михаил поднял бровь.

— Ты спрашиваешь меня о грехах императора.

— Вы сказали, что я должен понимать человека.

— Когда тебя казнят, я скажу, что был против.

— Михаил.

Тот вздохнул.

— Хорошо.

Владислав Андреевич был обидчив.

Не мелочно.

Хуже.

Он мог простить человеку ошибку.

Даже очень дорогую.

Но плохо прощал сознательную ложь.

И ещё хуже — публичное унижение.

— Помнит долго?

— Очень.

— Мстит?

Михаил подумал.

— Иногда.

— Значит, да.

— Да.

Он любил карты.

Не географические.

Игральные.

Иногда слишком сильно.

Мог после тяжёлого дня собрать трёх человек и играть почти до утра.

На деньги.

— Большие?

— Для него нет.

— Для остальных?

— Поэтому я несколько раз отказывался.

— Вы играете с императором и отказываетесь?

— Именно поэтому он меня иногда зовёт.

Ярослав улыбнулся.

— Проигрывает?

— Не любит.

— А кто любит?

— Он особенно.

Один раз после большого проигрыша государь два дня утверждал, что Михаил неправильно считает вероятности.

— А потом?

— Попросил научить.

— Научили?

— Нет.

— Почему?

— Мне иногда нравится жить.

Но главным недостатком Михаил считал другое.

Император слишком много тянул на себя.

Не доверял важные решения полностью.

Проверял.

Перепроверял.

Лез в детали.

— Звучит знакомо, — сказал Михаил.

Ярослав посмотрел.

— Это намёк?

— Нет.

— Тогда?

— Прямое утверждение.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Владислав мог работать восемнадцать часов.

И ожидать, что окружающие почему-то способны на то же.

Не всегда замечал, когда человек уже выгорел.

Мог использовать очень хорошего чиновника до полного истощения, потому что:

«кто ещё сделает лучше?»

— Это плохо, — сказал Ярослав.

— Да.

— Знает?

— Иногда.

— Меняет?

— Медленно.

Человек.

Не мудрый идеальный отец государства.

Просто очень способный человек на очень большой должности.

С привычками.

Слабостями.

Темпераментом.

Ошибками.

Ярославу это нравилось.

Такому правителю он верил больше.

— А как правитель? — спросил Ярослав.

Михаил стал серьезнее.

— Хороший.

— Насколько?

— Лучше, чем большинство людей понимает.

— Почему?

— Потому что умеет выбирать между плохим и очень плохим.

Вот это было похоже на правду.

Не всегда искать красивое решение.

Иногда хорошего просто нет.

Владислав был прагматиком.

Не любил войны.

Но не боялся их.

Не был особенно щедрым.

Но очень внимательно следил за состоянием казны.

Мог повысить налог там, где считал необходимым.

И через год отменить, если задача решена.

Ненавидел вечные «временные меры».

— Умный, — сказал Ярослав.

— Очень.

— Добрый?

Михаил помолчал.

— Иногда.

Хороший ответ.

— Жестокий?

— Иногда.

Ещё лучше.

— Он способен приказать пожертвовать сотней людей, чтобы спасти десять тысяч.

— И спит после этого?

— Плохо.

— Но прикажет снова?

— Если будет уверен, что другого выхода нет.

Ярослав кивнул.

Вот такого человека он мог хотя бы попытаться понять.

— А Источник?

Михаил поднял взгляд.

— Что Источник?

— Какой у него?

Пауза стала длиннее.

— Официально?

— Сначала официально.

— Очень сильный.

Это знали все.

Императорская кровь.

Сильный род.

Правитель должен выглядеть сильным во всём.

— А на самом деле?

Михаил молчал.

Ярослав понял:

вопрос уже был совсем не светским.

— Если нельзя...

— Можно.

Он всё-таки ответил.

— Последние закрытые измерения дают примерно **восемьдесят пять академических единиц**.

Ярослав нахмурился.

— Это немало.

— Немало.

— Но не «очень сильный» по меркам верхушки древних родов.

— Именно.

Всеволод был значительно сильнее.

Часть Каменских — тоже.

Некоторые главы великих родов превосходили государя довольно заметно.

— Он знает?

— Конечно.

— Комплексует?

Михаил усмехнулся.

— В двадцать лет — да.

— Сейчас?

— Сейчас ему пятьдесят один и есть другие проблемы.

Ярослав улыбнулся.

— Давно измеряют?

— Всю жизнь.

— Старые данные сохранились?

— Часть.

Ярослав стал внимательнее.

— Насколько изменился?

Михаил понял вопрос не сразу.

Потом очень медленно откинулся.

— Почти никак.

Вот.

Ярослав почувствовал, как внутри что-то неприятно со-
шлось.

— Точно?

— В молодости около восьмидесяти четырёх. Потом во-
семьдесят пять. В разные годы небольшие колебания, разные
приборы.

— Но устойчивого роста нет.

— Нет.

Ярослав молчал.

Перед глазами возникла таблица Каменских.

До шахт.

Слабые.

Средние.

Сильные.

Разброс.

После.

Слабые исчезают.

Потом средние.

Основная ветвь становится всё сильнее.

Шахты.

Закрытые выработки.

Гавриил.

Аурит.

Десятилетия.

И рядом:

император.

Человек, чья сила Источника фиксировалась лучше, чем почти у кого-либо в стране.

Восемьдесят четыре.

Восемьдесят пять.

Почти без движения.

Ярослав медленно сказал:

— Они не поделились.

Михаил ничего не ответил.

— Каменские.

— Я понял.

— Если бы государь пользовался ауритом хотя бы так, как они...

— Возможно.

— Его Источник изменился бы.

— Возможно.

Ярослав посмотрел.

— Вы сами в это не верите.

— Верю.

— Тогда почему «возможно»?

— Потому что я всё ещё хочу дожить до старости и не называю гипотезу фактом.

Савелий бы одобрил.

Но Ярославу сейчас было не до осторожности.

— Они знали десятилетиями.

— Вероятно.

— Покупали шахты.

— Да.

— У них менялась сила рода.

— Да.

— У императора нет.

Михаил молчал.

— Значит, они сохранили это для себя.

— Похоже.

Ярослав встал.

Не потому что хотел.

Просто сидеть стало трудно.

Прошёл к окну.

Потом обратно.

Михаил наблюдал.

— Это неправильно.

— Что?

— Всё.

Ярослав повернулся.

— Такая вещь не должна принадлежать одному роду.

— Почему?

Вопрос был поставлен совершенно спокойно.

И именно поэтому разозлил сильнее.

— Потому что это способ развивать Источник!

— Возможно.

— Хватит.

Михаил поднял руки.

Ярослав продолжил:

— Весь мир считает размер Источника почти судьбой.

Родился слабым — всё.

Родился сильным — тебе повезло.

А они, возможно, десятилетиями знают, что это можно
менять.

И молчат.

— Ярослав...

— Нет.

Он ходил.

Почти как император из рассказа Михаила.

Сам заметил.

Не остановился.

— Хорошо. Не всему народу завтра.

Мы даже сами не знаем безопасной дозировки.

Но государю?

— Почему обязательно государю?

Ярослав уставился.

— Потому что он отвечает за страну!

— И?

— И если такой способ существует, он должен хотя бы знать!

Михаил молчал.

— Представьте войну, — сказал Ярослав.

— Я часто представляю.

— У страны есть способ сделать магов сильнее.

— Возможно.

— Михаил.

— Хорошо. Есть.

— И один род держит его у себя.

— Да.

— Это нормально?

— С точки зрения рода?

— Мне плевать на точку зрения рода.

Слова прозвучали слишком резко.

Ярослав остановился.

Михаил поднял бровь.

— Интересное заявление от наследника древнего рода.

— Вы понимаете, что я имею в виду.

— Понимаю.

— Это должно быть достоянием страны.

Пауза.

— Народа.

Михаил посмотрел особенно внимательно.

— Народа?

— Да.

— Ты действительно хочешь научить каждый род увеличивать Источники?

— Я не сказал завтра раздать инструкцию на площади.

— Но сказал «достояние народа».

— Потому что нельзя навсегда запираť подобное в одном клане!

Ярослав снова сел.

Злость никуда не ушла.

Просто стала холоднее.

— Представьте лекарство.

— Это не лекарство.

— Неважно.

— Очень важно.

— Представьте знание, которое может изменить жизнь миллионов. И одна семья говорит: «наше».

Михаил смотрел.

— Меня это бесит.

— Вижу.

Несколько секунд было тихо.

Потом Михаил сказал:

— А теперь представь другой вариант.

Ярослав молчал.

— Завтра император получает безопасную программу увеличения Источника.

— Хорошо.

— Через месяц её узнаёт Особый отдел.

— Логично.

— Через год — армия.

— Хорошо.

— Через два — великие рода.

— Почему?

— Потому что великие рода работают в армии и Особом отделе.

— Можно сохранять секретность.

Михаил улыбнулся без веселья.

— Конечно.

Ярослав понял.

— Дальше.

— Через несколько лет знание есть у соседней империи.

— Почему обязательно?

— Потому что у них тоже есть люди.

— Шпионы.

— Наблюдательные люди.

Ярослав почти улыбнулся.

Почти.

— И дальше?

— Все начинают увеличивать Источники.

— И?

— А ты до сих пор не знаешь, что происходит при передозировке.

Вот.

Ярослав замолчал.

Михаил подался вперёд.

— Я не защищаю Каменских.

— Звучало почти так.

— Я объясняю, почему государственная тайна иногда тоже остаётся тайной.

Пауза.

— Возможно, они неправы.

Ещё.

— Скорее всего, я бы на их месте рассказал государю.

Ярослав посмотрел.

— Правда?

— Да.

— Тогда...

— Но только после того, как был бы уверен, что не дарю ему способ калечить лучших магов страны.

Справедливо.

Очень.

И от этого ещё неприятнее.

— Значит, мы должны сначала закончить исследования.

— Да.

— Потом сказать?

Михаил не ответил сразу.

— Возможно.

Ярослав тяжело выдохнул.

— Опять.

— Потому что это уже не решение одного Ярослава.

— А кого?

— Главы рода.

Совета.

И, возможно, людей, которым придётся жить с последствиями.

— Но вы бы сказали.

— Если убедимся в безопасности и в том, что государь действительно не знает — да.

Это было достаточно.

Пока.

Ярослав посмотрел на новый дорожный футляр.

— Странный день.

— Почему?

— Утром я обсуждал с Елизаветой плюшевых зверей.

— Очень государственное занятие.

— Потом подарил вашим детям игрушки.

— За что они тебя теперь любят больше меня.

— Потом вам коробку.

— Футляр.

— Очень дорогую коробку.

— Забери обратно.

— Не дам.

Михаил улыбнулся.

Напряжение чуть ушло.

— А теперь обсуждаем, должен ли один из самых важных секретов страны принадлежать одной семье.

— Обычный обед у Лисовых.

Ярослав рассмеялся.

Потом Михаил неожиданно сказал:

— Хочешь познакомиться с ним?

Ярослав замолчал.

— С кем?

Михаил посмотрел.

— Ты только что двадцать минут возмущался, что госу-

дарь не знает о твоём аурите.

Пауза.

— С императором.

Ярослав почувствовал, как внутри стало очень тихо.

— Сейчас?

Михаил рассмеялся.

— Нет.

— Хорошо.

— Испугался?

— Нет.

— Врёшь.

— Немного.

— Уже лучше.

Михаил провёл пальцем по краю футляра.

— Не обещаю.

— Я и не просил.

— Но думаю, вам однажды будет полезно поговорить.

— О чём?

— Не об аурите.

— Тогда?

Михаил посмотрел на него.

— Сначала просто познакомиться.

Ярослав задумался.

Император.

Не портрет.

Не титул.

Человек, который ходит по кабинету, ест засахаренные орехи, плохо спит, играет в карты, обижается на ложь, кормит старых лошадей и имеет Источник слабее, чем рассказывает официальная легенда.

Почему-то именно теперь встретиться хотелось сильнее.

— Да, — сказал Ярослав.

— Что?

— Хочу.

Михаил кивнул.

— Тогда посмотрим.

О клубе вспомнили уже перед самым уходом.

Ярослав поднялся.

Михаил тоже.

— Через два дня Елизавета ждёт нас на объекте.

— Я помню.

— Не опаздывайте.

Михаил посмотрел.

— Ты серьёзно?

— Просто хочу хотя бы раз сказать это кому-нибудь первым.

— Ужасная привычка.

— Елизавета научила.

— Это заметно.

Они вышли из кабинета.

В холле было тихо.

Из дальней комнаты донёсся удар дерева о дерево.

Потом Фёдор:

— Я победил!

Ирина Алексеевна:

— Кого?!

Пауза.

— Стул.

Михаил закрыл глаза.

Ярослав рассмеялся.

Никиту нашли в гостиной.

Всё ещё с Чебриком.

Книжка уже лежала закрытой.

Мальчик устроил перед игрушкой три мягких солнечника

и что-то очень тихо объяснял.

Когда заметил взрослых, замолчал.

Ярослав спросил:

— Дочитали?

— Да.

— И?

Никита посмотрел на Чебрика.

Потом на Ярослава.

— Хорошо, что он нашёл дом.

Ярослав почувствовал знакомое тепло.

— Да.

— Он теперь здесь может жить?

Ярослав улыбнулся.

— Думаю, да.

Никита прижал игрушку чуть ближе.

— Тогда хорошо.

Михаил стоял рядом.

Ничего не сказал.

Но когда Ярослав уже собирался выходить, положил ладонь ему на плечо.

Всего на секунду.

— Ещё раз спасибо.

Ярослав посмотрел.

Сначала на Михаила.

Потом на Никиту.

На Фёдора, который в коридоре уже тренировался стоять с саблей так, чтобы мать не видела.

На новый футляр в руках слуги.

И понял:

за последние месяцы Михаил действительно стал своим.

Не членом Совета.

Не полезным политиком.

Не человеком с людьми, которые «замечают лишнее».

Своим.

— Не за что, — сказал Ярослав.

И уже у двери добавил:

— Только Арсения проверяйте аккуратно.

Михаил усмехнулся.

- Поздно.
- Что сделали?
- Ничего страшного.
- Михаил.
- Иди уже.
- Вы ужасный человек.
- Именно поэтому император меня терпит.

В карете Ярослав долго смотрел в окно.
В голове почему-то рядом существовали две вещи.
Никита с Чебриком.

И цифра:

85.

Источник императора.
Почти не изменившийся за десятилетия.
А Каменские за то же время стали другим родом.
Сильнее.
Поколение за поколением.
Ярослав снова почувствовал злость.
Но теперь спокойнее.
Михаил был прав в одном.
Сначала нужно знать.
Не верить.
Не хотеть.
Знать.
Безопасность.

Дозировка.

Последствия.

И только потом решать, кому принадлежит такое знание.

Но в одном Ярослав пока не собирался уступать.

Если выяснится, что аурит действительно способен без-
опасно менять Источник...

Если Каменские десятилетиями знали это и использовали
только для себя...

Тогда разговор о праве рода на тайну ещё обязательно со-
стоится.

И не только с Каменскими.

Ярослав посмотрел на дворцовые башни далеко впереди.

Где-то там человек с Источником в восемьдесят пять еди-
ниц ходил по кабинету, ел орехи, плохо спал и даже не по-
дозревал, что один из его древних родов, возможно, десяти-
летиями знал способ сделать его сильнее.

Ярослав медленно выдохнул.

Теперь ему действительно хотелось познакомиться с им-
ператором.

Хотя бы для того, чтобы понять:

стоит ли этому человеку однажды рассказать правду.

Глава 5. Свой зал

Рабочие увидели Ярослава раньше, чем он успел выйти из кареты.

Он понял это по тишине.

Ещё несколько секунд назад за высокими каменными воротами кто-то стучал молотком.

Работала пила.

Слышались голоса.

Кто-то довольно громко ругался из-за неправильно подогнанной доски.

Потом карета въехала во двор.

И всё это не исчезло.

Просто стало заметно тише.

Ярослав положил ладонь на дверцу и задержался.

Прислушался.

Один молоток всё-таки продолжал работать.

Три удара.

Пауза.

Ещё два.

Очень осторожных.

Он усмехнулся.

— Что? — спросил кучер.

— Ничего.

Вышел.

Поместье изменилось.

Даже сильнее, чем Ярослав ожидал.

В первый раз он увидел здесь хороший старый столичный дом.

Не дворец.

Именно большой частный особняк человека, который когда-то хотел жить дорого, спокойно и достаточно далеко от главных улиц, чтобы вечером не слушать колёса половины столицы.

Светло-серый камень.

Высокие окна.

Внутренний двор.

Два боковых проезда.

Небольшой сад за главным корпусом.

Отдельный флигель.

Хозяйственные помещения.

Тогда всё выглядело немного усталым.

Не разрушенным.

Но местами слишком тёмным.

Старые тяжёлые портьеры.

Слишком много тёмного дерева.

Комнаты, построенные под привычки семьи, которая жила здесь до них.

Теперь дом словно вскрыли.

На части окон пока не было внутренних рам.

Во дворе лежали штабеля светлого камня.

Под большим навесом сохло дерево.

У одной стены стояли новые трубы.

Две телеги только что привезли мешки с известью.

Рабочие ходили в пыли.

Пахло мокрым камнем.

Свежим деревом.

Известью.

Нагретым железом.

И немного — тем особым строительным запахом, который Ярослав помнил ещё из прошлой жизни.

Там было больше цемента, краски, пластика и металлической стружки.

Здесь всё иначе.

И всё равно похоже.

Стройка везде пахла обещанием.

Ещё ничего не закончено.

Но уже можно увидеть то, чего пока нет.

Прораб шёл к нему через весь двор.

Не быстро.

Но и не медленно.

Так ходит человек, который понимает: убежать нельзя, а прийти слишком рано тоже не хочется.

Матвей Игнатьевич был хорошим мастером.

Именно поэтому Ярослав всё ещё его не выгнал.

Высокий.

Крепкий.

Лет сорока пяти.

С проседью в короткой бороде.

Он несколько десятилетий строил и переделывал дома для очень богатых людей.

По его собственным словам, за это время видел:

капризных;

глупых;

безумных;

экономных;

расточительных;

и одного князя, который потребовал развернуть уже построенную лестницу, потому что ему приснилось, будто подниматься справа налево несчастливо.

Ярослав, похоже, попал в отдельную категорию.

— Молодой господин.

— Матвей Игнатьевич.

Прораб посмотрел на карету.

Потом за спину Ярослава.

— Один?

— Пока.

Мужчина явно не понял, хорошо это или плохо.

— Елизавета и Михаил подъедут позже.

— Понял.

Ярослав оглядел двор.

— Как идёт?

— По графику.

— Почти?

Матвей Игнатьевич помолчал.

— По графику.

— Хорошо.

Ещё одна пауза.

Ярослав посмотрел на него.

— Вы чего такой напряжённый?

— Я?

— Вы.

— Не напряжённый.

Ярослав посмотрел на рабочих.

Ближайший плотник, увидев его взгляд, немедленно опустил голову и очень внимательно начал рассматривать доску.

— Они тоже не напряжённые?

Матвей Игнатьевич кашлянул.

— Молодой господин очень внимательно принимают работу.

— Это вежливая версия?

— Да.

Ярослав усмехнулся.

— А невежливая?

Прораб долго думал.

— Лучше вежливая.

— То есть бояться.

Молчание.

— Понятно.

Причины у них были.

Первую внутреннюю перегородку Ярослав заставил снести через два дня после установки.

Не потому, что она была кривой.

Она была идеально ровной.

Проблема оказалась в другом.

Из женского входа открывался прямой обзор через приёмную до части коридора.

Если в этот момент раскрывались внешние ворота, человек с улицы мог увидеть, кто находится внутри.

Для обычного магазина — мелочь.

Для закрытого клуба, куда половина женщин столицы будет приезжать именно потому, что не хочет, чтобы её видели, — глупость.

Снесли.

Переделали.

Через неделю Ярослав обнаружил, что дверь мужской раздевалки при полном открытии позволяет из коридора увидеть край скамьи и два первых шкафа.

Снова переделали.

Потом сделали пол в купальне.

Красивый.

Дорогой.

Из хорошего камня.

Ярослав попросил принести три ведра воды.

Матвей Игнатьевич тогда смотрел на него так, будто хозяин внезапно решил совершить языческий обряд.

Воду вылили.

Через десять минут небольшая лужа стояла у дальней стены.

— Здесь уклон, — сказал мастер.

— Вижу.

— Вода уйдёт.

— Когда?

— Постепенно.

— Через сколько?

Через двадцать минут вода всё ещё стояла.

Камень сняли.

Пол переложили.

Самым болезненным был главный зал.

Покрытие получилось красивым.

Тёмное дерево.

Ровное.

И слишком гладкое.

Ярослав встал на него в обычной обуви.

Попробовал изменить направление.

Потом принёс небольшой вес.

Сделал несколько движений.

И сказал:

— Снимать.

Матвей Игнатьевич тогда почти не разговаривал с ним два часа.

Пол переделали.

— Я хочу пройти всё сначала, — сказал Ярослав.

— Конечно.

— Один.

Прораб посмотрел.

— Совсем?

— Сначала да.

— Я могу показать...

— В этом и проблема.

Матвей Игнатьевич нахмурился.

Ярослав объяснил:

— Вы знаете, где что должно быть. Начнёте мне рассказывать. А я хочу увидеть, что поймёт человек, который приехал сюда первый раз.

Прораб несколько секунд смотрел.

Потом неожиданно кивнул.

— Хорошо.

— И рабочих не предупреждайте.

Матвей Игнатьевич посмотрел куда-то за плечо Ярослава.

— Уже поздно.

Ярослав обернулся.

Человек пять очень старательно не смотрели в их сторону.

— Ладно.

Он повернулся к воротам.

— Тогда я пошёл.

— Куда?

— В клуб.

— Так он...

Ярослав вышел обратно за ворота.

Прораб замолчал.

Он постоял снаружи.

Посмотрел на фасад.

Тихая улица.

Не самая престижная.

Но хорошая.

До главных домов недалеко.

До дворца тоже не другой конец столицы.

При этом здесь не было постоянного потока карет.

То, что нужно.

С улицы дом почти не выдавал новую функцию.

Никакой огромной вывески.

Никаких позолоченных букв.

Никаких изображений мужчин с мечами или женщин в спортивной одежде.

Только на тёмных воротах появилась маленькая серебряная лиса.

Размером с ладонь.

Если не знать — можно пройти мимо.

Ярославу нравилось.

Очень.

Клуб не должен был звать всех.

Он должен был быть местом, о котором хотят узнать.

Он снова вошёл.

На этот раз медленнее.

Ворота открывались внутрь.

Карета проходила во двор полностью.

Вот здесь человек выходит.

Не на улицу.

Уже внутри.

Если женщина хочет приехать без лишних глаз — отлично.

Если чиновник не хочет, чтобы вечером кто-то считал его посещения — тоже.

Если какой-нибудь муж уверен, что тренировки жены означают конец семейным ценностям...

Ярослав усмехнулся.

Пусть остаётся уверен где-нибудь в другом месте.

Двор был достаточно широким, чтобы две кареты могли разойтись.

Но не настолько, чтобы перед входом скапливалась очередь.

Это тоже важно.

— Здесь будет человек? — спросил Ярослав у одного из рабочих.

Тот замер.

— Где, молодой господин?

— Здесь.

— Наверное.

— Не знаете?

— Матвей Игнатьевич...

Ярослав понял.

— Ладно. Не мучаю.

Рабочий заметно расслабился.

Значит, отдельно проверить службу встречи.

Клиент клуба уровня ста двадцати золотых в месяц не должен сам искать, куда вести лошадей.

Приехал.

Тебя встретили.

Карету отвели.

Кучера устроили.

Всё.

Тяжёлая входная дверь была уже установлена.

Тёмное дерево.

Без чрезмерной резьбы.

Только маленькая металлическая лиса на высоте глаз.

Ярослав открыл.

Дверь двигалась мягко.

Закрылась почти без звука.

Хорошо.

За ней — приёмная.

Пока незаконченная.

Но уже видна.

Светлые стены.

Не белые.

Ярослав долго выбирал цвет с Елизаветой.

Первый образец был слишком холодным.

Напоминал больницу.

Второй — слишком жёлтым.

Дешёвую гостиницу.

В итоге остановились на сложном тёплом серо-бежевом.

При дневном свете он казался почти серым.

Вечером должен стать теплее.

Нижняя часть стен — тёмное дерево.

Не до половины комнаты.

Ниже.

Только чтобы защитить поверхность там, где постоянно задевают одеждой и сумками.

Пол тоже деревянный.

Но светлее, чем двери.

Матовый.

Никакого блеска.

В углу уже стояло одно из будущих кресел.

Ярослав подошёл.

Сел.

Глубина нормальная.

Не проваливаешься.

Но и не сидишь как на стуле в канцелярии.

Встал.

Посмотрел на место второго.

— Дальше, — сказал сам себе.

— Что дальше?

Ярослав обернулся.

Рабочий с инструментами застыл у стены.

— Кресло.

Тот посмотрел на пустое место.

— Его ещё нет.

— Знаю.

— А.

И быстро ушёл.

Приёмная была небольшая.

Именно так и надо.

Здесь не должно сидеть десять человек.

Максимум два.

Три — уже проблема.

Ярослав встал в центре.

Представил вечер.

Один клиент заканчивает тренировку.

Другой только приехал.

Третий задержался.

Если все трое одновременно здесь — не страшно.

Если пять — неправильно составили расписание.

В прежнем зале он слишком хорошо помнил вечерние ча-
сы.

Люди заходят.

Кто-то ищет абонемент.

Кто-то спрашивает про шкаф.

Кто-то впервые.

Кто-то опоздал.

Кто-то стоит и разговаривает с администратором пятна-
дцать минут.

Потом образуется пробка.

Здесь такого не будет.

Тридцать постоянных членов.

Ограниченное число тренировок одновременно.

Чёткое время.

Большой интервал.

Не потому, что Ярослав не любит людей.

Потому что дорогой сервис начинается там, где клиент не
видит организационных проблем.

Из приёмной расходились маршруты.

Мужской.

Женский.

Служебный коридор между ними.

Ярослав первым пошёл в мужскую часть.

Коридор спокойный.

Стены чуть темнее.

Ближе к серому.

Деревянные панели почти графитовые.

Небольшие бронзовые светильники уже установлены.

Пока без стеклянных плафонов.

Он остановился под одним.

Посмотрел.

— Выше.

Из соседнего помещения выглянул мастер.

— Что?

— Этот светильник.

— Мы по плану.

Ярослав встал туда, где будет проходить человек.

Посмотрел.

— На ладонь выше. И немного ближе к стене.

Мастер тяжело выдохнул.

— Почему?

— Свет будет в глаза, когда идёшь обратно из зала вечером.

— Он ещё не горит.

— Поэтому переделать проще сейчас.

Мастер посмотрел на крепления.

Потом на Ярослава.

— Хорошо.

Ярослав прошёл три шага.

Остановился.

Повернулся.

— Остальные пока не трогайте.

Мастер даже улыбнулся.

— Благодарю.

— Не за что.

Мужская раздевалка почти готова.

Тёмное дерево.

Широкие шкафы.

Коричневая кожа на скамьях.

Стены здесь уже уходили в более холодный серый.

Дорого.

Спокойно.

Без лишнего декора.

Ярослав открыл первый шкаф.

Полка сверху.

Крючки.

Отдельное место для обуви.

Небольшой внутренний ящик.

Сбоку — крепление под оружие.

Это появилось после разговора с Михаилом ещё на этапе планировки.

Половина клиентов-мужчин приедет с саблей.

Некоторые — с церемониальным оружием, которое стоит

дороже всего оборудования комнаты.

Бросать рядом со скамьёй никто не будет.

Ярослав закрыл.

Открыл соседний.

Закрыл.

Сел на скамью.

Открыл шкаф напротив.

Дверца прошла перед коленом.

Нормально.

Встал.

Снова сел чуть правее.

Ещё раз открыл.

Матвей Игнатьевич всё-таки появился в дверях.

Молча.

Ярослав посмотрел.

— Что?

— Ничего.

— Вы давно стоите?

— Достаточно.

— Хорошо сделали.

Прораб не сразу понял.

— Что?

— Раздевалку.

Он посмотрел вокруг.

Потом на Ярослава.

— Совсем?

— Пока да.

Лицо человека изменилось так заметно, что Ярослав рас-
смеялся.

— Вы действительно меня боитесь.

— Я не...

— Даже не начинайте.

Матвей Игнатьевич тоже усмехнулся.

— Мы привыкли, что если вы долго молчите, потом при-
ходится что-то снимать.

— Здесь не придётся.

— Запомню этот день.

Женская часть была другой.

Не более дорогой.

Мягче.

Елизавета сразу запретила любые розовые или кремо-
во-золотые фантазии мастеров.

— Женщина приходит тренироваться, а не превращаться
в пирожное, — сказала она тогда.

Ярослав поддержал.

Стены здесь были цвета очень светлого тёплого камня.

Некоторые панели — приглушённого шалфейного оттен-
ка.

Дерево чуть светлее мужского.

Бронза.

Ткань цвета слоновой кости.

Мягкий рассеянный свет.

Но главным были не цвета.

Приватность.

Небольшие отдельные кабины.

Экраны.

Широкие шкафы.

Места для длинной одежды.

Отдельная небольшая полка под украшения.

Зеркала.

Ярослав вошёл в одну кабину.

Закрыв дверь.

Развернулся.

Нормально.

Потом посмотрел на крючки.

Два.

— Мало.

Матвей Игнатьевич вздохнул.

— Сколько?

— Четыре.

— Зачем женщине четыре крючка?

Ярослав посмотрел.

— Не знаю.

Пауза.

— Но Елизавета сказала четыре.

— Тогда без вопросов.

— Вот и я так решил.

Дальше была зона, о которой Ярослав первоначально вообще не подумал.

Небольшие столики.

Зеркала.

Мягкие кресла.

Хороший свет.

Места, где после купальни можно привести волосы и одежду в порядок.

Елизавета при первом обсуждении посмотрела на план и спросила:

— А женщина после воды что делает?

Ярослав:

— Вытирается.

Она закрыла глаза.

Потом объяснила.

Причёска.

Шпильки.

Украшения.

Пудра.

Одежда.

Служанка.

Платье, которое невозможно нормально надеть в тесной кабине.

Ярослав слушал.

Потом просто сказал:

— Делайте.

Сейчас зона выглядела логично.

Будто всегда должна была здесь быть.

И именно это было хорошим признаком.

В конце женского коридора оставалась небольшая комната для сопровождающих.

Не роскошная.

Но удобная.

Несколько кресел.

Стол.

Вода.

Книги.

Человек может ждать час.

И не стоять в коридоре.

Ярослав отметил.

Правильно.

Кабинет лекаря оказался самым светлым помещением.

Большое окно.

Никаких тяжёлых штор.

Стены почти молочные.

С лёгким серым оттенком.

Белёное дерево.

Кушетка.

Шкаф.

Стол.

Весы местной конструкции уже стояли.

Измерительная лента.

Несколько простых приборов.

Ярослав подошёл к окну.

Здесь будет первое настоящее знакомство клиента с клубом.

Не зал.

Не вес.

Не красивые скамьи.

Савелий.

Или другой подготовленный лекарь.

Вопросы.

Старые травмы.

Боль.

Одышка.

Сон.

Питание.

Что человек умеет.

Что не умеет.

Почему пришёл.

Ярослав слишком хорошо знал людей, которые на вопрос «болит ли спина?» отвечают «нет».

А через десять минут:

— Ну иногда простреливает.

— Как часто?

— Каждый день.

Или мужчину, который никогда не занимался, но уверен, что первая тренировка обязана закончиться тем, что его выносят.

Потому что иначе «не работал».

Нет.

Здесь такого не будет.

Он провёл пальцем по краю стола.

Первый день должен закончиться не тем, что тренер доказал свою компетентность.

Первый день должен закончиться тем, что человек сможет прийти на второй.

Он вышел.

И остановился перед дверями главного зала.

Вот.

Здесь почему-то захотелось не торопиться.

Ярослав положил ладонь на ручку.

Открыл.

Большое вытянутое помещение встретило его запахом дерева.

Свежего.

Ещё почти сырого в восприятии.

Хотя всё было высушено правильно.

К нему примешивалась кожа.

Масло, которым обрабатывали металл.

И немного строительной пыли.

Высокий потолок.

Большие окна.

Дневной свет ложился длинными полосами на тёмный пол.

Стены — тепло-серые.

Нижняя часть защищена деревянными панелями.

Пол матовый.

Темнее стен.

Не чёрный.

Глубокий коричнево-графитовый оттенок.

Никакого блеска.

Ярослав поставил ногу.

Проверил сцепление.

Перенёс вес.

Повернулся.

Хорошо.

Очень хорошо.

Оборудования пока было примерно две трети.

Именно поэтому зал выглядел особенно просторным.

Несколько стоек.

Скамьи.

Перекладины.

Гриффы.

Металлические диски разного веса.

Гири.

Простые конструкции для тяг.

Канаты.

Ручки.

Большая свободная зона у окон.

Никаких двадцати одинаковых машин, каждая из которых занимает два квадратных метра и делает одно движение.

Мир пока просто не позволял построить современный тренажёрный зал.

Да Ярослав и не пытался.

Ему нужен был хороший тренировочный зал.

А это совсем другое.

Он подошёл к первой стойке.

Металл тёмный.

Матовый.

Дерево использовалось только там, где это было оправдано.

Высота менялась.

Не идеально быстро.

Но менялась.

Для местных мастеров сама идея регулируемой стойки оказалась непривычной.

Первая версия имела слишком крупный шаг.

Ярослав заставил делать дополнительные позиции.

Кузнец ругался.
Потом попробовал сам.
И согласился.
Ярослав взял гриф.
Холодный металл лёг в ладонь.
И на секунду весь зал исчез.

Другой металл.
Другой свет.
Музыка откуда-то из потолка.
Резиновый пол.
Запах магнезии.
Пластиковая бутылка на стойке.
Чужое полотенце там, где его опять оставили.
Кто-то не разобрал штангу после подхода.
Телефон вибрирует в кабинете.
Восемь утра.

Клиент опаздывает.
Девушка возле зеркала делает упражнение совершенно неправильно и уверена, что тренер в интернете сказал именно так.

Сам Александр стоит с кофе и думает, что сегодня наконец разберёт бумаги до обеда.

Не разберёт.
Конечно.

Воспоминание пришло не болью.

Скорее запахом.

На секунду.

И ушло.

Ярослав всё ещё держал гриф.

Только теперь перед ним были высокие окна старого столичного особняка.

За окном — другой город.

Другой мир.

Никаких машин.

Никакого электрического света.

Никакой музыки.

И всё равно ладонь знала, что держит.

Как будто за месяцы после смерти хотя бы одно правило мира осталось прежним.

Металл.

Вес.

Тело.

Нагрузка.

Адаптация.

Рост.

Он медленно поставил гриф обратно.

— Здесь ещё одна стойка будет? — спросил Матвей Игнатьевич из дверей.

Ярослав обернулся.

— Нет.

— По первоначальному плану была.

— Убрали.

— Почему?

— Место.

Прораб посмотрел на пустое пространство.

— Его много.

— Именно.

— И вы хотите оставить пустым?

— Да.

Матвей Игнатьевич явно страдал.

— Дорогая площадь.

— Очень.

— Которую мы не используем.

— Используем.

— Как?

Ярослав встал в центре свободной зоны.

— Человек должен размяться.

Показал дальше.

— Тут можно делать выпады.

Шаг.

— Тут переноски.

Ещё.

— Тут работать в паре.

Он развёл руки.

— И никто никому не мешает.

Прораб посмотрел.
— Пустота тоже нужна.
— Очень.
— Странно.
— Знаю.

Ярослав прошёл между стойками.
Измерил глазами расстояние.
Потом встал возле одной.
Представил двух человек.
Один приседает.
Другой снимает диск.
Третий проходит.
— Эту на четверть шага левее.
Матвей Игнатьевич закрыл глаза.
— Почему?
— Два человека одновременно будут менять вес.
— Сейчас?
— Через месяц.
— Она уже закреплена.
— Насколько сложно?
Прораб посмотрел на крепление.
— Не очень.
— Тогда сейчас.
Тот тяжело вздохнул.
— Хорошо.

— И следующую не двигать.

— Спасибо.

Ярослав улыбнулся.

Вдоль одной стены шли зеркала.

Не целиком.

Несколько больших секций.

Мастера сначала предложили всю стену.

Ярослав отказался.

Зеркало — инструмент.

Не интерьер.

Человек должен видеть технику.

Положение спины.

Коленей.

Плеч.

Но если весь зал превращается в сплошное отражение, половина людей занимается отражением вместо тренировки.

Он подошёл.

Сейчас установили только одну секцию.

Посмотрел.

Высота правильная.

— Оставляем.

Из дальнего угла кто-то тихо сказал:

— Слава богам.

Ярослав повернулся.

Трое рабочих очень внимательно занимались ящиком.

— Я слышал.

— Простите, молодой господин.

— Ничего.

Он рассмеялся.

Отдельно стояли будущие блочные конструкции.

Очень простые по меркам старого мира.

Но для здешних мастерских — почти новое направление.

Трос.

Шкив.

Сменный вес.

Разные рукояти.

Ярослав долго обсуждал их с кузнецом и Данилой.

Первую конструкцию сделали слишком тяжёлой.

Вторая заедала.

Третья уже работала хорошо.

Сейчас он потянул ручку.

Вес поднялся плавно.

Опустился.

Звук металла.

Никаких рывков.

— Хорошо.

Ближайший мастер даже расправил плечи.

Он прошёл в отдельные комнаты.

Три.

Меньше главного зала.

Но не тесные.

Стены чуть темнее.

Одно большое зеркало.

Одна стойка.

Скамья.

Набор веса.

Перекладина.

Небольшой стол.

Вода.

Записи.

И дверь.

Хорошая.

Тяжёлая.

Закрывающаяся тихо.

Приватность.

Потому что кто-то не хочет тренироваться перед другими.

Кто-то слишком известен.

Кто-то после болезни.

Кто-то стесняется собственного тела.

Кто-то просто заплатит за право час не видеть людей.

Ярослав это понимал прекрасно.

Деньги здесь покупали не право вести себя важнее остальных.

Они покупали тишину.

Из тренировочного блока он пошёл в купальни.
Здесь цвет становился другим.
Тёплый камень.
Серо-песочный.
Пол темнее стен.
Деревянные лавки.
Латунь.
Пока ещё холодно.
Вода не запущена полностью.
Но уже можно представить.
Пар.
Тёплый воздух.
Звук воды.
Большие светлые полотенца.
Небольшая лиса в углу.
Ярослав прошёл по полу.
Посмотрел.
И заметил Матвея Игнатьевича рядом.
— Воду не принесу.
Прораб замер.
— Что?
— Сегодня не надо.
Матвей Игнатьевич рассмеялся.
— Благодарю.
— Уклон теперь правильный?
— Мы проверяли трижды.

— Молодцы.

Тренировка не заканчивается последним повторением.

Это Ярослав повторял всем, пока они уже не начали смотреть на него одинаково.

После нагрузки:

еда;

вода;

сон;

восстановление.

Если человек выходит из клуба разбитым, голодным, обезвоженным и потом два дня не может нормально двигаться — система плохая.

Поэтому после купальни была комната восстановления.

Вот она Ярославу понравилась особенно.

Большие окна в сад.

Стены приглушённого серо-зелёного оттенка.

Не яркого.

Почти природного.

Тёмное дерево.

Низкие столы.

Глубокие кресла.

Пока только два образца.

Остальные позже.

Мягкий свет вечером.

Никакой тяжёлой роскоши.

Никаких картин с битвами.

Здесь человек должен успокоиться.

Вода.

Лёгкая еда.

Возможно, напитки с ягодами.

Молочные продукты.

Что найдут местные специалисты.

Но алкоголя здесь не будет.

Вообще.

Елизавета уже предупредила, что некоторые клиенты не поймут.

Пусть.

Ярослав объяснит.

И если всё равно не поймут — сто двадцать золотых можно потратить в другом месте.

Он вышел в сад.

И здесь впервые за весь осмотр просто остановился.

Сад почти не тронули.

Это было принципиально.

Старые деревья сохранили.

Большие.

С хорошими кронами.

Вдоль стены росли кусты.

Небольшой фонтан пока не работал.

Елизавета хотела восстановить его.

Ярослав не возражал.

По краю сада проложили дорожку.

Не стадионную.

Не прямой круг.

Она шла между деревьями.

Местами немного изгибалась.

Поверхность плотная.

Не скользкая.

По ней можно ходить.

Бегать.

Делать лёгкие ускорения.

И при этом с первого взгляда сад оставался садом.

Не тренировочной площадкой.

Дальше небольшой навес.

Под ним можно заниматься в жару или дождь.

Несколько креплений.

Свободная площадка.

Вечером всё будет освещаться низкими фонарями.

Ярослав представил женщину лет сорока.

Она впервые в жизни спокойно идёт быстрым шагом двадцать минут.

Не потому что убегает.

Не потому что опаздывает.

Просто потому что тренируется.

Мужчину, который двадцать лет считал себя сильным, пока не выяснил, что не может нормально присесть.

Арсения, который уже записывает утреннюю боль в ногах как научное наблюдение.

Михаила.

И вдруг улыбнулся.

Михаила здесь будет особенно приятно мучить.

— Молодой господин!

Ярослав обернулся.

Двое рабочих тащили длинную тяжёлую балку к хозяйственному флигелю.

Один держал нормально.

Второй согнулся.

Пытался компенсировать спиной.

— Стой.

Оба замерли.

И ещё трое рядом тоже.

Судя по выражению лица второго рабочего, он решил, что балку сейчас заставят вернуть обратно в лес.

Ярослав подошёл.

— Поставьте.

Они положили.

— Ты как поднимаешь?

Рабочий растерялся.

— Обычно.

— Покажи.

Мужчина наклонился.

Почти прямые ноги.

Спина круглая.

Ярослав поморщился.

— Так не надо.

— А как?

Он показал.

— Ближе подойди.

— Так?

— Ещё.

— Ноги чуть шире.

Ярослав присел рядом.

— Не тяни спиной. Поднимай отсюда.

Показал на ноги.

Рабочий попробовал.

Поднял край.

Удивился.

— Легче.

— Конечно.

— А я всегда...

— Поэтому вечером поясница болит?

Мужчина посмотрел.

— Бывает.

— Вот.

Ярослав выпрямился.

— И не геройствуй. Тяжёлое вдвоём.

— Да, молодой господин.

— Идите.

Они понесли.

На этот раз второй шёл заметно ровнее.

Матвей Игнатьевич стоял рядом.

— Что?

Прораб покачал головой.

— Ничего.

— Опять вежливая версия?

— Думаю.

— Говорите.

— Вы даже рабочих тренируете.

Ярослав пожал плечами.

— Он неправильно поднимал.

— Конечно.

Елизавета приехала через сорок минут.

Михаил — ещё через десять.

Ярослав встретил их во дворе.

Елизавета вышла из кареты.

Огляделась.

Потом посмотрела на ближайших рабочих.

— Они тебя боятся.

Ярослав закрыл глаза.

— Почему сегодня все считают необходимым сообщать мне это?

Михаил только подошёл.

— Потому что тот человек сейчас спрятал уровень.

Ярослав обернулся.

Действительно.

Рабочий очень аккуратно положил длинный измерительный инструмент за ящик.

— Я видел!

Мужчина замер.

Михаил начал смеяться.

Елизавета тоже.

— Я ничего ему не сделал.

— Пока, — сказал Михаил.

— Вы вообще на моей стороне?

— Нет.

— Хорошо.

— Пойдёмте, — сказал Ярослав.

Елизавета поправила перчатку.

— Куда?

— В клуб.

— Мы уже здесь.

— Нет.

Он показал на ворота.

— Вы приехали впервые.

Михаил посмотрел.

— Я здесь третий раз.

— Забудьте.

— Очень удобный подход.

— Вы член клуба.

— Я не соглашался.

— Уже заплатили сто двадцать золотых за месяц.

Михаил остановился.

— Верни.

— Нельзя.

— Почему?

— Место занято вами.

— Я передумал.

— Это ваши проблемы.

Елизавета спокойно сказала:

— Теперь я хочу посмотреть.

Михаил вздохнул.

— Предатели везде.

Они снова вышли наружу.

Ярослав начал с улицы.

— Вы приезжаете.

— Зачем? — спросил Михаил.

— Тренироваться.

— Уже плохо.

— Михаил.

— Молчу.

— Карета входит во двор. Не останавливается снаружи.

Елизавета сразу кивнула.

— Правильно.

— Никто не видит, кто приехал.

— Если только не следит специально, — сказал Михаил.

— Вы сейчас человек или Особый отдел?

— Всегда немного Особый отдел.

— Хорошо. Потом ваши замечания.

— Уже записал.

Они вошли.

В приёмной Ярослав показывал медленно.

Куда человек идёт.

Где оставляет верхнюю одежду.

Где ждёт.

Почему кресел мало.

Почему не будет общей очереди.

Почему запись должна строиться так, чтобы люди почти не сталкивались.

Елизавета слушала.

Михаил задавал неудобные вопросы.

— А если приехали на двадцать минут раньше?

— Подождёте.

— Я плачу сто двадцать.

— Именно поэтому в хорошем кресле.

— А если захочу войти сразу?

— Если инструктор свободен.

— А если нет?

- Ждёте.
- Ужасный клуб.
- Верну деньги.
- Нельзя, ты уже сказал.
- Тогда терпите.

У разделения маршрутов Михаил наконец стал серьёзным.

- Хорошо.
- Что?
- Два входа.

Он прошёл несколько шагов.

Вернулся.

Посмотрел на служебный коридор.

- Но персонал проходит здесь?
- Да.
- Кто?
- Только свои сотрудники.

— А списки клиентов где?

Ярослав показал будущую административную комнату.

- Там.
- Одна книга?
- Пока планировали одну.
- Нет.

Ярослав посмотрел.

- Почему?

— Потому что если одна книга лежит там, любой человек, имеющий доступ к помещению, знает всех членов клуба.

Елизавета тоже остановилась.

Михаил продолжил:

— Частные записи отдельно. Расписание на день отдельно. Полный список у двух-трёх доверенных людей.

— Для чего столько секретности? — спросил Ярослав.

Михаил посмотрел как на ребёнка.

— Потому что половина стоимости твоего клуба — возможность сказать, что ты туда не ходишь.

Елизавета кивнула.

— Он прав.

Ярослав подумал.

— Хорошо. Переделаем систему учёта.

Из-за угла послышался тихий стон.

Матвей Игнатьевич.

Ярослав повернулся.

— Не стены.

Прораб выдохнул.

— Благодарю.

В женской части Елизавета уже не просто слушала.

Она проверяла.

Шкаф.

Зеркало.

Высоту столика.

Расстояние между креслами.

Одну кабину.

Вторую.

Зашла.

Закрыла дверь.

Вышла.

— Здесь мало места.

Матвей Игнатьевич побледнел.

Ярослав посмотрел.

— Мне хватило.

— Ты не носишь платье.

Справедливо.

Елизавета встала.

Показала руками.

— Женщина в вечернем платье. Служанка помогает. Широкая юбка.

Ярослав представил.

— Да.

Прораб спросил очень осторожно:

— Насколько расширить?

— На полшага.

Он закрыл глаза.

— Переделаем.

Ярослав похлопал его по плечу.

— Видите? Сегодня не я.

Матвей Игнатьевич посмотрел.

— Спасибо большое.

Михаил засмеялся.

Дальше Елизавета нашла ещё два недостатка.

Возле зеркала нужен небольшой дополнительный свет.

И место для украшений должно закрываться.

— Почему?

Она посмотрела.

— Потому что женщина снимет серьги стоимостью в дом.

— И?

— Положит на стол.

Ярослав понял.

— Закрывающийся ящик.

— Да.

— Хорошо.

Прораб уже просто записывал.

Без эмоций.

В кабинет лекаря Михаил вошёл и неожиданно перестал шутить.

Осмотрел.

— Здесь будет обязательный осмотр?

— Да.

— Всем?

— Всем.

— Даже если человек не хочет?

— Тогда не член клуба.

Елизавета посмотрела.

— Некоторые обидятся.

— Пусть.

— Очень важные.

— Тем более.

Ярослав прислонился к столу.

— Я не буду давать человеку нагрузку, пока не понимаю хотя бы базовое состояние.

Михаил кивнул.

— Хорошо.

— Вы опять это сказали.

— Не привыкай.

Главный зал они увидели последним.

Елизавета вошла первой.

И остановилась.

Михаил — за ней.

Ярослав почему-то не пошёл сразу.

Смотрел на них.

Ему было интересно.

Елизавета медленно огляделась.

Свет.

Стены.

Металл.

Тёмный пол.

Пустое пространство.

— Красиво, — сказала она.

Ярослав улыбнулся.

— Это не главное.

— Я знаю.

— Правда?

— Именно поэтому красиво.

Он задумался.

Понял.

Ничего не добавлено просто ради богатства.

Хорошие материалы.

Хорошие пропорции.

Чистота.

Порядок.

И достаточно.

— Что здесь? — спросил Михаил.

Вот тут Ярослава как будто кто-то включил.

— Разминка.

Он показал свободную часть.

— Сначала человек двигается. Смотрим состояние. Потом основная работа.

— Где?

— Зависит от программы.

Подошёл к стойке.

— Здесь присед.

К скамье.

— Здесь жимы.

К перекладине.

— Здесь тяги и работа с собственным весом.

Показал блок.

— Это для разных тяг.

Михаил попробовал ручку.

— Зачем столько способов двигать тяжёлое?

Ярослав посмотрел.

— Это сейчас был очень плохой вопрос.

Елизавета улыбнулась.

— Я предупреждала.

Ярослав начал объяснять.

Не торопясь.

Почему один человек начинает с приседа без веса.

Другому уже можно дать нагрузку.

Почему нельзя поставить всех мужчин на одну программу.

Почему женщине нельзя просто взять мужскую программу и уменьшить все веса.

Почему пожилой человек не слабая версия молодого.

Почему после болезни нагрузка определяется не гордо-стью.

Почему хороший инструктор не тот, после которого клиент лежит.

Михаил сначала задавал вопросы.

Потом перестал.

Елизавета тоже.

Ярослав говорил.

И чем дольше говорил, тем меньше замечал их.

Показывал.

Вставал сам.

Менял положение ног.

Брал гриф.

Объяснял, почему хват здесь.

Почему колено туда.

Почему движение нужно контролировать.

Почему вес — инструмент, а не цель.

— А когда добавлять? — спросила Елизавета.

Ярослав сразу ответил:

— Когда текущая нагрузка перестала быть достаточной и человек восстановился.

— По ощущениям?

— Не только.

Он подошёл к небольшому столу.

Там должна была храниться рабочая книга.

— У каждого будет журнал.

Михаил поднял бровь.

— Конечно.

— Вес.

— Конечно.

— Повторы.

— Конечно.

— Сон.

— Ярослав.

— Самочувствие. Пульс. Восстановление. Жалобы. Прогресс.

— Я понял.

— Через месяц открываем и смотрим.

Было.

Стало.

Не «кажется».

Не «по-моему».

Цифры.

Михаил посмотрел на Елизавету.

— Он счастлив.

Ярослав остановился.

— Что?

— Ничего.

— Вы сказали...

— Продолжай.

Но уже не получилось сразу.

Потому что Ярослав вдруг услышал собственный голос.

Увидел себя со стороны.

Он последние месяцы объяснял множество вещей.

Как пилить лес.

Нет.

Не как пилить.

Это знал Лука.

Как считать, выгодно ли пилить.

Как смотреть на мельницу.

Но устройство механизма лучше понимал Еремей.

Как вести переговоры.

Здесь Михаил сильнее.

Как работать с модой.

Елизавета.

Как исследовать Источник.

Савелий.

Арсений.

Гавриил вообще оставил после себя книги, которые Ярослав пока едва начал понимать.

Везде он находил систему.

Задавал вопросы.

Соединял людей.

Считал.

Но почти везде существовал кто-то, кто знал предмет глубже.

А здесь...

Он посмотрел на гриф в своих руках.

Здесь всё было иначе.

— Ярослав? — позвала Елизавета.

- Да.
- Ты замолчал.
- Думаю.
- Это опасно, — сказал Михаил.
- Ярослав улыбнулся.
- Идём дальше.

В частной комнате Михаил сразу спросил:

- Кто будет пользоваться?
 - Кто угодно.
 - За дополнительную плату?
 - Возможно. Но не обязательно.
 - Почему?
 - Иногда человеку нужна приватность.
 - Например?
 - После болезни.
 - Хорошо.
 - Женщина, которая стесняется.
 - Хорошо.
 - Чиновник, который не хочет, чтобы его видели.
- Михаил:
- Очень хороший клуб.
 - Только что был ужасным.
 - Я получил полезную услугу.
 - А.
 - Кто ещё?

Ярослав пожал плечами.

— Если когда-нибудь придёт кто-то из императорской семьи.

Тишина.

Он посмотрел на Михаила.

Тот ничего не сказал.

— Что?

— Ничего.

— Вы очень неприятно молчите.

— Привыкай.

В купальне Елизавета одобрила камень.

Михаил спросил про отдельную подачу горячей воды.

Ярослав объяснил.

Потом дошли до комнаты восстановления.

Елизавета сразу подошла к окну.

Открыла.

Из сада вошёл воздух.

— Вот это хорошо.

Ярослав кивнул.

— Летом здесь будет особенно хорошо.

— Что подавать?

— Воду.

— Еду?

— Лёгкую.

— Вино?

— Нет.

Она повернулась.

— Совсем?

— Совсем.

Михаил:

— Я требую возврат ста двадцати золотых.

— Не получите.

— Даже вина нет.

— После тяжёлой тренировки — нет.

— А если лёгкой?

— Нет.

— Тирания.

— Можете пить дома.

Елизавета задумалась.

— Некоторые будут жаловаться.

— Пусть.

— Значит, в правилах заранее.

— Да.

Она кивнула.

Вот поэтому с ней было удобно.

Если решение принято — дальше она думает не как спорить, а как правильно внедрить.

В саду Михаил наконец начал смотреть не как родственник.

Как сотрудник Особого отдела.

Ярослав заметил сразу.

Взгляд менялся.

Вход.

Окна.

Дорожка.

Флигель.

Второй выход.

— Что?

— Охрана.

— Что с ней?

— Где ждёт?

Ярослав молчал.

— Я не думал.

— Поэтому думаю я.

Михаил показал.

— Если приедет очень важный человек, его охрана не будет сидеть с кучерами.

— Почему?

— Потому что это охрана.

— Хорошо.

— Нужна отдельная комната возле внутреннего входа.

Матвей Игнатьевич издал звук.

Ярослав поднял руку.

— Маленькая.

— Благодарю.

Михаил продолжил:

— Второй выход есть.

— Да.

— Но сейчас он проходит через хозяйственную часть.

— Да.

— Сделать возможность вывести клиента напрямую к боковым воротам.

— Зачем?

— Если он не хочет встречаться с тем, кто только приехал.

Елизавета сказала:

— Полезно.

Ярослав посмотрел на обоих.

— Вы двое значительно дороже строительства, чем я.

Матвей Игнатьевич неожиданно сказал:

— Наконец-то.

Все трое повернулись.

Прораб замер.

Михаил первым засмеялся.

Потом они говорили о членах.

Елизавета уже получала вопросы.

Очень много.

Больше, чем ожидала.

— Сколько?

— Желающих получить рекомендацию?

— Да.

Она назвала число.

Ярослав остановился.

— Столько?

— Я предупреждала.

— Мы ещё не открылись.

— Именно.

Люди хотели попасть туда, куда пока попасть невозможно.

И это действовало лучше любой рекламы.

Были:

мужчины;

женщины;

супружеские пары;

несколько людей старше пятидесяти;

двое молодых наследников;

одна вдова;

три женщины после родов;

несколько чиновников.

— И Анна Сергеевна? — спросил Ярослав.

— Интересуется.

— Лекарь сначала.

— Я помню.

Елизавета отдельно подчеркнула:

никому ничего не обещала.

Попытки купить место уже были.

Не официально.

Разумеется.

Кто-то предложил оплатить год сразу.

Кто-то — полтора.

Один человек предложил удвоенную месячную цену, если ему гарантируют членство.

Ярослав покачал головой.

— Нет.

— Я сказала то же самое.

— Хорошо.

Михаил спросил:

— Почему?

Они оба посмотрели.

— Что?

— Почему не взять двойную цену?

Ярослав понял, что вопрос настоящий.

— Потому что тогда правила стоят столько, сколько готов заплатить человек.

— И?

— Следующий предложит в три раза больше.

Пауза.

— Потом у нас сорок человек вместо тридцати.

Ещё.

— Потом пятьдесят.

— Больше прибыль.

— Хуже клуб.

Михаил кивнул.

— Хороший ответ.

Елизавета сказала:

— Я предлагала ещё правило.

— Какое?

— Рекомендация даёт право на рассмотрение.

— Но не место.

— Именно.

— Согласен.

— И отказ мы не объясняем.

Ярослав задумался.

— Почему?

— Потому что иначе начнут исправлять причину ради следующей попытки.

— А если причина медицинская?

— Это отдельно.

— Хорошо.

О деньгах заговорили уже ближе к вечеру.

Елизавета достала небольшую папку.

Ярослав почти застонал.

— Сейчас?

— Ты хотел проект от начала до конца.

— Хотел.

— Тогда слушай.

Часть бюджета уже была потрачена.

Дом.

Оформление.

Стройка.

Оборудование.

Переделки.

На слове «переделки» она посмотрела на Ярослава.

— Что?

— Ничего.

— Сколько?

Назвала.

Ярослав поморщился.

— Не так много.

Матвей Игнатьевич находился далеко.

Но почему-то обернулся.

Михаил рассмеялся.

Они всё ещё укладывались в общий резерв.

С трудом.

Но укладывались.

Первоначальные **8 670 золотых** пока не пробили.

Часть строительного резерва съели переделки.

Зато по нескольким позициям удалось сэкономить без потери качества.

Елизавета снова перечислила расчёт при восемнадцати, двадцати четырёх и тридцати членах.

Ярослав слушал.

Действительно слушал.

Это его деньги.

Проект рода.

Окупаемость важна.

При восемнадцати — медленнее.

При двадцати четырёх — хорошо.

При тридцати — очень хорошо.

И вдруг заметил странную вещь.

Цифры не вызывали привычного ощущения.

Обычно, когда расчёт показывал хорошую прибыль, внутри появлялся азарт.

Ещё.

Масштабировать.

Улучшить.

Здесь было иначе.

Ему нравились цифры.

Конечно.

Но если бы сейчас Елизавета сказала, что клуб окупится не за пять месяцев, а за год...

Он всё равно захотел бы закончить.

Правильно.

Так, как задумал.

Это неожиданно испугало.

Потому что в бизнесе он всегда уважал цифры.

Проект, который не способен кормить себя, превращается в дорогую игрушку.

Но клуб будет кормить.

Проблемы нет.

Просто впервые прибыль была не причиной.

Она была следствием.

Если сделать хорошо — люди заплатят.

Если реально дать результат — останутся.

Если результат виден — расскажут другим.

Если ограничить количество мест — спрос сохранится.

Но главное...

Главное было совсем не это.

Елизавета закончила.

— Ты вообще слушал?

— Да.

— Повтори.

Ярослав назвал последние три цифры.

Она кивнула.

— Хорошо.

Михаил посмотрел на него.

— А думал о другом.

— Да.

— О чём?

Ярослав оглянулся на зал.

— Потом.

Михаил не настаивал.

Они уехали уже ближе к вечеру.

Елизавета первой.

У неё была ещё встреча.

Михаил задержался на десять минут, поговорил с Матвеем Игнатьевичем про будущий боковой выход и охрану.

Потом тоже собрался.

Перед каретой остановился.

Посмотрел на Ярослава.

— Не едешь?

— Позже.

— Почему?

— Хочу ещё пройти.

Михаил усмехнулся.

— Ты уже четыре часа ходишь.

— Знаю.

— Ладно.

Он сел.

Потом выглянул.

— Футляром пользуюсь.

Ярослав улыбнулся.

— Уже?

— В отличие от твоего клуба, он готов.

— Подождите.

— Чего?

— Найду, что там переделать.

Михаил быстро закрыл дверцу.

Рабочие постепенно расходились.
Стройка становилась тише.
Сначала перестала работать пила.
Потом исчезли удары молотка из дальнего крыла.
Кто-то убирал инструмент.
Кто-то закрывал окна.
Последний свет дня входил через высокие окна главного зала.

Ярослав вернулся туда один.
Почти.
В дальнем углу мастер ещё собирал инструменты.
Но не мешал.

Ярослав стоял в центре.
И просто смотрел.
Тёпло-серая стена.
Тёмный матовый пол.
Большие окна.
Скамьи.
Стойки.
Металл.
Кожа.
Свободное пространство.
Где-то ещё не хватало оборудования.
На одном зеркале оставалась защитная ткань.
У дальней стены стоял ящик с креплениями.

В углу лежали две доски.
Незаконченно.
Но уже понятно.

Ярослав подошёл к первой стойке.
Взял гриф.
Поставил небольшой вес.
Не тренировочный.
Просто проверить.
Снял обувь?
Нет.
Не надо.
Встал.
Положение ног.
Гриф на плечи.
Снял.
Шаг назад.
Присел.
Спокойно.
Неглубоко сначала.
Проверяя пол.
Ещё раз.
Пол держал.
Не скользил.
Стойка стояла правильно.
Он вернул гриф.

Снял вес.

Аккуратно положил на место.

И остался стоять.

В прошлой жизни он делал это тысячи раз.

Настолько много, что перестал замечать.

Открыть зал утром.

Проверить свет.

Проверить музыку.

Пройти между стойками.

Кто оставил диски.

Где ослаб болт.

Почему скамья опять съехала.

Почему клиент делает то, что тренер ему запретил.

Кому уменьшить нагрузку.

Кому добавить.

Кто сегодня не выспался.

Кто врёт, что не болит.

Кто месяц стоит на месте, потому что боится увеличить вес.

Кто увеличивает слишком быстро.

Кто впервые сделал десять подтягиваний и пытается делать вид, что это ничего особенного.

Это была жизнь.

Обычная.

Иногда раздражающая.

Иногда тяжёлая.

Его.

После смерти всё стало чужим.

Даже тело.

Он открыл глаза — и у него были чужие руки.

Чужое имя.

Чужой дед.

Чужой дом.

Чужая история, которой он не помнил.

Пришлось учиться читать.

Учиться говорить правильно.

Понимать титулы.

Родство.

Советы.

Источники.

Магию.

Драться мечом.

Не смеяться в неподходящий момент.

Не говорить то, что здесь звучало бы безумно.

Он каждый день чему-то учился.

И каждый день рядом находился кто-то, кто в этом понимал больше.

Всеволод.

Михаил.

Елизавета.

Святобор.

Савелий.

Ратмир.

Савва.

Лука.

Еремей.

Арсений.

Даже рабочий шахты знал о камне то, чего Ярослав не знал.

И это было нормально.

Так должен работать мир.

Нельзя быть специалистом во всём.

Но здесь...

Ярослав положил ладонь на холодный металл.

Вот здесь он не чувствовал себя человеком, который удачно задаёт правильные вопросы.

Он знал ответы.

Не на всё.

Кузнец лучше знал металл.

Матвей Игнатьевич — стены.

Елизавета — женщин, свет и то, как дорогое пространство должно ощущаться.

Михаил — безопасность.

Савелий — здоровье.

Но саму систему...

Для чего человек входит.

Что происходит в первый день.

Какую нагрузку он получает.

Почему возвращается.

Что записывают.

Когда добавляют вес.

Когда уменьшают.

Почему отдых — часть тренировки.

Как заметить прогресс.

Как не сломать новичка его же энтузиазмом.

Как отличить работу от бессмысленного страдания.

Это было его.

Не Ярослава Лисова.

Не наследника древнего рода.

Не мальчика, который умер на инициации.

Александра.

Того человека тоже больше не существовало.

Но всё, чему он научился, оказалось здесь.

В этих стенах.

Ярослав медленно оглядел пустой зал.

И вдруг понял ещё одну вещь.

Всё остальное ему досталось.

Земля.

Дом.

Лес.

Мельница.

Родовое имя.

Даже новая шахта существовала задолго до него.

Он улучшал.

Перестраивал.

Исправлял.

Но не создавал с нуля.

А этого места раньше не было.

Ни в этом доме.

Ни у Лисовых.

Возможно, вообще нигде в стране в таком виде.

Оно появилось потому, что когда-то человек по имени Александр любил железо, тренировался, ошибался, учился, тренировал других, открыл собственный зал и много лет смотрел, как человеческое тело меняется от правильно подобранной нагрузки.

Та жизнь закончилась.

Но не пропала.

Она просто долго не находила себе места здесь.

До сегодняшнего дня.

Почему-то стало трудно вдохнуть.

Не плохо.

Просто глубоко.

Ярослав медленно набрал воздух.

Выдохнул.

Улыбнулся.

За последние месяцы он впервые не думал:

смогу ли я?

Не думал:

кого надо спросить?

Не думал:

что здесь принято?

Не думал:

*а не совершаю ли я сейчас глупость из-за того, что знаю
другой мир, но не понимаю этот?*

Здесь он просто знал, что делать.

— Молодой господин?

Ярослав обернулся.

Матвей Игнатьевич стоял у входа.

Усталый.

В пыльной одежде.

Уже без верхней куртки.

— Вы ещё здесь?

— Как видите.

Прораб посмотрел.

— Я хотел спросить.

Ярослав сразу насторожился.

— Что?

Мужчина показал на дальнюю стену.

— Эту.

Ярослав посмотрел.

— Что с ней?

— Оставляем?

Пауза.

Ярослав посмотрел на стену.

На прораба.

У того было выражение человека, который уже внутренне подготовился ко всем возможным исходам.

Снести.

Подвинуть.

Расширить.

Поднять.

Перестроить дом вокруг неё.

Ярослав ещё раз посмотрел.

— Оставляем.

Матвей Игнатьевич замер.

— Совсем?

— Совсем.

— Ничего?

— Ничего.

Прораб медленно выдохнул.

Очень заметно.

Ярослав не выдержал.

Рассмеялся.

— Вы действительно меня боитесь.

— Уже меньше.

— Почему?

Матвей Игнатьевич посмотрел на стену.

— Вы её оставили.

Ярослав смеялся ещё громче.

Прораб тоже улыбнулся.

Потом посмотрел вокруг.

— Хорошо получается.

Ярослав успокоился.

— Да.

— Я сначала не понимал.

— Что?

— Зачем столько пустого места. Почему шкафы такие. Почему два входа. Почему вы десять раз открывали одну дверь.

— Не десять.

— Двенадцать.

— Считали?

— После восьмого стало интересно.

Ярослав снова улыбнулся.

Матвей Игнатьевич провёл ладонью по бороде.

— Но теперь понятно.

Пауза.

— Вы уже видите людей здесь.

Ярослав посмотрел.

Очень точно.

— Да.

— А мы пока стены.

— Для этого вы и нужны.

Прораб кивнул.

— Завтра с утра эту стойку передвинем.

— На четверть шага.

— Помню.

— И светильник.

— На ладонь выше и назад.

— Хорошо.

Матвей Игнатьевич вздохнул.

— Я всё-таки зря подошёл.

— Поздно.

Он ушёл.

Ярослав остался один.

Теперь действительно.

Вечерний свет становился теплее.

Серые стены начали отдавать бежевым.

Тёмное дерево почти почернело в углах.

На металлическом грифе лежала узкая золотая полоса
солнца.

Он подошёл к окну.

В саду кто-то уже закрыл инструменты под навесом.

Деревья тихо двигались.

За стеной города шла совершенно другая жизнь.

Кареты.

Приёмы.

Двор.

Политика.

Каменские.

Аурит.

Император.

Всё это никуда не исчезло.

Завтра снова придётся думать.

Считать.

Спорить.

Разбираться.

А сегодня можно было просто постоять здесь.

Ярослав снова оглянулся.

Стойки.

Скамьи.

Зеркало.

Пол.

Ещё не законченные стены.

Коробка с креплениями у двери.

И впервые после смерти Александра всё внутри встало совершенно спокойно.

Без доказательств.

Без расчётов.

Без необходимости объяснять самому себе.

Он был на своём месте.

Глава 6. Допуск

Ярослав заметил изменения ещё до того, как Арсений успел поздороваться.

Не большие.

Если бы они не виделись несколько недель, обычный человек, скорее всего, вообще ничего бы не понял.

Та же фигура.

Тот же дорогой тёмно-синий сюртук.

Те же волосы, которые Арсений явно поправлял рукой чаще, чем расчёской.

Те же пальцы в нескольких тёмных пятнах от состава, которым он работал в мастерской.

Но Ярослав смотрел иначе.

Плечи.

Вот первое.

Раньше они чуть уходили вперёд.

Совсем немного.

Обычная поза человека, который половину жизни проводит над столом, схемой или артефактным контуром.

Теперь спина держалась ровнее.

Не идеально.

Но заметно.

Потом шея.

Из-за изменившейся осанки она уже не выглядела чуть

вытянутой вперёд.

Грудь.

Руки.

Рукава сюртука сидели почти так же, но ткань на плечах натягивалась иначе.

На совсем чуть-чуть.

Если не знать, куда смотреть, не заметишь.

Ярослав знал.

Он остановился прямо в дверях мастерской.

Арсений, который как раз что-то говорил помощнику, поднял голову.

— Ты чего?

Ярослав молча посмотрел.

Арсений тоже посмотрел на него.

Потом на себя.

И совершенно серьёзно спросил:

— Что?

Ярослав не ответил.

— Ярослав.

— Повернись.

— Что?

— Повернись боком.

Арсений замер.

Потом глаза чуть расширились.

— Уже видно?

Ярослав не выдержал.

Улыбнулся.

Вот это выражение было слишком хорошим.

Арсений изо всех сил пытался изображать обычный научный интерес.

Получалось плохо.

— Повернись.

— Я и так...

— Арсений.

Тот повернулся.

Ярослав посмотрел.

— Теперь обратно.

— Ты издеваешься?

— Нет.

— Ну?

— Хорошо.

— Что именно?

— Всё.

— Очень информативно.

— Плечи лучше. Спина лучше. Руки немного.

Арсений тут же посмотрел на собственный рукав.

— Я замечал, что здесь стало теснее.

— Разумеется, замечал.

— Но я не был уверен, что это не изменение ткани после чистки.

Ярослав закрыл глаза.

— Господи.

— Что?

— Ничего.

— Ты опять делаешь это лицо.

— Какое?

— Как будто я сказал что-то очень глупое.

— Потому что ты сказал что-то очень глупое.

Арсений оскорбился.

— Я проверял.

— Конечно.

— Сравнивал с другим сюртуком.

— Конечно.

— Там изменение меньше.

— Арсений.

— Что?

— Ты нормальный человек вообще иногда?

Он задумался.

— Думаю, да.

— Вот это и пугает.

В мастерской пахло горячим металлом, маслом и чем-то сладковато-резким.

Один из приборов на дальнем столе тихо гудел.

По медным пластинам проходили редкие слабые вспышки.

Арсений машинально подошёл, поправил положение небольшого зажима и только потом снова вернулся к Яро-

славу.

Вот здесь он был другим человеком.

В компании женщин мог забыть половину слов.

На приёме постоянно следил, куда деть руки.

Стоило ему оказаться возле оборудования — исчезало всё.

Плечи расправлялись сами.

Голос становился увереннее.

Движения — быстрыми.

Точными.

Ярославу это нравилось.

Он сам чувствовал нечто похожее в клубе.

Только там вместо меди и артефактных пластин был металл под ладонью.

Наверное, поэтому с Арсением было так легко.

У каждого имелось место, где он становился собой.

— Дневник, — сказал Ярослав.

Арсений даже не спросил какой.

Сразу пошёл к столу.

Достал толстую тетрадь.

Ярослав взял.

Полистал.

Первые записи всё ещё вызывали у него желание смеяться.

День первый.

Отжимания:

восемь.

После шестого — нарушение положения корпуса.

После восьмого — дальнейшее выполнение признано нецелесообразным.

Приседания.

Тяги.

Пульс.

Сон.

Аппетит.

Состояние ног утром.

Отдельной строкой:

«Нежелание вставать со стула — выраженное».

Ярослав хмыкнул.

— Это до сих пор моя любимая запись.

— Очень полезное наблюдение.

— Конечно.

Дальше цифры становились интереснее.

Сейчас чистых отжиманий:

восемнадцать.

Девятнадцатое уже начинало ломать технику.

Подтягивания:

три полностью чистых.

Четвёртое — подбородок чуть ниже перекладины.

Арсений честно не засчитал.

Приседания с дополнительным весом выросли.

Бег переносился значительно легче.

Пuls после привычной нагрузки успокаивался быстрее.

Сон стал чуть глубже в дни после тренировки.

Вес:

плюс **одна целая три десятых** за всё время.

Талия:

почти без изменений.

Ярослав снова посмотрел на Арсения.

— Хорошо.

Тот улыбнулся.

— Я тоже так решил.

— Я вижу.

Дальше была отдельная запись:

«Желание увеличить количество тренировок с трёх до четырёх — сохраняется».

Ниже:

«Не увеличил».

Ярослав постучал пальцем.

— А вот за это я тобой особенно горжусь.

— Я хотел.

— Я знаю.

— Очень.

— Верю.

— Но не добавил.

— Именно.

— Потому что ты сказал.

— И потому что после третьей недели ты наконец понял, что восстановление — часть программы.

Арсений немного подумал.

— В основном потому, что ты сказал.

— Тоже сойдёт.

Ярослав уже хотел закрыть дневник.

Потом увидел ещё одну строку.

И улыбнулся.

«Софья Александровна отметила изменение осанки. Независимое внешнее наблюдение».

Он медленно поднял глаза.

Арсений сразу понял.

— Что?

— Независимое внешнее наблюдение?

— Это оно и есть.

— Софья — независимый наблюдатель?

— В данном случае да.

— Конечно.

Арсений забрал тетрадь.

— Не начинай.

— Я ещё ничего не сказал.

— Именно поэтому опасно.

Ярослав сел на край стола.

— Рассказывай.

— Нечего.

— Арсений.

— Она сказала, что я стал ровнее стоять.

— Я это уже прочитал.

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Потому что в дневнике ты не написал, как выглядел при этом.

— Как я должен был выглядеть?

Ярослав покачал головой.

— Дальше.

Арсений помолчал.

— Через двенадцать дней спросила, не стал ли сюртук теснее в плечах.

Ярослав прикрыл глаза.

— И ты?

— Что я?

— Что ответил?

— Что сюртук тот же.

Пауза.

— Размер не менялся.

Ярослав просто смотрел.

Арсений нахмурился.

— Что?

— Ты безнадёжен.

— Почему?

— Она не про сюртук спрашивала.

Арсений замер.

Буквально.

Ярослав увидел, как мысль медленно проходит через голову.

— Ты думаешь...

— Да.

— Но она спросила именно про сюртук.

— Конечно.

— То есть...

— Да.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я девятнадцать лет жил среди людей.

Арсений всё ещё переваривал.

Потом тихо сказал:

— Она ещё плечо потрогала.

Ярослав закрыл лицо ладонью.

— И ты это сейчас говоришь?

— А что?

— Ничего.

Он встал.

— Продолжай тренироваться.

— Это связано?

— Самым прямым образом.

— С физиологической точки зрения?

— С любой.

Арсений всё ещё выглядел так, будто хотел получить точную формулу.

Ярослав решил его не спасать.

Некоторые навыки человек должен развивать сам.

— Собирайся, — сказал он.

Арсений моргнул.

— Куда?

— Ко мне.

— В поместье?

— Да.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Надолго?

— До завтра, возможно.

Арсений посмотрел на стол.

На прибор.

На бумаги.

— У меня опыт через два часа.

— Перенеси.

— Я не люблю переносить опыт.

— Знаю.

— Тогда зачем?

Ярослав помолчал.

— Потому что это важнее.

Вот после этого Арсений перестал спорить.

Собрался он быстро.

Для человека, который постоянно терял перья и мог полчаса искать письмо, лежащее перед ним, — почти мгновенно.

Дал помощнику инструкции.

Проверил прибор.

Вернулся проверить второй раз.

Ярослав терпел.

На третьем:

— Арсений.

— Всё.

— Ты сказал это пять минут назад.

— Сейчас действительно всё.

— Поехали.

Первые полчаса дороги говорили о тренировках.

Арсений пытался получить разрешение увеличить объём.

Ярослав не дал.

— Но восстановление хорошее.

— Хорошее.

— Боли почти нет.

— Отлично.

— Значит...

— Значит, текущая программа работает.

— Поэтому надо...

— Не трогать то, что работает.

Арсений посмотрел в окно.

— Странная философия.

— Для тебя особенно.

— В экспериментах мы меняем условия.

— По одному.

— Да.

— И после того, как получили достаточно данных по предыдущему.

Арсений помолчал.

— Нечестно применять ко мне мои же методы.

— Почему?

— Неприятно.

Ярослав улыбнулся.

Потом говорили об артефактах.

О новом измерительном контуре.

О потерях в переходах.

О том, как две мастерские опять спорят, какой сплав лучше, одновременно используя детали разной формы.

Арсений возмущался совершенно искренне.

— Они меняют материал и толщину одновременно.

— Ужас.

— Именно!

— Потом получают меньше потерь.

— Да!

— И объявляют, что дело в материале.

— Вот!

Ярослав кивнул.

— Варвары.

Арсений посмотрел подозрительно.

— Ты смеёшься.

— Немного.

— Это серьёзно.

— Я знаю.

— Ты бы тоже ругался.

— Конечно.

Вот теперь Арсений успокоился.

На первой остановке ели простой горячий пирог с мясом.

Арсений умудрился капнуть соусом на рукав.

Смотрел на пятно так, будто нарушил условия важнейшего эксперимента.

Ярослав дал салфетку.

— Софья не переживёт.

Арсений поднял голову.

— Причём здесь Софья?

— Ни при чём.

— Ты сегодня постоянно...

— Ешь.

— Ярослав.

— Ешь.

Только ближе к поместью Арсений снова стал серьёзным.

Поля за окнами уже были лисовскими.

Ярослав узнавал дорогу.

Сначала мелькнула деревня.

Потом знакомый поворот.

Арсений некоторое время молчал.

И всё-таки спросил:

— Зачем мы едем?

Ярослав не ответил сразу.

Он знал, что рано или поздно вопрос прозвучит.

— Помнишь, я говорил, что мы нашли кое-что в записях

Гавриила?

— Да.

— И про приложение.

— Да.

— Это связано.

Арсений сразу выпрямился.

— С Гавриилом?

— Не только.

Пауза.

— С ауритом?

Ярослав посмотрел.

Хороший вопрос.

Слишком хороший.

— Поговорим дома.

Арсений заметил.

— Дома.

— Что?

— Ты раньше говорил «в поместье».

Ярослав пожал плечами.

— Наверное.

— Теперь «дома».

Он даже не думал об этом.

Дом.

Да.

Наверное, уже дом.

Ярослав посмотрел в окно.

— Привык.

Арсений кивнул.

И снова замолчал.

Через несколько минут Ярослав сказал:

— Я хочу показать тебе то, что знают очень немногие.

Арсений перестал смотреть в окно.

— Насколько немногие?

— Меньше десяти.

— Почему мне?

Ярослав был готов к вопросу.

Но всё равно ответил не сразу.

— Потому что ты разбираешься в вещах, в которых мы не разбираемся.

Арсений ничего не сказал.

Ярослав добавил:

— И потому что я тебе доверяю.

Вот это подействовало сильнее.

Он увидел.

Арсений отвёл взгляд.

Потом тихо спросил:

— Настолько?

— Настолько.

До самого дома больше тему не поднимали.

Их встретил Ратмир.

Сам.

Это уже говорило достаточно.

— Молодой господин.

— Ратмир.

— Арсений Сергеевич.

— Рад видеть.

— Вас ждут.

Арсений посмотрел на Ярослава.

— Кто?

— Сейчас увидишь.

Внутри вошли через главный вход.

Но дальше свернули не к гостиной.

Не к столовой.

И даже не в кабинет деда.

По небольшому коридору.

Потом ещё.

К закрытой комнате в старой части дома.

У двери стоял человек Всеволода.

Арсений стал заметно серьезнее.

— Ярослав.

— Всё нормально.

— Это обычно говорят перед тем, как становится ненормально.

— Михаил на тебя плохо влияет.

— Михаил?

Дверь открылась.

Арсений увидел Михаила.

И понял, что угадал.

За столом уже были:

Всеволод.

Михаил.

Савелий Андреевич.

Савва Никитич.

Ратмир вошёл следом.

Елисей сидел с бумагами сбоку.

Не было только Елизаветы и Бориса.

Они в этот круг пока не входили.

Арсений остановился.

Посмотрел на всех.

Потом на Ярослава.

— Теперь я действительно начинаю нервничать.

— Это нормально.

— Ты постоянно говоришь «нормально» в моменты, когда мне не становится легче.

Всеволод усмехнулся.

— Садитесь, молодой Каменский.

Арсений сел.

Но не расслабился.

Михаил положил перед собой лист.

Вот когда напряжение стало настоящим.

— До того как мы расскажем вам хоть что-нибудь, — сказал Всеволод, — вы должны принять клятву.

Арсений не отвёл взгляда.

— О неразглашении?

— Да.

— Что я должен буду скрывать?

— Пока вы не можете этого знать.

Арсений чуть нахмурился.

Михаил продолжил:

— Поэтому вы можете отказаться сейчас.

— Последствия?

— Никаких.

— Для отношений с Лисовыми?

— Никаких, — ответил Всеволод.

Арсений посмотрел на Ярослава.

Тот кивнул.

— Я серьёзно. Если не хочешь — не надо.

— Ты после этого всё равно будешь со мной работать?

— Да.

— Тренировки?

— Да.

— Гавриил?

Ярослав немного помолчал.

— То, что уже знаешь, останется.

Арсений медленно кивнул.

— Что запрещает клятва?

Михаил прочитал формулировку.

Не обсуждать.

Не передавать.

Не намекать.

Не подтверждать.

Не сообщать полученные здесь сведения никому без прямого разрешения главы Лисовых либо специально определённого им человека.

Никому.

Арсений сразу спросил:

— Даже отцу?

— Да.

— Главе моего рода?

— Да.

— Сергею Валерьевичу?

— Да.

— Вообще Каменским?

— Да.

Вот здесь он замолчал.

Долго.

Ярослав не вмешивался.

Это было важно.

Если давить сейчас — потом любое решение станет нечестным.

Арсений смотрел на стол.

Потом на Михаила.

— Вы считаете, что сведения могут касаться Каменских?

Михаил не ответил.

Всеволод сказал:

— Могут.

Арсений повернулся к Ярославу.

— Ты знал?

— Да.

— И всё равно привёз меня сюда?

— Да.

Ещё одна пауза.

— Почему?

— Уже сказал.

Арсений смотрел.

И Ярослав повторил:

— Я тебе доверяю.

Не семье.

Не фамилии.

Тебе.

Арсений медленно выдохнул.

— Хорошо.

Михаил ещё раз сказал:

— Вы можете отказаться.

— Не откажусь.

— Подумайте.

— Я подумал.

Он посмотрел на лист.

— Если это касается моего рода, я тем более хочу знать.

Клятву принимали не торжественно.

Никаких свечей.

Никакой длинной церемонии.

Это была старая рабочая магическая формула.

Арсений повторял слова медленно.

Точно.

Не торопясь.

Когда закончил, Ярослав увидел, как едва заметно изменилось движение энергии около груди.

Раньше он бы, наверное, вообще не заметил.

Сейчас — заметил.

Тонкая светлая линия будто на мгновение стянулась вокруг Источника.

Не буквально верёвкой.

Скорее коротким изменением плотности.

Почти сразу исчезла.

Ярослав моргнул.

Посмотрел ещё раз.

Ничего.

Арсений положил ладонь на грудь.

— Готово.

Савелий проверил.

Кивнул.

— Принято.

Ярослав всё ещё смотрел.

Арсений заметил.

— Что?

— Потом.

Первое новое наблюдение уже появилось.

И это было важно.

Сначала Арсению показали не аурит.

Ярослав настоял.

Тренировки.

Потому что здесь всё было проще.

Чище.

И не требовало сразу ломать человеку представление о собственной семье.

Елисей положил на стол несколько толстых папок.

— Это что? — спросил Арсений.

— Дружина, — сказал Ярослав.

— Двадцать три человека.

— Сейчас да.

Первые таблицы.

Исходное состояние.

Возраст.

Вес.

Физическая подготовка.

Показатели Источника.

Время восстановления после стандартной магической нагрузки.

Контрольная группа.

Основная.

Арсений взял первый лист.

И через две минуты полностью забыл, что нервничал.

— Стоп.

Поднял голову.

— Измеряли одним прибором?

— Да, — ответил Савелий.

— Всё время?

— Основной период — да. Первые ранние данные частью другими.

— Отдельно отмечено?

Елисей показал.

— Здесь.

Арсений кивнул.

Ещё лист.

— Время суток?

— Старались одинаковое.

— «Старались»?

Савелий посмотрел на него с одобрением.

— Вот поэтому вы здесь.

Арсений даже не заметил комплимента.

— Если один раз утром, второй вечером...

— Мы это поняли после первых недель.

— Хорошо.

Лист.

— После болезни измерения?

— Отдельно.

— Недосып?

Елисей показал колонку.

Арсений посмотрел.

— Это Ярослав?

— Да.

— Конечно.

Ярослав пожал плечами.

Потом Арсений задал вопрос, после которого Савелий выпрямился.

— Тот, кто измерял, знал, кто в основной группе?

Тишина.

— Да, — сказал Савелий.

Арсений нахмурился.

— Это плохо.

— Почему? — спросил Всеволод.

— Потому что если граница показателя не абсолютно чёткая, ожидание может повлиять на запись.

Ярослав сразу вспомнил письмо Гавриила.

Если различие существует только тогда, когда мы ожидаем его увидеть, различия может не быть.

— Точно, — сказал он.

Арсений поднял голову.

— Что?

— Гавриил писал почти то же самое.

— Тогда он был прав.

— Очень приятно слышать такое о собственном родственнике.

Арсений уже снова читал.

— При следующем цикле измеряющий не должен знать группу.

Савелий кивнул.

— Сделаем.

Вот.

Уже польза.

Он был здесь меньше часа.

Основной результат Арсений понял быстро.

Физические показатели основной группы выросли у всех.

У кого-то больше.

У кого-то меньше.

Но выросли.

Магическое восстановление:

у четырёх из первой шестёрки — устойчивое ускорение.

У пятого — небольшое.

У шестого — почти ничего.

Позже похожая тенденция начала повторяться на расширенной группе.

Но не у всех одинаково.

Арсений перелистывал.

Сравнивал.

Возвращался.

— Проводимость?

— Растёт, — сказал Савелий.

— У большинства?

— Да.

— Восстановление после магической нагрузки?

— У части заметно.

— Ёмкость?

Ярослав покачал головой.

— Вот.

Арсений начал смотреть эту колонку.

Один.

Второй.

Третий.

Никаких устойчивых изменений.

Погрешность.

Небольшие колебания.

Но линия остаётся почти той же.

Он откинулся.

— Значит, физическая нагрузка меняет эффективность системы.

— Похоже.

— Но не размер.

— Пока нет.

— Проводимость.

— Да.

— Скорость восстановления.

— Да.

— Возможно, устойчивость при нагрузке.

Савелий:

— Есть признаки.

Арсений улыбнулся.

Он действительно был счастлив.

Совершенно искренне.

— Вы понимаете, что это уже само по себе очень важно?

— Да, — сказал Ярослав.

— Нет.

Арсений ткнул в таблицу.

— Все учат Источник работать через магические упражнения. А у вас обычная физическая подготовка меняет маги-

ческие показатели без специальных магических тренировок.

— Именно.

— Это же...

Он замолчал.

Потом снова полез в листы.

Вот теперь точно дома.

Ярослав дал ему немного времени.

Потом достал вторую папку.

Тоньше.

Положил перед ним.

Арсений машинально открыл.

Первая цифра:

34,8.

Вторая:

35,5.

Третья:

36,2.

Он посмотрел.

— Что это?

— Ёмкость.

— Чья?

— Моя.

Арсений замер.

Посмотрел на первую.

Потом вторую.

Потом третью.

— Приборы?

— Академия и наши.

— Повторные?

— Есть.

— Интервал?

Елисей показал даты.

Арсений пересчитал.

Потом поднял голову.

— Твой Источник вырос.

— Да.

— На тренировках?

— Нет.

Арсений стал очень серьёзным.

— Тогда на чём?

Ярослав посмотрел на деда.

Тот чуть кивнул.

— На аурите.

Тишина стала другой.

Арсений не сказал:

«невозможно».

Не засмеялся.

Не отмахнулся.

Он просто спросил:

— По порядку.

Очень хороший ответ.

Ярослав начал со старой шахты.

Не спеша.

Почему вообще туда поехал.

Почему купил её отец.

Что говорил.

Что запрещал магам спускаться.

Что сам Ярослав увидел внизу.

На слове «увидел» Арсений остановил его.

— Что значит «увидел»?

— Буквально.

— Магию?

— Да.

Арсений положил лист.

Медленно.

— Ты видишь магию?

— Теперь уже уверен, что да.

— С каких пор?

— Первый раз заметил в Академии.

— Где?

— Во дворе. Там было много магов.

— Как выглядит?

Вопросы пошли мгновенно.

— Цвет?

— Почти нет.

— Светится?

— Не совсем.

— Прозрачность?

— Да.

— Форма?

— Зависит.

— Движение?

— Иногда.

— У человека?

— Вижу плотность около потоков лучше, чем раньше.

Арсений замер.

— Лучше?

Вот.

Ярослав кивнул.

— Это тоже надо добавить.

Елисей сразу приготовил перо.

— Когда я впервые заметил, — сказал Ярослав, — это было почти на грани.

Сомнение.

То ли увидел.

То ли показалось.

В шахте было уже заметнее.

Потом с ауритом дома.

А в последние недели...

Он искал слова.

— Чётче.

Арсений слушал очень внимательно.

— Насколько?

— Раньше это была просто дымка. Сейчас иногда вижу, где она плотнее. Где слабее. Иногда границу.

— Направление?

— Иногда кажется, что да.

— Кажется?

— Пока так и записывай.

Арсений кивнул.

— После роста Источника стало лучше?

— Вот этого не знаю.

— По времени совпадает?

— Примерно.

— Или способность сама развивается от использования.

— Это второй вариант.

Арсений чуть прищурился.

— Есть третий.

— Какой?

— Ты стал лучше понимать, что именно видишь.

Ярослав посмотрел.

Хорошо.

— То есть зрение не изменилось. Изменился навык интерпретации.

— Да.

Елисей записал три варианта.

Рост Источника усилил восприятие.

Способность сама развивается от использования.

Восприятие физически то же, но Ярослав научился различать детали.

Арсений добавил:

— И варианты могут сочетаться.

— Разумеется.

— Значит, нужна отдельная шкала.

Ярослав усмехнулся.

— Ты здесь десять минут и уже придумал ещё один журнал.

— Это плохо?

— Нет.

Савва тихо сказал:

— Пока журнал бесплатный.

Все посмотрели.

Он пожал плечами.

— Продолжайте.

Ярослав вспомнил клятву.

— Кстати.

— Что?

— Когда ты её дал, я увидел изменение у Источника.

Арсений застыл.

— Какое?

— Очень короткое.

Ярослав описал.

Тонкая линия плотности.

Сжалась.

Исчезла.

Арсений некоторое время не говорил.

— Клятвы всегда взаимодействуют с Источником.

— Знаю.

— Но я никогда не слышал, чтобы кто-то видел сам момент закрепления.

Всеволод посмотрел на Ярослава.

Савелий тоже.

Арсений спросил:

— Ты раньше присутствовал при клятвах после того, как начал видеть?

Ярослав подумал.

— Нет.

— Отлично.

— Почему отлично?

— Потому что теперь есть ещё один объект наблюдения.

Савелий устало сказал:

— Только не начинайте давать людям клятвы ради опыта.

Арсений моргнул.

— Я не собирался.

Ярослав:

— А я уже подумал.

Савелий посмотрел.

— Я знаю.

Потом рассказ продолжился.

Старая шахта.

Первый спуск.

Дымка.

Источник, который сам начал тянуть воздействие.

Очень приятное состояние.

Лёгкость.

Желание остаться.

Арсений сразу поднял палец.

— Желание остаться важно.

— Мы тоже так решили.

Всеволод рассказал о своём ощущении.

— Дышится легче.

Арсений посмотрел.

— Именно так?

— Именно.

Он записал.

— У вас зрительного эффекта нет?

— Нет.

— Вообще?

— Нет.

— Даже сейчас?

— Нет.

Арсений явно огорчился за науку.

Всеволод усмехнулся.
— Простите, что подвёл.

Потом домашние опыты.

Пятьдесят фунтов.

Сто.

Двести.

Ничего видимого.

Двести пятьдесят.

Триста.

Появление слабой дымки.

Пятьсот компактно.

Уверенный эффект.

Те же пятьсот, разнесённые по помещению.

Слабее.

Арсений перестал листать.

Вернулся назад.

— Та же масса?

— Да.

— Тот же аурит?

— Да.

— Время?

— Почти одинаковое.

— Расстояние?

— Фиксировали.

Он посмотрел на Ярослава.

— Значит, масса сама по себе недостаточна.

— Мы к тому же пришли.

— Геометрия.

— Возможно.

— Плотность расположения.

— Возможно.

— Взаимное усиление отдельных кусков.

— Возможно.

— Поле среды.

Ярослав посмотрел.

— Что?

Арсений уже искал другой лист.

— У Гавриила было.

Нашёл.

Прочитал:

«Среда участвует больше, чем мы предполагаем».

Потом другое:

«Нельзя рассматривать накопитель отдельно от пространства, в котором он работает».

Арсений стал очень серьёзным.

— Мы всегда считали, что он говорит об артефактном контуре.

— Я тоже.

— Возможно, он и говорил.

— Возможно.

— Но мысль могла быть шире.

Вот.

Снова никакого красивого вывода раньше данных.
Ярославу нравилось всё больше, что Михаил разрешил.
И что сам Ярослав настоял.

Потом перед Арсением положили две карты новой шахты.
Первую — обычную.

Промышленную.

Где руды много.

Где мало.

Рабочие выработки.

Брошенные.

Вторую — закрытую.

Отметки Ярослава.

Слабая дымка.

Средняя.

Сильная.

Отдельно ощущения Всеволода.

Арсений сначала посмотрел одну.

Потом другую.

Снова первую.

— Они не совпадают.

— Именно.

Он наложил листы.

Проверил.

Самая сильная точка находилась в старой бедной выра-

ботке.

Там, где промышленного аурита почти не было.

Арсений долго смотрел.

— Это невозможно.

Никто не сказал ничего.

Он сам через секунду нахмурился.

— Нет.

Покачал головой.

— Неправильно.

Ярослав улыбнулся.

— Что?

— Я сказал «невозможно», исходя из того, что воздействие создаёт видимый добываемый аурит.

— А мы этого не знаем.

— Именно.

Он снова посмотрел.

— Может быть большая масса глубже.

— Да.

— Другой состав породы.

— Да.

— Старая залежь.

— Возможно.

— Пространственная форма жилы.

— Возможно.

— Что-нибудь, чего мы вообще не измеряем.

— Самое неприятное.

Арсений кивнул.

— И самое вероятное.

Только после этого Михаил заговорил.

До сих пор он почти молчал.

— Арсений.

Тот поднял голову.

Михаил подвинул ещё один лист.

Название шахты.

Каменской.

Арсений посмотрел.

И лицо изменилось.

Совсем немного.

Но Ярослав заметил.

— Вы там бывали? — спросил Михаил.

Арсений перевёл взгляд на него.

Потом на Ярослава.

— Бывал.

— Сколько раз?

— Дважды.

Ярослав уже знал.

Но теперь слышал от него.

— Зачем? — спросил он.

— Старый измерительный контур.

— Что измеряли?

— Потери в протяжённых связях.

— На шахте?

— Там сохранился старый комплекс.

Арсений нахмурился.

— Он ещё времён...

Остановился.

— Гавриила?

— Возможно, чуть позже. Я не уверен.

Михаил спросил:

— Спускались?

— Да.

Вот.

Ярослав положил ладони на стол.

— Куда?

Арсений посмотрел на карту.

— Не в основную разработку.

Медленно провёл пальцем.

— Сюда.

Михаил ничего не сказал.

Указанное место совпадало.

Старая закрытая выработка.

Та самая, про которую его люди уже нашли странности.

— Там руды мало, — сказал Арсений.

— Откуда знаешь?

— Мне говорили.

Пауза.

Потом он застыл.

Совсем.

Ярослав увидел момент, когда воспоминание догнало настоящее.

— Что?

Арсений не отвечал.

— Арсений.

Тот медленно посмотрел.

— Там было хорошо.

Всеволод выпрямился.

— Как?

— Я не знаю.

Арсений потёр ладонью лоб.

— Просто...

Он искал слова.

— Я провёл там несколько часов.

Смотрел приборы.

Проверял линии.

Устал до этого.

Дорога.

Работа.

А внутри...

Он замолчал.

— Что? — спросил Ярослав.

— Я перестал чувствовать усталость.

Тишина.

Всеволод сказал:

— Дышалось легче?

Арсений посмотрел.

— Да.

Совсем тихо.

— Именно.

На несколько секунд никто не двигался.

Арсений снова опустил взгляд на карту.

— Я решил, что там просто прохладнее.

— Может быть, — сказал Ярослав.

Арсений резко посмотрел.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да.

— После всего, что я прочитал?

— После всего, что ты прочитал, это всё ещё может быть частью причины.

Пауза.

Арсений медленно кивнул.

Хорошо.

Он услышал.

— Отец знает? — спросил он.

Вопрос прозвучал неожиданно.

Не обвиняюще.

Скорее растерянно.

— Мы не знаем, — сказал Ярослав.

— Дядя?

— Не знаем.

— Глава рода?

Михаил ответил:

— Мы уверены только, что кто-то в основной ветви знает значительно больше, чем показывает.

Арсений откинулся.

Смотрел на стол.

Не на людей.

На бумаги.

— Я был там.

— Да.

— Меня туда привезли.

— Да.

— Почему?

— Не знаем.

Он посмотрел на Михаила.

— Вы проверяли меня.

— Да.

— И нашли поездки.

— Да.

— Поэтому я здесь?

Ярослав сразу сказал:

— Нет.

Арсений повернулся.

— Нет?

— Поэтому мы задали вопросы.

Пауза.

— Здесь ты потому, что я хотел тебя здесь видеть.

Вот.

Арсений ничего не ответил.

Но услышал.

Потом появилась таблица Каменских.

Михаил не стал объяснять заранее.

Просто положил.

Арсений начал читать.

Поколение до первой шахты.

Четырнадцать человек.

Трое ниже среднего.

Шесть средних.

Четверо сильных.

Один очень сильный.

Следующее поколение.

Ноль слабых.

Четыре средних.

Пять сильных.

Один очень сильный.

Дальше.

Ещё.

Текущие взрослые.

Ни одного слабого.

Ни одного среднего.

Семь сильных.

Четыре очень сильных.

Арсений дошёл до конца.

Вернулся наверх.

Прочитал ещё раз.

— Откуда данные?

Михаил перечислил.

Академические архивы.

Военные измерения.

Родословные.

Официальные документы.

Несколько закрытых источников.

Арсений посмотрел.

— Какие закрытые?

— Вам лучше не знать.

— Согласен.

Михаил слегка улыбнулся.

Арсений снова посмотрел на таблицу.

Пальцы остановились на последней строке.

— Мой?

Тишина.

Ярослав понял сразу.

Не «какой у меня показатель».

Совсем другое.

Почему он у меня такой?

Арсений был сильным.

Заметно выше среднего для возраста.

Раньше это было просто частью его личности.

Каменский.

Хорошая кровь.

Сильный Источник.

Теперь вдруг появился второй вопрос.

Он медленно сказал:

— Я был на шахте дважды.

Никто не ответил.

— В детстве тоже ездил.

Ярослав поднял взгляд.

— Куда?

— На другую.

— Зачем?

Арсений нахмурился.

— Не помню точно.

Потом:

— Семейная поездка.

Мне было лет десять или одиннадцать.

Отец.

Дядя.

Ещё люди.

— Спускался?

— Не помню.

Он всё сильнее напрягался.

— Потом были обследования.

— Какие?

— Обычные.

Источник.

Проводимость.

Контроль.

— Часто?

— У Каменских детей регулярно проверяют.

Пауза.

— Я думал, у всех древних родов так.

Ярослав посмотрел на деда.

Всеволод слегка нахмурился.

У Лисовых проверяли.

Но не настолько часто.

Арсений встал.

Прошёл несколько шагов.

— Если они...

— Стоп.

Он повернулся.

Ярослав говорил спокойно.

— Мы не знаем.

— Но...

— Не знаем.

— Я был там.

— Ты был в шахте.

— У меня сильный Источник.

— Ты Каменский.

Арсений замолчал.

— У вас сильные маги рождались задолго до первой покупки ауритовой шахты.

— Но статистика...

— Статистика говорит о роде.

Ярослав указал на него.

— Не о тебе.

Арсений смотрел.

— Мы не знаем, воздействовали на тебя специально или нет.

— А если...

— Тогда узнаем.

— А если отец знает?

— Тогда это будет потом.

— Я не могу спросить.

Клятва.

Вот она.

Впервые действительно почувствовалась.

Ярослав видел.

Арсений тоже.

— Прости, — сказал Ярослав.

Арсений медленно покачал головой.

— Я сам согласился.

— Да.

— И согласился бы снова.

Пауза.

— Просто мне это не нравится.

— Мне бы тоже не понравилось.

Вернули его к данным не сразу.

Дали воды.

Савелий даже заставил поесть.

Небольшой бутерброд с мясом.

Арсений сказал, что не хочет.

Савелий посмотрел.

Арсений съел.

Ярослав улыбнулся.

Ещё один человек понял, что с лекарем спорить бессмысленно.

Потом перешли к Гавриилу.

Патент.

Переписка.

Работы.

Материалы.

Старые термины.

Вот здесь Арсений снова начал возвращаться в привычное состояние.

Сначала медленно.

Потом быстрее.

Читал.

Комментировал.

Переводил старые профессиональные обороты на современный язык.

В одном месте остановился.

— Вы это как поняли?

Елисей ответил:

— Как сохранение энергии внутри накопителя после отключения контура.

Арсений нахмурился.

— Можно.

— Но?

— В старом языке «удержание после внешнего воздействия» шире.

— Насколько?

— Это может быть не только про накопитель.

Он перечитал.

— Скорее про изменение состояния системы, которое сохраняется после исчезновения причины.

Ярослав почувствовал холодок.

— Ещё раз.

Арсений объяснил.

Если внешний фактор изменил состояние системы, а после удаления фактора система **не сразу вернулась к исход-**

ному состоянию — старые артефакторы могли использовать именно этот оборот.

Ярослав посмотрел на Савелия.

Тот уже понял.

Нашли приложение.

Арсений читал медленно.

Не вслух всё.

Только ключевые места.

Потом остановился.

Лицо стало совсем серьёзным.

— Вот.

Положил палец.

«После прекращения воздействий изменение не всегда останавливается сразу».

Никто не шевельнулся.

Дальше.

Два случая:

граница Источника продолжала изменяться без нового посещения.

Ещё один:

сначала человек чувствовал себя полностью нормально.

Потом появилась нестабильность.

Позднее.

После периода внешнего благополучия.

Савелий тихо выругался.

Очень редко.

Поэтому прозвучало особенно весомо.

— Сколько у нас минимальный промежуток был? — спросил Арсений.

Елисей ответил.

Арсений посмотрел на Ярослава.

— Мало.

— Теперь знаю.

— Не меньше недели.

Савелий сразу:

— Именно.

— Возможно, больше.

— Да.

Ярослав поднял руки.

— Я согласен.

Арсений посмотрел.

— Ты не споришь?

— Нет.

— Совсем?

— Нет.

— С лекарем?

— Да.

Арсений посмотрел на Савелия.

— Он заболел?

Савелий сухо сказал:

— Улучшается.

Всеволод рассмеялся.

Потом Арсений снова прочитал одну фразу.

Очень медленно.

«Рост — не результат сам по себе. Важна устойчивость после роста».

Он замер.

Посмотрел на Ярослава.

— Это же твоё.

— Что?

— Нагрузка.

Пауза.

— Восстановление.

Ещё.

— Адаптация.

Ярослав молчал.

Арсений провёл пальцем по строчке.

— Гавриил не искал способ сделать Источник максимально большим.

— Нет.

— Он искал величину воздействия, после которой система становится сильнее и остаётся устойчивой.

— Похоже.

— То есть...

Он посмотрел на записи.

— Аурит — нагрузка.

Тишина.

Ярослав медленно кивнул.

— Я тоже так думаю.

— Мало — ничего.

— Да.

— Достаточно — изменение.

— Возможно.

— Слишком много...

Он посмотрел на позднюю нестабильность.

— Повреждение.

Савелий сказал:

— Вот это мы обязаны доказать раньше, чем увеличивать воздействие.

Никто не спорил.

Следующие два часа они уже не рассказывали Арсению.

Они работали вместе.

И это чувствовалось совершенно иначе.

Арсений переписал схему наблюдений.

Не полностью.

Добавил.

Отдельная строка:

точка воздействия.

длительность.

исходная наполненность Источника.

ёмкость.

проводимость.

скорость восстановления.

самочувствие сразу.

через час.

вечером.

следующее утро.

через сутки.

через трое суток.

через неделю.

Отдельно:

сон.

головная боль.

раздражительность.

ощущение контроля.

желание повторить воздействие.

На последнем Ярослав посмотрел.

— Зачем?

— Потому что ты сам сказал: в шахте хотелось остаться.

Точно.

— Хорошо.

Потом Арсений добавил ещё одну страницу.

Магическое зрение Ярослава.

Ярослав посмотрел.

— Обязательно?

— Да.

— Это субъективно.

— Поэтому и фиксируем.

Шкала.

Сначала грубая.

Ноль:

ничего.

Один:

сомнительное ощущение.

Два:

слабая дымка.

Три:

уверенное присутствие.

Четыре:

различимая плотность и границы.

Пять:

если когда-нибудь появятся устойчивые детали движения или структуры.

Ярослав посмотрел.

— А если зрение станет ещё лучше?

— Добавим.

— Очень научно.

— Именно.

Арсений подписал отдельно:

Неясно, связано ли улучшение восприятия с ростом ёмкости Источника, тренировкой самой способности

или накоплением опыта интерпретации.

Ярослав прочитал.

— Хорошо.

— Ещё нужен контроль вне аурита.

— В смысле?

— Смотреть обычную магию.

Арсений оживился.

— Если ты лучше видишь только аурит, одно.

Если вообще все магические процессы — другое.

Ярослав задумался.

Он действительно в последние недели начал замечать больше не только в шахте.

Потоки при работе артефактов.

Мгновенный след клятвы.

Иногда даже движение энергии вокруг человека при простом упражнении.

Раньше всё это было куда более смазанным.

— Вообще лучше, — сказал он.

Арсений замолчал.

— Уверен?

— Кажется.

— Не «кажется».

— Тогда надо проверить.

— Именно.

Ещё один опыт.

Ещё одна колонка.

Савва посмотрел на растущую стопку бумаги.

— Когда-нибудь наши исследования обанкротятся на чернилах.

Елисей впервые за вечер улыбнулся.

К ужину они почти не заметили времени.

Ратмир несколько раз присылал человека.

В третий раз Савелий сказал:

— Перерыв.

Арсений хотел закончить одну таблицу.

Савелий:

— Сейчас.

Он закончил строчку.

— Идём.

Ярослав посмотрел.

— Быстро учишься.

— Я видел, как он на тебя смотрит.

— Правильная стратегия.

После ужина остальные постепенно разошлись.

Всеволод устал.

Савва забрал копию финансовой части расходов на исследование, хотя никто не просил.

Савелий ушёл проверять один из приборов.

Михаил задержался ненадолго.

Перед уходом подошёл к Арсению.

— Клятва вас не делает нашим человеком против Каменных.

Арсений посмотрел.

Михаил продолжил:

— Просто человеком, которому дали доступ к конкретной тайне.

— Я понимаю.

— Хорошо.

И ушёл.

Ярослав был ему благодарен.

Именно это Арсению сейчас нужно было услышать.

Они остались вдвоём.

Елисей работал за соседним столом, но настолько тихо, что почти не считался.

Арсений сидел перед картой.

Долго.

Усталость уже была видна.

Но голова всё ещё работала.

— Ярослав.

— Да?

— Почему я?

— Опять?

— Да.

Он поднял взгляд.

— Специалистов моего уровня много.

— Может быть.

— Старше меня — больше.

— Да.

— Есть люди, которые не Каменские.

— Есть.

— Тогда почему?

Ярослав откинулся.

— Потому что мне нравится с тобой работать.

Арсений явно ожидал чего-то другого.

— Это всё?

— Нет.

Ярослав подумал.

— Потому что ты умеешь говорить «не знаю».

Пауза.

— Потому что когда видишь красивую гипотезу, ты пытаешься её сломать, а не защитить.

Арсений слушал.

— Потому что ты зануда.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

Ярослав улыбнулся.

Потом серьёзнее:

— И потому что я хочу разбираться в этом с человеком, которому доверяю.

Арсений опустил взгляд.

На несколько секунд.

— Даже если окажется что-то плохое про мою семью?

— Особенно тогда.

— Почему?

— Потому что если окажется что-то плохое, тебе нужен будет человек, который не начнёт сразу говорить, что твоя семья чудовища.

Арсений долго молчал.

— А если они действительно сделали что-то плохое?

— Тогда будем разбираться с тем, что они сделали.

Пауза.

— Не с фамилией.

Арсений тихо выдохнул.

— Хорошо.

Посмотрел на карту.

— Тогда разберёмся.

Он уже собирался закрыть бумаги.

Потом остановился.

— Подожди.

Ярослав посмотрел.

Арсений снова развернул карту Каменской шахты.

Не ту, новую лисовскую.

Свою.

Семейную.

Провёл пальцем.

— Я вспомнил.

— Что?

— Контур.

— Тот измерительный?

— Да.

Он показал.

— Он стоял здесь.

Ярослав наклонился.

— В закрытой выработке?

— Да.

— Почему?

— Я тогда не спрашивал.

— А сейчас?

Арсений смотрел на схему.

— Сейчас спрашиваю.

Палец чуть сдвинулся.

— Это далеко от богатой жилы.

— Насколько?

— Достаточно.

— Там добывали?

— Почти нет.

Ярослав почувствовал, как усталость исчезает.

— Почему тогда там стоит дорогой измерительный контур?

— Вот именно.

Арсений медленно поднял глаза.

— И ещё.

— Что?

— Он измерял не добычу.

— А что?

Арсений нахмурился.

— Я тогда думал — потери в линиях.

Мне так сказали.

Пауза.

— Теперь я хочу посмотреть на схему заново.

— Она у тебя есть?

— Не полная.

— Где полная?

Арсений посмотрел.

— В семейном архиве Каменских.

Вот теперь возникла настоящая проблема.

Он не мог пойти к отцу и спросить:

«Покажи мне секретную схему из ауритовой шахты, потому что Лисовы считают, что вы десятилетиями выращиваете Источники».

Клятва не позволит.

Ярослав посмотрел на карту.

— Можно получить её обычным способом?

Арсений думал.

— Возможно.

— Без лжи?

— Да.

— Без подозрений?

Пауза.

— Сложнее.

Ярослав улыбнулся.

— Вот для этого у нас есть Михаил.

Из коридора вдруг донеслось:

— Я всё ещё здесь.

Оба повернулись.

Михаил стоял в дверях.

С новым дорожным футляром под мышкой.

Ярослав рассмеялся.

— Вы подслушиваете?

— Я работаю.

— Разница?

— Мне платят.

Арсений впервые за весь тяжёлый вечер тоже рассмеялся.

Михаил подошёл.

Посмотрел на карту.

— Что вам нужно?

Арсений показал точку.

— Полная схема этого контура.

Михаил секунду смотрел.

— Получим.

— Просто?

— Нет.

— Тогда...

— Но получим.

Он закрыл карту.

— А теперь спать.

Ярослав поднял бровь.

— Вы с Савелием сговорились?

— Нет.

— Сегодня все...

Арсений перебил:

— Ярослав.

— Что?

— Спать.

Ярослав посмотрел на него.

Потом на Михаила.

— Прекрасно.

Ещё один человек в закрытом круге.

И уже командует.

Но почему-то это совсем не раздражало.

Наоборот.

Он посмотрел на папки.

На новые таблицы.

На карту шахты.

На дополнительный лист с заголовком:

«Магическое зрение. Динамика восприятия».

За один день вопросов стало намного больше.

Но впервые за долгое время Ярослав почувствовал, что и людей, способных искать ответы, тоже стало больше.

И это, пожалуй, было важнее.

Глава 7. Дом

Арсений появился за завтраком с таким видом, будто не ночевал, а всю ночь продолжал читать записи Гавриила.

Возможно, так и было.

Ярослав заметил его ещё из коридора.

Волосы уложены.

Сюртук свежий.

Рубашка чистая.

Никаких внешних признаков бессонной ночи.

Только глаза.

Слишком внимательные для человека, которого подняли утром.

— Ты спал? — спросил Ярослав вместо приветствия.

Арсений остановился.

— Да.

— Сколько?

— Достаточно.

— Это не количество.

— Я не записал.

Ярослав прищурился.

Арсений выдержал взгляд.

Потом сдался.

— Шесть часов двадцать минут.

— Ты сказал, что не записал.

— Я посмотрел на часы.

— Конечно.

— Шесть часов двадцать минут — нормальный сон.

— Для тебя, может быть.

— Я чувствую себя хорошо.

— Это тоже записал?

— Нет.

Пауза.

— Пока.

Ярослав рассмеялся.

— Идём. Пока Савелий не услышал.

— Он уже услышал.

Голос лекаря донёсся из конца коридора.

Арсений вздрогнул.

Ярослав:

— Беги.

— Куда?

— Завтракать. Там он тебя хотя бы не убьёт.

Савелий посмотрел на обоих.

— Иногда я жалею, что клятва не позволяет мне рассказывать людям, насколько вы оба неразумны.

— Это врачебная тайна, — сказал Ярослав.

— Идите.

Они пошли.

Утро в родовом доме было совсем другим, чем в столице.

Там Ярослав привык к звуку колёс.

К дверям.

К людям.

К постоянному движению.

Даже хороший столичный дом никогда полностью не замолкал.

Здесь за окнами был сад.

После ночного дождя листья ещё блестели.

Окно в малой столовой приоткрыли, и оттуда тянуло влажной землёй.

На столе стояла горячая каша.

Хлеб.

Творог.

Масло.

Яйца.

Мясо.

Нарезанные яблоки.

И отдельная маленькая тарелка с ягодами возле места Мирославы.

Сама Мирослава сидела уже там.

И была не одна.

На соседнем стуле находился Тихон.

Огромный медведь занимал его целиком.

Одну лапу Мирослава зачем-то положила на край стола.

Всеволод сидел напротив.

Читал письмо.

Судя по тому, что присутствие медведя за завтраком никого больше не удивляло, дом окончательно сдался.

Ярослав вошёл.

Мирослава тут же повернулась.

— Арсений!

Арсений остановился.

Он явно не ожидал такого восторженного приёма.

— Доброе утро.

— Ты остался!

— Как видишь.

— Я думала, ты уедешь вчера.

— Планировал.

— А потом?

Арсений посмотрел на Ярослава.

— Потом мне показали слишком много бумаг.

— Это он умеет.

Ярослав снял салфетку со своего прибора.

— Кто бы говорил.

Мирослава проигнорировала.

— Это Тихон.

Арсений посмотрел на медведя.

Потом снова на Мирославу.

— Мы знакомы?

Она удивилась.

— Нет.

— Тогда рад знакомству.

И совершенно серьёзно протянул медведю руку.

Ярослав остановился.

Всеволод медленно опустил письмо.

Мирослава несколько секунд смотрела на Арсения.

Потом расплылась в улыбке.

Взяла огромную лапу Тихона и вложила в его ладонь.

— Тихон тоже рад.

Арсений пожал лапу.

— Прекрасно.

Ярослав сел.

— Всё. Теперь она тебя любит.

— Почему?

— Ты поздоровался правильно.

Мирослава возмутилась:

— Не поэтому!

— А почему?

Она задумалась.

— Потому что он нормальный.

Ярослав посмотрел на Арсения.

— Вот теперь я оскорблён.

— Я тоже немного, — признался тот.

Мирослава сразу начала расспрашивать.

Она знала, что Арсений делает артефакты.

Для неё этого было достаточно, чтобы он автоматически стал человеком, способным решить любую проблему мира.

— А ты можешь сделать Тихона магическим?

Арсений замер с чашкой в руке.

— В каком смысле?

— Ну...

Она посмотрела на медведя.

— Чтобы он что-нибудь умел.

— Что именно?

Мирослава задумалась.

Это, видимо, была важная часть задачи.

— Защищать.

Всеволод спрятал улыбку за чашкой.

Арсений ответил серьёзно:

— Тихон очень большой. Думаю, он уже производит достаточно сильное впечатление.

— Но если придёт враг?

— Какой?

— Настоящий.

— В дом?

— Да.

Арсений посмотрел на Всеволода.

Потом на Ярослава.

— Если враг уже дошёл до спальни Мирославы, думаю, у нас будет проблема значительно серьёзнее возможностей Тихона.

— Вот! — сказала она. — Поэтому ему нужна магия.

Арсений задумался.

Ярослав видел это выражение.

Опасное.

— Нет.

Арсений повернулся.

— Я ничего не сказал.

— Но уже думаешь.

— Можно было бы...

— Нет.

— Ярослав!

Теперь уже Мирослава.

— Не превращайте медведя в боевой артефакт.

— Почему?

— Потому что он медведь.

Она посмотрела на Тихона.

— Он может быть и медведем, и артефактом.

Арсений осторожно сказал:

— В принципе она права.

— Ты на чьей стороне?

— На стороне технической точности.

— Очень удобно.

Всеволод наконец рассмеялся.

В итоге договорились, что Тихон пока останется обычным медведем.

«Пока» Мирослава подчеркнула особенно.

После этого она заинтересовалась Арсением самим.

— Ярослав сказал, ты тоже тренируешься.

— Да.

— Давно?

— Несколько недель.

— Ты уже сильный?

Арсений посмотрел на Ярослава.

Тот очень старательно занимался хлебом.

— Смотря с кем сравнивать.

— Со мной.

Арсений посмотрел на девятилетнюю девочку.

— Думаю, сильнее.

Она нахмурилась.

— Пока.

Вот теперь Ярослав поперхнулся.

— Мирослава.

— Что?

— Ничего.

Арсений тихо спросил:

— Мне надо беспокоиться?

— Да.

— Ясно.

За завтраком выяснилось ещё несколько важных вещей.

Софья снова интересовалась тренировками Арсения.

Мирослава выпытала это за три минуты.

Ярославу понадобилось значительно больше.

— Кто такая Софья? — спросила она.

Арсений почти уронил ложку.

— Знакомая.

Ярослав посмотрел.

— Независимый внешний наблюдатель.

Арсений мгновенно повернулся.

— Не начинай.

Мирослава:

— Что она наблюдает?

— Как меняется Арсений.

— Зачем?

— Ей интересно.

— Ярослав.

— Что?

— Замолчи.

Всеволод смотрел на них уже совершенно открыто.

Ярослав продолжил:

— Она заметила, что у него плечи стали...

Арсений поставил чашку.

— Я расскажу про аурит.

Тишина.

Ярослав мгновенно перестал улыбаться.

Арсений тоже понял.

— Шучу.

Мирослава посмотрела с подозрением.

— Что такое аурит?

Всеволод спокойно сказал:

— Камень.

— А.

Она потеряла интерес.

Ярослав посмотрел на Арсения.

Тот едва заметно улыбнулся.

— Нечестно, — тихо сказал Ярослав.

— Зато работает.

После завтрака Мирослава сама напомнила про тренировку.

Ещё до того, как Ярослав успел закончить чай.

— Ты обещал.

— Я помню.

— Вчера тоже помнил.

— Вчера меня не было.

— Поэтому сегодня надо.

Логика безупречная.

Ярослав посмотрел на Арсения.

— Ты с нами.

— Сейчас?

— А когда?

— Я тренировался позавчера.

— Сегодня лёгкая.

— По программе?

— Теперь по программе.

Арсений посмотрел на свой дневник, которого, к счастью, за столом не было.

— Хорошо.

Мирослава улыбнулась.

— Я покажу тебе, как правильно.

Арсений посмотрел на Ярослава.

— Мне действительно надо беспокоиться.

— Я предупреждал.

Тренировались во дворе.

Не там, где занимались дружинники.

У дома была небольшая площадка, которую Ярослав давно приспособил под себя и Мирославу.

Утренний воздух после дождя был прохладным.

Деревянное покрытие под навесом уже высохло.

Рядом стояли лёгкие гири.

Перекладина.

Несколько мешков с наполнителем.

Мирославин деревянный меч лежал отдельно.

Очень хороший.

Столичный.

Ещё подарок.

Ярослав помнил, как впервые увидел её на тренировке.

Мягкие движения.

Слабые ноги.

Быстрое дыхание.

Постоянное желание делать больше просто потому, что старший брат делал больше.

Теперь ребёнок менялся.

Медленно.

Правильно.

И именно поэтому заметно.

Ноги стали крепче.

Осанка лучше.

Она больше не складывалась после короткой пробежки.

Двигалась увереннее.

Даже когда просто шла к площадке, Ярослав видел: тело уже привыкло, что от него регулярно что-то требуют.

Тихона тоже принесли.

Конечно.

Медведь сидел под навесом и «наблюдал».

Арсений посмотрел.

— Он будет оценивать?

— Да, — совершенно серьёзно сказала Мирослава.

— По каким критериям?

Она задумалась.

— По всем.

Арсений кивнул.

— Строгий специалист.

Ярослав решил больше не вмешиваться в их отношения.

Начали с разминки.

Мирослава делала привычную последовательность.

Арсений — свою.

Ярослав ходил рядом.

Исправлял.

— Колено.

Арсений поправил.

— Плечи.

Мирослава выпрямилась.

— Не спеши.

Оба одновременно замедлились.

Ярослав остановился.

Посмотрел.

— Вот теперь я понимаю, зачем тренировать детей.

Арсений:

— Почему?

— Хоть кто-то меня слушает.

— Я тоже слушаю.

— После трёх объяснений.

— Я проверяю.

— На себе?

— Надёжный способ.

Мирослава сказала:

— Я с первого раза делаю.

Ярослав посмотрел на неё.

— Ты вчера два раза добавила повторения.

— Это другое.

— Разумеется.

Приседания Мирослава действительно делала лучше Арсения.

Не сильнее.

Разумеется.

Но движение было уже привычным.

Колени.

Спина.

Положение стоп.

Арсений посмотрел.

Потом попробовал сам.

Ярослав поправил.

Мирослава немедленно сказала:

— Ты слишком наклоняешься.

Арсений замер.

Посмотрел на неё.

Потом на Ярослава.

— Она права?

— Да.

— Девять лет.

— Да.

Арсений выпрямился.

— Тихон видел?

— Всё, — сказала Мирослава.

— Ужасно.

Потом подтягивания.
Мирослава работала с облегчённым вариантом.
Арсений — нормально.
Три чистых.
Ярослав смотрел.
Первое.
Хорошо.
Второе.
Нормально.
Третье.
Уже тяжелее.
Арсений повис.
Посмотрел на перекладину.
Ярослав знал этот взгляд.
— Нет.
— Я ничего.
— Не надо четвёртое.
— Я просто...
— Арсений.
Тот отпустил.
Мирослава рядом серьёзно сказала:
— Если он сказал три, надо три.
Арсений тяжело дышал.
— Спасибо.
— Мне тоже так говорит.

— Теперь понимаю.

Ярослав скрестил руки.

— Прекрасно. Создали союз пострадавших от программ.

Потом они немного побегали по садовой дорожке.

Мирослава держала свой темп.

Не пыталась соревноваться.

Это было новым.

Раньше обязательно ускорила бы.

Теперь знала.

Арсений тоже не рвался вперёд.

Возможно, вчерашние записи Гавриила сделали слово «восстановление» особенно убедительным.

Ярослав бежал рядом.

Медленно.

Легко.

И вдруг поймал себя на странном ощущении.

Хорошем.

Никто никуда не торопился.

Не было Совета.

Не было таблицы прибыли.

Не было шахты.

Не было столицы.

Мирослава что-то рассказывала Арсению про Святобора.

Арсений слушал совершенно серьёзно.

Потом она начала объяснять, почему Тихон не может оставаться один ночью во время грозы.

Арсений спросил:

— Он боится?

— Нет.

— Тогда почему?

— Я боюсь.

Арсений не пошутил.

Только сказал:

— Тогда понятно.

И Ярослав снова отметил это.

Хороший человек.

Просто хороший.

После основной части Мирослава пошла заниматься мечом.

Святобор уже ждал.

Арсений остался рядом с Ярославом.

Оба пили воду.

— Она очень изменилась, — сказал он.

Ярослав посмотрел на сестру.

— Да.

— Ты замечаешь?

— Постоянно.

— Нет.

Арсений покачал головой.

— Я не про цифры.

Ярослав посмотрел.

— Она уверенная.

Пауза.

— Спокойная.

Ещё.

— Дети обычно либо боятся взрослых, либо пытаются привлечь внимание. Она просто знает, что её слушают.

Ярослав ничего не ответил.

Потому что фраза неожиданно попала слишком точно.

Мирослава смеялась чему-то, что сказал Святобор.

Потом снова встала в стойку.

Ярослав смотрел.

— У неё должно быть так, — сказал он.

Арсений кивнул.

— Да.

Арсений уезжал после полудня.

Ему нужно было возвращаться в мастерскую.

И, судя по выражению лица, как минимум половину дороги он собирался думать о закрытом измерительном контуре Каменских.

Перед отъездом ему ещё раз напомнили о клятве.

Не потому что не доверяли.

Потому что таков порядок.

Он не обиделся.

Потом Мирослава появилась с Тихоном.

Самого медведя, разумеется, не несла.

За лапу тянула служанка.

— Ты ещё приедешь?

— Если пригласят.

Мирослава посмотрела на Ярослава.

— Я приглашаю.

Арсений улыбнулся.

— Тогда придётся.

— И Софью привези.

Арсений замер.

Ярослав повернулся в сторону, чтобы не выдать себя.

— Почему? — очень осторожно спросил Арсений.

— Я хочу посмотреть.

— На что?

— Почему она трогает тебе плечи.

Ярослав больше не выдержал.

Рассмеялся.

Арсений покраснел так заметно, что даже Всеволод, вышедший проводить гостя, понял: произошло что-то прекрасное.

— Я уезжаю, — сказал Арсений.

— Это правильно, — согласился Ярослав.

— Тебя я больше ни о чём не спрашиваю.

— А меня? — спросила Мирослава.

Арсений посмотрел на неё.

— Тебя особенно.

Он сел в карету.

Мирослава махала, пока та не скрылась за воротами.

Потом повернулась.

— Он хороший.

— Да.

— Немного странный.

— Очень.

— Софья ему нравится?

— Мирослава.

— Что?

— Иди к Тихону.

— Он здесь.

— Тогда идите оба.

Она ушла.

Всеволод стоял рядом.

— Ты точно уверен, что ей девять?

— Иногда нет.

Разговор с дедом начался вечером.

Совершенно не так, как Ярослав планировал.

Он вообще хотел поговорить о столице.

Практично.

Спокойно.

Нужен дом.

Или хотя бы долгосрочно снять хороший особняк.

Клуб приближался к открытию.

В первые месяцы Ярослав собирался находиться там почти постоянно.

Нужно обучать инструкторов.

Лично вести первые программы.

Следить за записями.

Исправлять ошибки.

Нельзя каждый раз тратить по несколько часов на дорогу туда и обратно.

Особенно если тренировки начинаются утром, а заканчиваются вечером.

Простой хозяйственный вопрос.

Так он думал.

Поэтому после ужина пришёл к деду в кабинет.

Всеволод сидел у окна.

Очки лежали на носу.

Перед ним были какие-то бумаги.

Ярослав постучал по открытому косяку.

— Можно?

Дед поднял глаза.

— Если это ещё один ауритовый эксперимент — нет.

— Не он.

— Тогда заходи.

Ярослав сел напротив.

Всеволод отложил бумагу.

— Что случилось?

— Ничего.

— Тогда хуже.

— Почему?

— Когда у тебя что-то случилось, ты начинаешь с цифр.

Когда говоришь «ничего», значит, долго думал.

Ярослав улыбнулся.

— Возможно.

— Говори.

Он начал просто.

— Клуб скоро открывается.

— Знаю.

— Первые месяцы мне придётся проводить в столице много времени.

— Знаю.

— Ездить каждый день неудобно.

Всеволод не изменился в лице.

Только взял очки.

Снял.

Положил на стол.

Очень аккуратно.

— Понимаю.

Ярослав продолжил:

— Поэтому я думаю...

— Конечно.

— Что?

— Ничего.

Дед немного отодвинулся.

— Подберём тебе дом.

Ярослав замолчал.

— Какой дом?

— В столице.

— Да.

— Михаил поможет.

— Наверное.

— Елизавета выберет район. Иначе купишь что-нибудь
возле клуба только потому, что идти пять минут.

Ярослав смотрел.

Что-то было не так.

Очень.

Голос деда оставался спокойным.

Слишком спокойным.

— Дед.

— Что?

— Ты сейчас о чём?

Всеволод пожал плечами.

— О твоём переезде.

Вот.

Ярослав несколько секунд просто не понял.

А потом понял.

— Моём?

— Ты же об этом пришёл сказать.

— Нет.

Всеволод посмотрел.

Впервые по-настоящему.

— Нет?

— Нет.

— Но ты только что...

— Я сказал, что нужен дом в столице.

— Тебе.

— Нам.

Тишина.

Всеволод не двигался.

Ярослав повторил:

— Нам нужен дом.

— Кому «нам»?

— Нам.

— Ярослав.

— Тебе. Мне. Мирославе.

Пауза.

— Если захочет, Ратмиру. Хотя он, скорее всего, скажет, что без него здесь всё развалится, и будет ездить туда-сюда.

Дед всё ещё смотрел.

— Я не понимаю.

— Что именно?

— Ты предлагаешь мне переехать в столицу?

— Частично.

Ярослав подался вперёд.

— Не бросить это место.

Не продать.

Не передать.

Это всё равно дом рода.

Мы будем возвращаться.

Ты нужен здесь.

Я тоже.

Но большую часть ближайших месяцев мне нужно быть там.

Тебе всё равно постоянно приходится ездить на Совет и ко двору.

Мирославе можно найти хороших преподавателей.

Дед...

Он остановился.

Потому что вдруг увидел выражение лица Всеволода.

Не облегчение.

Ещё нет.

Скорее человек не успел перестроиться.

— Ты думал, я уезжаю от вас.

Не вопрос.

Всеволод посмотрел в окно.

— Это было бы разумно.

— Нет.

— Тебе уже не восемнадцать.

— Дело не в возрасте.

— У тебя появляются свои дела.

Свои люди.

Своя жизнь.

Ярослав почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— И поэтому ты решил, что я соберу вещи и уеду?

— Я не решил.

— Решил.

— Ярослав.

— Я вижу.

Всеволод медленно выдохнул.

— Хорошо.

Пауза.

— Решил.

Дед встал.

Прошёл к окну.

За стеклом темнел сад.

Ярослав остался сидеть.

Не торопил.

Через некоторое время Всеволод сказал:

— Когда ты сказал про столицу, я подумал, что это должно было случиться.

— Почему?

— Потому что всё происходит именно так.

— Как?

— Молодые вырастают.

Уезжают.

Создают свой дом.

Потом приезжают на праздники и уверяют стариков, что совсем не забыли дорогу.

— Звучит обиженно.

— Я старик. Мне можно.

Ярослав улыбнулся.

Но дед — нет.

— И ещё...

Он замолчал.

— Что?

Всеволод долго не отвечал.

Потом тихо сказал:

— Я уже однажды тебя потерял.

Улыбка исчезла.

Вот оно.

Не столичный дом.

Не клуб.

Не расстояние.

Совсем другое.

Всеволод продолжал смотреть в сад.

— После инициации я несколько дней не знал, выживешь ли ты.

Потом ты открыл глаза.

И...

Пауза.

— Я сначала обрадовался.

Конечно.

Ты жив.

Дышишь.

Смотришь.

Потом начал понимать, что что-то не так.

Ярослав не двигался.

— Ты не помнил людей.

Не помнил дом.

Не знал вещей, которые должен был знать.

Смотрел на меня...

Дед наконец повернулся.

— Не так.

Очень простые слова.

Но от них стало тяжелее.

— Я пытался объяснить это инициацией.

Лекарствами.

Повреждением Источника.

Страхом.

Чем угодно.

А потом перестал.

— Почему?

Всеволод усмехнулся.

Грустно.

— Потому что стало всё равно.

Ярослав смотрел.

Дед подошёл к столу.

Сел.

— Я уже говорил тебе.

— Знаю.

— Я боялся не того, что тело моего внука умрёт.

Он сжал пальцы.

— Я боялся, что оно останется живым, а его самого там больше нет.

Пауза.

— Потом прошло время.

И я понял, что всё равно жду тебя за завтраком.

Жду, когда ты придёшь спорить.

Злюсь, когда ты рискуешь.

Горжусь, когда получается.

Боюсь, когда ты лезешь в очередную шахту.

Он улыбнулся совсем немного.

— И однажды понял, что вопрос «куда делся мой внук?» больше не появляется.

Потому что...

Он посмотрел прямо.

— Вот он.

Ярослав опустил взгляд.

Он помнил тот разговор.

Помнил почти каждое слово.
Но сейчас всё звучало иначе.
Потому что впервые он мог ответить честно.
Полностью.

— Дед.

— Что?

— Ты был прав.

Всеволод замер.

— В чём?

Ярослав хотел сказать сразу.

Не смог.

Очень странно.

Он рассказывал людям про деньги.

Про магию.

Про смерть родителей Ярослава.

Про аурит.

Про то, что видит то, чего не видят другие.

Рисковал.

Спорил с великими родами.

А сказать несколько простых слов оказалось труднее.

— После инициации...

Он остановился.

Всеволод ждал.

— Я действительно был не тем человеком, которого ты
знал.

Тишина.

Настолько глубокая, что Ярослав услышал часы у дальней стены.

Один удар.

Ещё.

Всеволод не отвёл взгляда.

— Продолжай.

Ярослав провёл ладонью по лицу.

— Я не знаю, как это произошло.

Не знаю почему.

Не знаю, что случилось с...

Он на секунду запнулся.

— С твоим внуком до меня.

Дед медленно побледнел.

Ярослав заставил себя продолжить.

— Когда я открыл глаза, я не помнил его жизнь.

Потому что это была не моя жизнь.

Я помнил другую.

— Какую?

Голос Всеволода едва изменился.

Но Ярослав услышал.

— Другой мир.

Теперь дед действительно не двигался.

— Совсем другой.

Без Источников.

Без магии.

Без артефактов.

— Ты...

Он замолчал.

Потом:

— Кто ты?

Вот этот вопрос Ярослав ждал с самого первого дня.

Наверное.

Не осознавая.

И всё равно оказалось больно.

— Меня звали Александр.

Всеволод закрыл глаза.

На несколько секунд.

Открыл.

— Звали?

— Да.

— Ты умер?

— Да.

— Как?

— Авария.

Дед не понял слова.

Ярослав подумал.

— У нас были экипажи без лошадей.

Машины.

Очень быстрые.

Я ехал...

Пауза.

— Не доехал.

Всеволод молчал.

— Я помню утро.

Помню, что делал.

Помню дорогу.

Потом...

Он пожал плечами.

— Здесь.

— В теле Ярослава.

— Да.

— Ты выбрал?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Ярослав сразу добавил:

— Если бы мог выбирать, я бы никогда...

Он остановился.

Но дед понял.

— Ты не убивал его?

— Нет.

— Уверен?

Вот это было тяжелее.

Ярослав помолчал.

— Настолько, насколько могу быть уверен.

Когда я пришёл в себя, тело уже умирало после инициа-

ции.

Я ничего не делал.

Я просто...

Появился.

Всеволод смотрел.

Долго.

Потом тихо спросил:

— А он?

Ярослав понял.

— Не знаю.

Самая честная и самая страшная фраза.

— Я не знаю, куда он ушёл.

Не знаю, жив ли где-то.

Не знаю, произошло ли с ним то же самое.

Не знаю ничего.

Всеволод опустил голову.

Ярослав не пытался его утешить.

Нечем.

Это был его внук.

Настоящий.

Мальчик, которого он растил восемнадцать лет.

Которого Ярослав никогда не знал.

Несколько минут они просто сидели.

Ярослав смотрел на руки.

Дед — куда-то в стол.

Потом Всеволод спросил:

— Ты давно хотел сказать?

— С первого дня.

— Почему не сказал?

Ярослав коротко рассмеялся.

Без веселья.

— Представь.

Я просыпаюсь.

Не знаю, где нахожусь.

Не могу читать.

Не знаю людей.

Понимаю язык и сам не знаю почему.

Мне говорят, что я наследник древнего рода.

У меня внутри какая-то магия.

И первое, что я должен сказать человеку, который называет меня внуком:

«Здравствуйте. Вообще-то я взрослый мужчина из другого мира и умер в машине».

У Всеволода дрогнул уголок рта.

— Звучит плохо.

— Очень.

— Я бы позвал лекаря.

— Именно.

— Или священника.

— Вот поэтому.

Немного стало легче.

Совсем чуть-чуть.

Всеволод спросил:

— Каким был твой мир?

Ярослав посмотрел.

Вопрос неожиданно оказался ещё сложнее.

Не потому, что мир невозможно описать.

Наоборот.

Слишком много.

— Шумным.

Первое, что пришло.

Дед ждал.

— Очень большим.

Города...

Ярослав задумался, как объяснить.

— Представь столицу.

Только во много раз больше.

И дома выше дворца.

— Без магии?

— Без магии.

— Как?

Ярослав улыбнулся.

— Очень долго объяснять.

У нас были машины.

Можно было разговаривать с человеком на другом конце мира.

Летать по воздуху.

Доехать за несколько часов туда, куда здесь ехал бы неделями.

Ночью улицы светились так, будто везде горят тысячи артефактов.

Только это были не артефакты.

Всеволод слушал.

Не перебивая.

— Люди были другими?

— Нет.

Ярослав ответил сразу.

— Вот это как раз почти не изменилось.

Дед улыбнулся.

— Жадные?

— Были.

— Глупые?

— Очень.

— Умные?

— Тоже.

— Влюблялись?

— Да.

— Воевали?

Ярослав помолчал.

— Да.

Улыбка Всеволода исчезла.

— Значит, не так уж другой мир.

— Иногда мне кажется, что совсем нет.

— Чем ты занимался?

Вот теперь Ярослав впервые улыбнулся по-настоящему.

— Вот здесь начинается клуб.

Всеволод чуть поднял брови.

Ярослав откинулся.

— Я тренировался.

Давно.

Сначала для себя.

Потом серьёзно.

Соревновался.

Потом начал тренировать других.

— Как Святобор?

— Нет.

Он задумался.

— Похоже. Но не меч.

Тело.

Сила.

Мышцы.

Выносливость.

Люди приходили ко мне, чтобы стать сильнее.

Кто-то хотел похудеть.

Кто-то набрать мышцы.

Кто-то просто перестать уставать.

Кто-то хотел хорошо выглядеть.

— За деньги?

— За деньги.

Всеволод усмехнулся.

— Теперь понятно.

— Что?

— Почему первое, что ты сделал после инициации, — начал считать еду и заставлять всех записывать нагрузку.

Ярослав рассмеялся.

— Наверное.

— А зал?

— Потом я открыл свой.

Вот теперь слова пошли легче.

Он рассказал.

Не обо всём.

Но впервые — много.

Про зал.

Про утро.

Как приходил раньше остальных.

Открывал двери.

Проверял оборудование.

Включал свет.

В его мире ещё была музыка, которая играла сама из небольших устройств.

Всеволод долго пытался понять это место.

— Во время тренировки?

— Да.

— Зачем?

— Не знаю. Без неё было странно.

— Очень разумно.

Ярослав смеялся.

Рассказал про людей.

Не называя фамилий.

Кто-то первый раз пришёл и не мог сделать ни одного подтягивания.

Через год делал десять.

Кто-то похудел так, что пришлось менять всю одежду.

Кто-то пришёл после развода и просто хотел чем-то занять вечера.

Кто-то тренировался пять лет и всё равно каждый январь клялся, что «с этого года начинает серьёзно».

Всеволод смеялся.

— Пять лет до этого несерьёзно?

— Видимо.

Потом Ярослав рассказал про собственные тренировки.

Про соревнования.

Про еду.

Про то, как считал белок.

Всеволод на этом месте посмотрел особенно подозрительно.

— Ты и там считал еду?

— Конечно.

— Значит, это не повреждение Источника.

— Очень смешно.

— Я столько месяцев надеялся.

Ярослав рассмеялся.

И вдруг понял, насколько давно не рассказывал об этом никому.

Вообще.

Потому что некому.

Мир, в котором он жил, существовал только у него в голове.

Все люди.

Улицы.

Зал.

Дом.

Запах кофе утром.

Телефон на столе.

Шум дороги.

Слова, которые здесь ничего не значили.

Он просто запер всё это.

И начал жить дальше.

Именно потому, что другого варианта не было.

— У тебя была семья? — спросил Всеволод.

Вот.

Ярослав перестал улыбаться.

— Да.

Дед сразу понял.

— Родители?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.